This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Skarvan, A

"MON REFUS", par A. Skarvan.

А. ШКАРВАНЪ.

Архивъ
ПРАГА 5638 PRAHA
No
Archiv

МОЙ ОТКАЗЪ ОТЪ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ.

ЗАПИСКИ ВОЕННАГО ВРАЧА.

R534
S45
S45
1898

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ,
А ВЪ ПРАВДѢ.

№ 13.

Изданіе Владиміра Черткова.

V. Tchertkoff.
Purleigh, Essex, England.
1898.

HOOVER LIBRARY
HNL 4454

Slav. coll.
21 231.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мысль о настоящихъ запискахъ впервые возникла у меня, когда я, находясь еще подъ арестомъ въ Кашаусской военной тюрьмѣ, прочелъ въ одной изъ газетъ описаніе моего отказа отъ военной службы. Газеты не могли дать другого объясненія моему поступку, кромѣ того, что я, вѣроятно, или религіозный мистикъ, или чрезмѣрный идеалистъ, фантазеръ, или зловредный анархистъ-фанатикъ, или-же, — какъ думало большинство, — несчастная, невинная жертва русскаго мыслителя Толстого. Двѣ австрійскія газеты, не раздѣлившія такого мнѣнія и сочувственно отозвавшіяся о моемъ отказѣ, были конфискованы правительствомъ.

Подобное мнѣніе обо мнѣ выражали, впрочемъ, не однѣ газеты, но тоже и большинство моихъ знакомыхъ и родственниковъ. Многіе же изъ нихъ, если и не были съ этимъ согласны, — всѣ же оставались въ недоумѣніи, не зная, что думать о такомъ поступкѣ, который съ одной стороны признавали нравственнымъ и не безосновательнымъ, но съ другой стороны непонятнымъ и по своему практическому результату — сомнительнымъ.

"MON REFUS", par A. Skarvan.

А. ШКАРВАНЪ.

Архивъ
ПРАГА 5638 PRAHA
Archiv

МОЙ ОТКАЗЪ ОТЪ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ.

ЗАПИСКИ ВОЕННАГО ВРАЧА.

R534
S45
S45
1898

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ,
А ВЪ ПРАВДѢ.

№ 13.

Изд. Владиміра Черткова.

Tchertkoff.
, Essex, England.
1898.

HOOVER LIBRARY

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мысль о настоящихъ запискахъ впервые возникла у меня, когда я, находясь еще подъ арестомъ въ Кашаусской военной тюрьмѣ, прочелъ въ одной изъ газетъ описаніе моего отказа отъ военной службы. Газеты не могли дать другого объясненія моему поступку, кромѣ того, что я, вѣроятно, или религіозный мистикъ, или чрезмѣрный идеалистъ, фантазеръ, или зловредный анархистъ-фанатикъ, или-же, — какъ думало большинство, — несчастная, невинная жертва русскаго мыслителя Толстого. Двѣ австрійскія газеты, не раздѣлявшія такого мнѣнія и сочувственно отозвавшіяся о моемъ отказѣ, были конфискованы правительствомъ.

Подобное мнѣніе обо мнѣ выражали, впрочемъ, не однѣ газеты, но тоже и большинство моихъ знакомыхъ и родственниковъ. Многіе же изъ нихъ, если и не были съ этимъ согласны, — всѣ же оставались въ недоумѣніи, не зная, что думать о такомъ поступкѣ, который съ одной стороны признавали нравственнымъ и не безосновательнымъ, но съ другой стороны непонятнымъ и по своему практическому результату — сомнительнымъ.

Когда мнѣ приходилось слышать такіе превратные толки не только о моемъ поступкѣ, но и вообще о той жизни, на почвѣ которой онъ выросъ и выростаютъ другіе, подобные-же, то это каждый разъ поднимало во мнѣ бурю чувствъ и мыслей, которыя рвались наружу, не давая мнѣ покоя; и въ этихъ случаяхъ, въ видѣ настойчиваго нравственнаго требованія, возникала во мнѣ мысль о томъ, что слѣдовало-бы передать другимъ людямъ всю внутреннюю и внѣшнюю исторію моего отказа.

Но врядъ ли я когда либо привелъ бы въ осуществленіе свое намѣреніе, такъ какъ все же не имѣлъ для того достаточно прочнаго побужденія и чувствовалъ даже извѣстнаго рода неловкость при мысли писать о себѣ, — если бы, совершенно независимо отъ моего желанія, которое къ тому же, по выходѣ моемъ изъ тюрьмы, почти остыло во мнѣ, — меня не побудили бы къ тому же настоятельныя просьбы моихъ друзей изъ Россіи, убѣждавшихъ меня въ необходимости взяться за эти записки.

И такъ, не смотря, во-первыхъ, на отсутствіе всякой литературной опытности, и, во вторыхъ, на недостаточное обладаніе русскимъ языкомъ, на которомъ я по нѣкоторымъ причинамъ рѣшился писать, я все таки охотно взялся за эту работу. Однако, въ скоромъ времени работа эта оказалась гораздо болѣе объемистой и серьезной, чѣмъ я предполагалъ сначала, такъ что меня взяло сомнѣніе, могу ли я выполнить ее, и слѣдуетъ ли мнѣ вообще писать про себя? Отчасти, вслѣдствіе этихъ соображеній, отчасти по лѣности своей, я нѣсколько разъ бросалъ начатую работу, тѣмъ болѣе, что чувствовалъ въ ней много недостатковъ, безпокоившихъ меня: я видѣлъ, что не умѣю достаточно ясно и точно выразить свои чувства и мысли, что предметъ

мой, вслѣдствіе недостаточнаго умѣнія владѣть имъ, часто какъ бы ускользалъ у меня изъ рукъ; когда же перечитывалъ написанное, то оно мнѣ казалось вялымъ, слабымъ, совсѣмъ не передающимъ того, что я переживалъ; я находилъ много ненужнаго, лишняго, что приходилось зачеркивать, много недосказаннаго, которое требовало добавленій, и въ концѣ концовъ все таки приходилось оставаться недовольнымъ. Однимъ словомъ пришлось испытывать всѣ тѣ затрудненія, которыя неизбѣжны, когда берешься за дѣло, въ которомъ не имѣешь никакого опыта, и я бы навѣрное, не брался снова и снова за этотъ трудъ, если бы онъ не имѣлъ и другой, болѣе свѣтлой и пріятной для меня стороны, а именно: того радостнаго чувства, которое испытываетъ каждый изъ насъ — при всякой передачѣ другимъ людямъ того огня добра, который зажженъ въ насъ, и который намъ самимъ дорогъ и важенъ. Такое именно чувство внутренняго удовлетворенія испытывалъ я по временамъ, независимо отъ всякихъ внѣшнихъ или личныхъ соображеній, и принималъ его какъ признакъ того, что въ моей работѣ должно находиться и зерно хорошее, то самое, которое даетъ мнѣ жизнь и которое нужно всѣмъ.

Кромѣ внутренняго, живущаго во мнѣ побужденія передать испытанное мною другимъ, были и другія, не менѣе сильныя, внѣ меня находящіяся побужденія, а именно: тотъ мракъ, то суевѣріе и насиліе, отъ которыхъ мы всѣ кругомъ страдаемъ, и отъ которыхъ настала пора освободиться людямъ.

Страшно всегда сознавать, какъ человѣчество нашего времени, идя по ложному пути, толкается, топчетъ другъ друга, гоняясь за призраками, которые въ обоихъ случаяхъ — достигаются ли они или нѣтъ — приносятъ людямъ погибель. Между

тѣмъ среди этой давки, есть много людей, — кто знаетъ, быть можетъ, большинство, — уже не вѣрящихъ въ призраки, за которыми гонятся, и продолжающихъ дѣлать это только по старой привычкѣ, по стадному чувству, — потому что такъ всѣ идутъ и толкаются по старой дорогѣ. Такимъ людямъ нужно только показать, что вотъ здѣсь, рядомъ, черезъ заборъ, — есть другая свободная дорога, и они готовы пробраться къ забору и перешагнуть черезъ него.

Эта вѣра, это желаніе вмѣстѣ съ постоянными поощреніями моихъ друзей, не разъ помогавшихъ мнѣ совѣтомъ, переписываніемъ и поправками моихъ нерусскихъ выраженій, — помогли мнѣ довести до конца настоящія записки, которыя, несмотря на ихъ недостатки, будутъ, надѣюсь, полезны еще кому нибудь, кромѣ меня.

Пэрлей, Англія.
Январь 1898.

I.

СЛУЖБА.

Въ 1889 году я былъ призванъ въ Прагѣ къ набору и зачисленъ въ армію. Я былъ въ то время студентомъ-медикомъ второго курса и долженъ былъ, по австрійскимъ законамъ, какъ вольноопредѣляющійся, служить сначала полъ года рядовымъ, а полъ года въ качествѣ военнаго врача — послѣ окончанія медицинскаго факультета.

Первые полъ года я отслужилъ въ 1890 году въ городѣ Эперіесъ, въ сѣверной Венгріи. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до моего поступленія на службу, въ моихъ взглядахъ на жизнь произошла радикальная перемѣна: я былъ приведенъ къ тому страшному состоянію, когда жизнь, которую знаешь, теряетъ всякій смыслъ, и мечешься и страдаешь, не находя себѣ исхода. Я потерялъ вѣру въ личную жизнь и, послѣ многихъ горькихъ мученій, покаявшись и увидавъ, что вся ошибка была во мнѣ самомъ, въ моемъ съ дѣтства усвоенномъ, а позже еще усилившемся ложномъ представленіи о томъ, будто жизнь моя — это мое тѣло и радости моего тѣла,—я узналъ новую для меня жизнь, независимую отъ внѣшняго, — вѣчную жизнь духа. Мое сознаніе проникло ученіемъ Христа въ томъ прямомъ неискаженномъ его значеніи, въ которомъ оно было въ послѣднее время возстановлено Толстымъ. Я зналъ уже тогда, что человѣку нельзя жить такъ, какъ ему вздумается, но что надо жить согласно

требованіямъ своей божественной природы. Эта божественная природа проснулась во мнѣ, и стараніе уяснить себѣ ея требованія и строить на нихъ свою новую жизнь занимали меня больше всего другого.

Поступивъ на военную службу, я былъ вполнѣ согласенъ съ выводами Толстого относительно военной службы: я зналъ, что она несовмѣстима съ христіанствомъ, несовмѣстима съ разумомъ, несовмѣстима даже съ простой гуманностью, и что поэтому не надо ни присягать, ни служить.

Однако, не смотря на всю искренность моего убѣжденія въ этомъ, я все таки поступилъ на службу, чувствуя, что во мнѣ нѣтъ достаточно внутренней опоры для того, чтобы осуществить на дѣлѣ то, во что я вѣрилъ. Я находился тогда въ томъ смутномъ, двойственномъ состояніи, когда съ одной стороны нашъ разсудокъ и наши симпатіи всѣ на сторонѣ добра; но съ другой стороны сознаніе собственной несостоятельности такъ велико, что оно не позволяетъ намъ рѣшиться на поступокъ, который, мы впередъ это чувствуемъ,—не осилимъ. Такъ стоило мнѣ лишь вдуматься въ положеніе отказавшагося отъ присяги или военной службы, и кровь приливала отъ волненія къ моему лицу, и я слышалъ, какъ усиленно билось во мнѣ сердце. Воображая себѣ, что для совершенія поступка, въ родѣ отказа отъ военной службы, кромѣ сознанія того, что военная служба есть зло, нужно еще большой запасъ смѣлости и личной отваги, я упрекалъ себя въ трусости, непослѣдовательности и негодности.

Тогда еще я не зналъ, что для того, чтобы пойти на христіанскую борьбу съ міромъ, не нужна отвага, ни вообще какіе либо аттрибуты языческаго героизма; но нужно совсѣмъ другое, а именно:

вая всю дорогу. На блѣдныхъ, пьяныхъ лицахъ написана тоска, та отчаянная тоска, которую напрасно старались они послѣдніе дни заглушать водкой. И поютъ они жалобную, рекрутскую пѣсню. Народъ молча, серьезно, задумчиво смотритъ вслѣдъ этимъ жалкимъ героямъ дня. Каждый разъ у меня больно щемило сердце, при видѣ такого печальнаго зрѣлища и я думалъ, что если бы знали тѣ люди, отъ которыхъ главнымъ образомъ исходитъ военщина, — какія страданія происходятъ отъ нея подъ этими рваными мужицкими кафтанами, то, ужъ ради одного этого, не могли бы они требовать солдатъ, и навѣрное не требовали бы!

Хотя я и страдалъ душою отъ службы, я однако несъ ее. Во мнѣ не хватало духовныхъ силъ, духовной спѣлости для того, чтобы отказаться отъ нея; служба недостаточно еще жгла мою совѣсть, не доросшую до возможности отказа. Въ землю упавшее зерно не сейчасъ приноситъ плодъ.

Когда я кончилъ полугодовую службу, то прощаясь со мною, капитанъ сказалъ мнѣ, что я былъ хорошимъ, примѣрнымъ солдатомъ. Сказалъ онъ это, конечно, не зная, на сколько далека была моя внѣшняя жизнь отъ моей внутренней.

Когда я вернулся къ прежней жизни въ прежнюю среду, скоро вся военщина исчезла у меня изъ памяти какъ исчезаетъ камень подъ водой.

Спустя четыре года, въ 1894-омъ году лѣтомъ, я окончилъ медицинскій факультетъ и сдалъ экзаменъ на доктора въ Инсбрукскомъ университетѣ. Въ началѣ октября того же года я, въ чинѣ врача-ассистента, снова поступилъ на военную службу въ городѣ Кашау, чтобы отслужить второе обязательное полугодіе. Я облекся въ нарядный мундиръ, мнѣ дали казенную квартиру и платили 30 гульденовъ въ мѣсяцъ жалованія. Служба, которую мы

были обязаны нести, состояла въ томъ, чтобы ежедневно, въ 8 часовъ утра, являться въ военную больницу и оставаться тамъ до 10 съ половиною или 11 часовъ, и послѣ полудня отъ 4 до 4 съ половиною часовъ. Служба самая легкая, игрушечная, не требующая никакого напряженія, ни особеннаго знанія: мы осматривали на скоро больныхъ, кое-что записывали о нихъ въ протоколы, а большую часть времени — ничего не дѣлали.

Еще раньше того, какъ поступить на эту службу, я думалъ о ней и старался выяснить себѣ мое отношеніе не столько къ службѣ вообще, сколько спеціально къ предстоящей мнѣ службѣ въ качествѣ военнаго врача. И думалъ я объ этомъ предметѣ приблизительно такъ: „нѣтъ сомнѣнія, что всякая военная служба, всякое малѣйшее содѣйствіе милитаризму — дѣло нехорошее; однако, продолжалъ я думать, служить врачемъ въ арміи — дѣло менѣе постыдное и грѣховное, чѣмъ служить солдатомъ или офицеромъ, готовясь убивать людей. Служа при военной больницѣ я въ сущности буду заниматься тѣмъ же, чѣмъ занимался бы какъ частный врачъ. А отъ этого послѣдняго компромисса я не только не отказываюсь, но наоборотъ готовлюсь къ нему. Разницы существенной между занятіемъ частнаго и военнаго врача нѣтъ; разница — развѣ только въ одеждѣ и названіи; а дѣло вѣдь для меня не во внѣшности. Кромѣ того, думалъ я, вѣдь это всего только полъ года! Полъ года пройдетъ и тогда устроивай свою жизнь, какъ хочешь!“

Такъ разсуждалъ я съ самимъ собою, но мыслей своихъ по этому поводу я громко не высказывалъ, зная въ глубинѣ души, что все это лишь самооправданіе, и что вопросъ этотъ *по настоящему* рѣшается иначе. Какъ слѣдуетъ его рѣшить, я не зналъ, но зналъ твердо одно, что жизнь и военнаго,

и частнаго врача, и вообще жизнь всякаго человѣка, принадлежащаго къ привиллегированному сословію и пользующагося своимъ привиллегированнымъ положеніемъ, — что жизнь эта построена на почвѣ не христіанской, но антихристіанской, съ которой надо сойти. Это я зналъ, и зналъ такъ же, что самъ стою на этой почвѣ, и что дѣло не въ томъ, чтобы, стоя на этой почвѣ, мѣнять мѣста, а чтобы совсѣмъ сойти съ нея. А я то что же дѣлалъ, когда, кромѣ военной службы, готовился еще и къ семейной жизни, и къ обезпеченнымъ денежнымъ доходамъ?

Такъ смотрѣлъ я на свою жизни въ то время, когда вторично надѣлъ военный мундиръ и очутился въ новой средѣ и въ обстоятельствахъ, рѣзко отличавшихся отъ предыдущихъ. Съ перваго же дня весь порядокъ моей внѣшней жизни измѣнился.

Со времени моего внутренняго переворота, за послѣдніе годы студенчества, я не посѣщалъ, какъ бывало прежде, ни баловъ, ни концертовъ, ни театровъ, ни, тѣмъ болѣе, ресторановъ; не пилъ ничего хмѣльного, не курилъ, питался просто, изрѣдка только нарушая вегетарьянскую діэту. И жилъ я такъ по убѣжденію, довольный подобнымъ режимомъ. Меня не только не соблазняла роскошная, богатая жизнь, а скорѣе манила къ себѣ простота. А тутъ, съ перваго же дня, какъ я пріѣхалъ въ Кашау, какъ остановился въ гостинницѣ, познакомился съ новыми товарищами, надѣлъ военный мундиръ, вся жизнь моя перемѣнилась такъ быстро и легко, какъ мѣняются на сценѣ декораціи. Я сталъ жить почти такъ же, какъ жилъ, бывало, въ первой моей юности, — легкомысленно и пусто. Я удивлялся, отчего это происходитъ, отчего это съ меня какъ будто сполали всѣ нравственные поводья, которые до тѣхъ поръ удерживали меня и которые я созна-

тельно не хотѣлъ упускать? Когда я оглядываюсь на прошлое, мнѣ теперь кажется, что помимо слабости и податливости моего характера это происходило, главнымъ образомъ, отъ инстинктивнаго сознанія, что двумъ господамъ разомъ служить нельзя. Нельзя при христіанскихъ взглядахъ на жизнь одновременно быть военной куклой, и стремиться жить праведно. Предрѣшивъ, что мнѣ надо дослужить полъ года военнымъ врачемъ, я чувствовалъ, что дѣлать это серьезно нельзя. Я не хотѣлъ и не умѣлъ обманывать себя нарочно, а потому попавъ въ роль волка, сталъ выть съ волками. При этомъ въ мысляхъ, въ душѣ моей я оставался прежнимъ, т. е. по прежнему считалъ дурное дурнымъ и хорошее хорошимъ. Такъ про себя я зналъ, что я опустился, что это дурно, и что надо бы снова подняться. Совѣсть не одобряла мою перемѣну, но я ничего не предпринималъ пока для возстановленія лучшей, болѣе строгой жизни, надѣясь, что когда у меня явится настоящая потребность жить иначе, тогда я сдѣлаю все, что для этого будетъ нужно. И я продолжалъ вести тотъ пустой образъ жизни, какой обыкновенно ведутъ всѣ офицеры въ гарнизонахъ, подобныхъ Кашаусскому.

Сначала новая незнакомая обстановка, незнакомая служба, незнакомый городъ, содѣйствовали тому, чтобы придерживаться той жизни, какую вели товарищи. Столовались мы вмѣстѣ, въ ресторанѣ, вмѣстѣ совершали прогулки по бульвару, вмѣстѣ посѣщали кофейни, читали тамъ газеты, играли на билліардѣ, пили пиво и вино и слушали цыганскую музыку.

Удивительно при этомъ было то, что я не ждалъ отъ наслажденій никакой радости, зналъ, что радость не въ наслажденіяхъ, что наслажденія всегда неминуемо приносятъ человѣку вредъ и страданіе.

Меня однимъ словомъ не манила и не соблазняла та пустая жизнь, въ которую я попалъ. Но участвуя въ ней, я это дѣлалъ просто потому, что такъ дѣлали другіе и что зачастую, когда я хотѣлъ уходить домой, товарищи буквально за сюртукъ тащили меня въ café.

Бывало, однако, что при такомъ времяпрепровожденіи, во мнѣ иногда воскресали старыя воспоминанія, когда во всемъ этомъ я видѣлъ еще радость и чуть ли не весь смыслъ жизни, и тогда я чувствовалъ себя даже какъ будто хорошо. Дьяволъ, какъ намъ извѣстно, сидитъ въ насъ гораздо глубже и прочнѣе, чѣмъ мы предполагаемъ и стоитъ лишь протянуть ему палецъ, чтобы онъ тотчасъ подхватилъ насъ подъ руку.

Однако въ скоромъ времени я сталъ чувствовать скуку отъ такой жизни и сталъ думать о томъ, что надо бы жить иначе. „Но какъ жить иначе при тѣхъ условіяхъ жизни, въ какихъ я нахожусь теперь? думалъ я. Жить иначе будетъ возможно тогда, когда окончится шестимѣсячный срокъ службы, и я снова буду на свободѣ! А теперь ужъ нечего дѣлать, надо забыться какъ нибудь и не думать много о жизни, а то чѣмъ больше думаешь, тѣмъ труднѣе дождаться истеченія срока!“

И бывало иногда, что для того, чтобы заглушить въ себѣ свой внутренній голосъ, я нарочно оставался среди шумной компаніи, нарочно пилъ больше и поддавался одурманивающему вліянію венгерской цыганской музыки.

Слишкомъ было явно, что при такой жизни съ чортомъ была заведена близкая дружба, но вмѣстѣ съ этимъ была и какая то смѣлая увѣренность въ томъ, что я не погибну на этомъ пути, что, когда почувствую опасность, то непремѣнно перешагну на извѣстный мнѣ путь добра.

Такъ и сбылось. Прошло нѣсколько недѣль и шатанье по бульварамъ, кофейнямъ и ресторанамъ мнѣ надоѣли до того, что я просто ужъ не въ состояніи былъ дальше вести эту жизнь. Въ себѣ я чувствовалъ безпокойство, желаніе соскрести съ себя всю ту грязь, которая за послѣднія недѣли прилипла ко мнѣ. Были и нѣкоторые долги, сильно безпокоившіе меня.

„Нельзя такъ жить, какъ я жилъ до сихъ поръ, рѣшилъ я въ себѣ. Надо бросить эти опротивѣвшія мнѣ кофейни, вино и музыку!“

Рѣшено, сдѣлано. Я бросилъ общество моихъ товарищей-докторовъ, среди которыхъ проводилъ большую часть времени и сошелся съ небольшимъ кружкомъ офицеровъ, жизнь которыхъ была солиднѣе и устроена больше по домашнему. Вмѣсто кофейнъ, я теперь часами высиживалъ въ частныхъ квартирахъ моихъ новыхъ знакомыхъ.

Сначала я отъ этой перемѣны почувствовалъ какъ бы облегченіе, хотя въ сущности это было то же общество праздныхъ, пустыхъ людей, какъ и прежнее. Разница была только та, что тутъ забава была устроена подешевле и была менѣе шумна; но вино пилось и здѣсь, и здѣсь была та же лѣнь и нѣга, и тѣ же разсказы о пошлыхъ любовныхъ похожденіяхъ составляли главный интересъ и центръ жизни этихъ людей.

И скоро я почувствовалъ, что ко мнѣ возвращаются прежнее безпокойство и прежняя скука и безпомощность!

Ради полноты и вѣрности картины, надо однако добавить, что хотя я и участвовалъ въ томъ образѣ жизни, какую вели мои знакомые и товарищи по службѣ, все таки для нихъ было очевидно, что мое настроеніе, мои убѣжденія, выражавшіяся въ словахъ, рѣзко отличались отъ настроенія и разгово-

ровъ моихъ товарищей; каждый изъ нихъ зналъ, что у меня есть свои взгляды на жизнь и общество, которые непохожи на общепринятые, изъ за чего многіе спорили со мной и считали меня идеалистомъ-мечтателемъ. Всѣ знали, что я считалъ дурною ту жизнь, какую мы вели и думали обо мнѣ, что у меня въ душѣ кроются какія то особенныя, непрактичныя, хотя и интересныя стремленія. Знали, что я считаю военную службу зломъ и милитаризмъ не нужнымъ, и наконецъ, большинству казалось прямо забавнымъ то, что я считаю, что слѣдуетъ на всякую женщину смотрѣть—какъ на родную сестру.

Благодаря всему этому я въ обществѣ моихъ знакомыхъ стоялъ совсѣмъ особнякомъ, и со мной такъ и обращались, вслѣдствіе чего никто долго не останавливался и не удивлялся особенно происшедшей во мнѣ перемѣнѣ.

Бросая кофейни, вино и пр., я надѣялся улучшить мою жизнь и этимъ облегчить мою совѣсть, однако къ моему удивленію въ очень скоромъ времени оказалось, что я не только не достигаю этого, но какъ разъ достигаю обратнаго: мнѣ стало еще тяжелѣе и безпокойнѣе. Не понимая въ то время причину этого явленія, я думалъ, что надо еще больше упрощать свою внѣшнюю жизнь, еще больше устранять изъ нея все лишнее и ненужное. Въ скоромъ времени я завелъ еще болѣе строгій режимъ: я пересталъ ходить даже ужинать въ гостинницу, а самъ готовилъ себѣ чай, который заѣдалъ булкой; совсѣмъ пересталъ посѣщать какое бы то ни было общество, высиживалъ одинъ у себя по цѣлымъ часамъ, занимаясь то чтеніемъ, то переводами вещей для меня важныхъ и близкихъ. Однако и это дѣйствовало недолго, и я снова сталъ тосковать, самъ не понимая, чего мнѣ не хватаетъ.

было достаточно, но воздухъ въ комнатѣ имѣлъ непріятный запахъ. Кромѣ того, комната была полна пыли, которую невозможно было устранить, и которая обыкновенно бываетъ во всѣхъ старыхъ помѣщеніяхъ со старыми полами и старой мебелью. Окна же были такъ плохи, что вѣтеръ гулялъ по комнатѣ и полотенце и скатерть шевелились отъ него. Очень скоро я простудился отъ сквозняковъ и ослабѣлъ, такъ какъ первыя двѣ-три недѣли меня совсѣмъ не выпускали на воздухъ. Только позднѣе, когда объ этомъ узналъ инспектирующій генералъ, онъ распорядился, чтобы меня выпускали во дворъ ежедневно, на часъ времени.

Сейчасъ же на второй день, т. е. 8-го февраля начальство спохватилось и на строго запретило посѣщать меня даже товарищамъ-докторамъ. Только начальникъ отдѣленія приходилъ ко мнѣ по утрамъ, ограничиваясь во время своихъ визитовъ вопросами о томъ, какъ я себя чувствую и не нуждаюсь ли въ чемъ нибудь?

За то я подружился съ солдатами, главнымъ образомъ съ тѣми двумя, которые состояли постоянными сторожами возлѣ меня въ передней, и кромѣ того еще съ другими, которые мѣнялись ежедневно и должны были всю ночь просиживать возлѣ меня въ комнатѣ, наблюдая за мною. Одинъ сидѣлъ отъ вечера до полуночи, другой отъ полуночи до утра. Къ чему разыгрывалась эта комедія, никто не понималъ, такъ какъ слишкомъ ужъ очевидно было для всякаго, что я былъ въ здоровомъ умѣ, и нельзя предполагать, чтобы даже военные доктора могли не видѣть этого. Но лично я былъ радъ этой постоянной смѣнѣ солдатъ: было съ кѣмъ поговорить по вечерамъ, а когда мнѣ не спалось, то и по ночамъ. Я перезнакомился со многими такимъ образомъ, и эти новыя знакомства были мнѣ инте-

болѣе острый характеръ: я пересталъ совсѣмъ интересоваться той жизнью, какая меня окружала, равнодушно встрѣчалъ знакомыхъ, принуждая себя изъ вѣжливости къ нимъ проявлять внѣшніе признаки нашего знакомства; уходилъ все больше въ себя, и ждалъ, что изъ всего этого выйдетъ. Любимымъ моимъ чтеніемъ въ это время было „Подражаніе Христу“ Фомы Кемпійскаго. Эта книга ежедневно будила во мнѣ хорошія чувства и заставляла думать о значеніи жизни и серьезности ея.

Въ январѣ намъ было сообщено новое распоряженіе высшаго военнаго начальства о томъ, что одинъ изъ штабныхъ врачей будетъ читать для насъ курсъ объ обязанностяхъ врача въ военное время. Первые два раза я присутствовалъ на этихъ лекціяхъ, но потомъ бросилъ ихъ. Мои товарищи стали меня серіезно уговаривать приходить, ибо, говорили они, безъ этого нельзя выдержать экзаменъ; я останусь неповышеннымъ въ чинѣ и меня могутъ оштрафовать. Но я не могъ продолжать ходить туда, такою безсмысленною и не нужною для себя считалъ я всю военно-медицинскую науку. Однако никто изъ начальниковъ не выговаривалъ мнѣ за мое отсутствіе. Имъ было извѣстно мое равнодушіе къ службѣ и потому они смотрѣли сквозь пальцы на мое безучастное отношеніе ко всему, что касалось ея. И такимъ образомъ я подъ конецъ дошелъ до того, что совершенно удалился отъ всего служебнаго, военнаго, такъ что въ моей жизни кромѣ мундира и ежедневнаго присутствія въ военной больницѣ, не осталось больше ничего такого, что бы могло свидѣтельствовать о томъ, что я былъ военнымъ.

Но даже когда я дошелъ до этого положенія, у меня на душѣ не стало легче и въ началѣ февраля я сталъ чуять наступающую во мнѣ перемѣну, хотя

даніе для меня вреднымъ, такъ какъ ему приписывалось значительное вліяніе на меня. Въ дѣйствительности же вліянія со стороны кого бы то ни было на мое рѣшеніе не было никакого, и Душанъ Петровичъ сначала былъ не менѣе другихъ удивленъ, когда я за шесть недѣль до окончанія срока, вдругъ отказался продолжать службу.

Я же думаю, что при поступкахъ такого рода время не при чемъ. Совершенно одинаково, отказывается ли кто нибудь въ началѣ или въ самомъ концѣ срока службы. Это одинаково какъ съ внутренней душевной стороны, т. е. какъ исполненіе требованія своей совѣсти, такъ и съ внѣшней общественной стороны, — какъ отказъ отъ участія въ общепринятомъ злѣ. Часто разные люди задаютъ мнѣ такой вопросъ: почему я не дослужилъ шести недѣль, или почему не отказался отъ службы сейчасъ же во время призыва? Вопросъ такой мнѣ кажется неумѣстнымъ и доказываетъ мнѣ, что спрашивающій смотритъ на жизнь съ такой точки зрѣнія, съ которой онъ вообще не можетъ судить правильно о подобныхъ поступкахъ.

Почему именно сегодня расцвѣла роза? Почему не вчера или недѣлю тому назадъ? — Потому что всѣ тѣ факторы, которыя производятъ расцвѣтъ розы, именно сегодня довершили свою работу, и поэтому роза должна была расцвѣсть именно сегодня. А почему совершилось это сегодня, а не вчера, — это вопросъ, на который могъ бы отвѣтить единственно Тотъ, Кто зажегъ солнце и льетъ дождь на розы. Я же самъ, — испытывая всѣмъ существомъ своимъ весь невидимый для другихъ трудъ, приведшій меня къ отказу, испытывая потребность его для себя и получивъ послѣ него удовлетворе-

для меня совсѣмъ не трудно. Однако не знаю, что̀ мнѣ препятствуетъ поступить такъ, какъ мнѣ говоритъ совѣсть, не достѣлъ ли еще до того, или пора еще тому не настала или я не умѣю, или боюсь? Право не знаю..."

Изъ всего этого видно, что я не зналъ, какъ поступлю, и не строилъ впередъ никакихъ плановъ. Я находился въ положеніи человѣка, вылѣзающаго по крутому берегу изъ канавы. Я зналъ одно: что назадъ, въ тину нельзя, — что надо сдѣлать все для того, чтобы выбраться; а что̀ тамъ, наверху, ожидало меня, — вопросъ этотъ для меня не существовалъ. И я дѣлалъ усилія къ освобожденію.

II.

ОТКАЗЪ.

тдавшись разъ извѣстному теченію, мы несемся
редъ, часто даже сами не подозрѣвая куда. Такъ
аетъ съ человѣкомъ, когда онъ отдается влече-
личныхъ желаній, такъ бываетъ съ нимъ и тогда,
да онъ отдается влеченію божественнаго своего
я, присущаго всѣмъ людямъ.

азъ попавши въ быстрое теченіе, я не могъ
новиться и не могъ умѣрить хода той внут-
ней работы, которая привела меня къ тому, къ
у привела, т. е., выражаясь словами Толстого,
же не могъ не сдѣлать того, что сдѣлалъ.

чень мнѣ врѣзался въ память день шестого фев-
я. Съ самаго утра мнѣ тѣснило душу. Послѣ
да, на службѣ, я сидѣлъ на диванѣ, безучастно
сматриваясь къ тому, какъ другіе писали и за-
ались больными. По привычкѣ я всегда носилъ съ
ою въ карманѣ какую нибудь книгу; въ тотъ разъ это
о „Царство Божіе“ Толстого, которое я давно

венъ, какъ ни перекладывай ихъ, нельзя построить дома, такъ изъ такихъ людей нельзя устроить разумное и нравственное общество. Изъ такихъ людей можетъ образоваться только стадо животныхъ, управляемое криками и кнутами пастуховъ. Такъ оно и есть!"

Дальше уже мнѣ не нужно было читать, и я закрылъ книгу. Меня поразила ясность и несомнѣнность вывода: „изъ гнилыхъ и кривыхъ бревенъ, какъ не перекладывай ихъ, нельзя построить дома."

„А я то самъ похожъ на какое бревно? подумалъ я, примѣняя это сравненіе къ себѣ. Такой-же, какъ гнилое и кривое бревно, членъ того-же стада животныхъ, управляемаго криками и кнутами пастуховъ, какъ и всѣ другіе, — долженъ былъ я отвѣтить самъ себѣ. И признаніе это мнѣ было больно.

„Да, нужны бревна новыя, ровныя, продолжалъ я думать. Это несомнѣнно. Пока не будетъ этихъ бревенъ, до тѣхъ поръ не будетъ и дома. И я сталъ представлять себѣ будущій новый домъ.... А откуда возьмутся такія бревна? Откуда возьмутся новые люди? Съ неба они не упадутъ къ намъ, а должны они вырости изъ нашей среды. Кто же они? Когда это будетъ?

„Вотъ я, напримѣръ, вѣрящій въ новый порядокъ, въ новый домъ, сколько думалъ и думаю объ этомъ, сколько въ письмахъ друзьямъ писалъ, сколько горячился, а на дѣлѣ моя жизнь тоже самое, гнилое, кривое бревно!" Мысли шли какъ пущенная машина и были ясны и тверды.

„И кому же стать въ первые ряды если не тѣмъ, которые вѣрятъ и знаютъ, что надо жить не такъ, какъ мы живемъ, и знаютъ, чего намъ надо добиваться, и чего слѣдуетъ избѣгать. Вся моя жизнь не радуетъ меня, за послѣднее время мнѣ она въ

тягость, быть можетъ именно потому, что живу я не такъ, какъ считаю желательнымъ. Мое теперешнее положеніе именно таково, что единственный исходъ для меня, это — выпрямить и исправить свое бревно. Этимъ бы я положилъ конецъ этой теперешней лишенной смысла жизни."

Все то, что я передумалъ и перечувствовалъ тогда, было какъ начисто написанные счета, гдѣ всѣ числа вѣрно поставлены, и результатъ выходитъ вѣрный, такъ что ни въ чемъ нѣтъ сомнѣнія. Надо было только привести въ исполненіе то, что было въ душѣ такъ несомнѣнно и ясно.

Я захлопнулъ книгу, сунулъ ее въ карманъ и пошелъ домой. Было пять часовъ вечера. Вспомнивъ по дорогѣ, что за однимъ изъ товарищей, уѣхавшимъ въ деревню безъ позволенія начальства, было приказано слѣдить старшему доктору и разузнать, что съ нимъ и гдѣ онъ,—я зашелъ на квартиру товарища этого доктора, зная, что застану дома его больного сожителя, которому рѣшилъ сообщить объ этомъ, для того, чтобы онъ въ тотъ же день вызвалъ товарища по телеграммѣ назадъ. Больной офицеръ бралъ ванну, и я просидѣлъ съ нимъ около часу. Я помню, какъ, разговаривая съ нимъ, я думалъ: „вотъ онъ ничего не знаетъ, что теперь во мнѣ совершается!" Ни словомъ я не намекнулъ ему о своихъ мысляхъ; и вообще мнѣ кажется, что въ то время я никому не сталъ бы говорить о нихъ.

Придя послѣ того на квартиру, я снова продолжалъ думать въ томъ же направленіи о томъ же самомъ предметѣ, на которомъ остановился въ больницѣ.

Я чувствовалъ, что мыслямъ моимъ данъ ходъ, какъ разъѣхавшемуся вагону на рельсахъ, и что все равно какъ вагону достаточно одного легкаго

толчка для того, чтобы онъ доѣхалъ до мѣста назначенія или достаточно только не отнимать руки отъ него, такъ и мнѣ: работа мысли, разъ начавшись, продолжалась какъ бы сама собой, и надо было сдѣлать еще одно маленькое усиліе, чтобы она дошла до конца. Мнѣ кажется, что въ то время труднѣе было бы остановить работу, чѣмъ продолжать ее, какъ труднѣе бываетъ остановить разъѣхавшійся вагонъ или пустить его въ обратную сторону, тѣмъ подталкивать его впередъ. И я не отнималъ руки, а продолжалъ прилагать усиліе въ разъ начатомъ направленіи.

Насколько помню, я былъ такъ поглощенъ своей внутренней работой, что почти неподвижно просидѣлъ четыре часа подрядъ. Вдругъ разомъ я почувствовалъ, что во мнѣ рѣшеніе готово, и что служить я больше не буду.

„Когда же?“ спросилъ я себя.

„Скоро. Послѣ завтра, дня черезъ три. . . . ., сталъ я соображать.“

„А почему же не сейчасъ, не завтра? Развѣ завтра мнѣ что нибудь мѣшаетъ? Развѣ я боюсь, трушу? Да нѣтъ же, нѣтъ!“

И я почувствовалъ, что могу отказаться хоть сейчасъ.

„Какъ-же это сдѣлать?“ раздумывалъ я дальше. „Пойти къ старшему врачу и лично заявить ему мой отказъ? Я не умѣю свободно говорить и сказалъ бы не такъ какъ нужно; да и онъ, пожалуй, выругалъ бы меня или счелъ бы за сумасшедшаго. Лучше ужъ написать. Хорошо; я напишу сейчасъ же.“

И я сѣлъ къ столу, взялъ перо, бумагу и сталъ писать старшему врачу, начальнику военнаго госпиталя. Кончивъ письмо, я прочелъ его и остался доволенъ тѣмъ, что написалъ.

Вотъ это письмо:

„Господинъ Старшій Врачъ!

„Я долженъ былъ бы устно сообщить вамъ то, что пишу, но пользуюсь перомъ, такъ какъ боюсь, что лично я могъ бы это сдѣлать недостаточно ясно и спокойно.

„Я рѣшилъ не возвращаться болѣе къ своимъ военнымъ обязанностямъ, рѣшилъ перестать быть солдатомъ, а слѣдовательно не буду ни носить военнаго мундира, ни исполнять госпитальной службы, которая, въ сущности, — та же военная.

„Отказываюсь я отъ этого потому, что это противорѣчитъ моимъ убѣжденіямъ, моему образу мыслей, моимъ познаніямъ, моему религіозному чувству. Я—христіанинъ, и, какъ таковой, не могу способствовать милитаризму ни словомъ, ни дѣломъ. До сихъ поръ я дѣлалъ это потому, что не имѣлъ достаточно духовной силы для того, чтобы одному противустоять такой могучей силѣ, какую представляетъ военная организація. Теперь мое рѣшеніе укрѣпилось, и произошло это не въ какую нибудь патетическую минуту, но оно есть послѣдовательный результатъ моихъ мыслей и стремленій впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

„Мнѣ ясно представляется, какимъ глупымъ, грѣховнымъ и смѣшнымъ должно показаться военному суду мое намѣреніе. Знаю также и то, что за это я долженъ буду претерпѣть тяжёлое наказаніе, — что власти будутъ держать меня въ тюремномъ заключеніи столько, сколько имъ пожелается.

„Но я отдаюсь Власти, которая выше всей могущественной Европы. Я хочу согласовать свою жизнь съ требованіями одной только Истины, т. е. вѣчной, единой, божественной Истины. Эта Истина повелѣваетъ мнѣ не гнуть болѣе шеи подъ тѣмъ

всеобщимъ рабскимъ ярмомъ военщины, кото
всѣ правительства налагаютъ въ настоящее вр
на человѣчество.

„Что военный врачъ долженъ преслѣдовать, к
объ этомъ говорятъ и пишутъ, болѣе гуманны
благородныя цѣли, я считаю невѣрнымъ, пот
что онъ такъ же, какъ прочіе военные, ни
иное, какъ лишенное воли орудіе, существую
для того, чтобы дѣлать правильно, хорошо и
слѣдовательно то, что̀ требуетъ уставъ, а име
имѣть заботу о томъ, чтобы войско могло возмо
дольше выполнять свою грубую безчеловѣчную
боту.

„Вотъ все, что̀ я имѣю сказать. Прошу со
нить это письмо, для того, чтобы оно могло б
передано суду, такъ какъ я и тамъ едва ли б
имѣть что прибавить къ тому, что̀ сказано
немъ.

„Я буду ожидать на своей квартирѣ въ „Кроне
касернѣ“ вашего распоряженія.

Д-ръ А. Шкарванъ.

Была полночь, когда я кончилъ это письм
списалъ его дословно, чтобы послать копію сво
другу Душану М. Утомленный, я легъ спать,
шивъ, что завтра надо рано встать, чтобъ оконч
еще другія письма: матери, невѣстѣ и другу.

Когда я въ 6 часовъ утра проснулся, мнѣ по
залось, что и во снѣ я продолжалъ ту же вчера
нюю работу. Я не чувствовалъ освѣженія по
ночного отдыха. Я присѣлъ написать задумани
три письма, но чувствовалъ, что это дѣло не л
кое. Особенно взволновало меня письмо къ мате
Мнѣ было тяжело, что я причиняю ей горе и п
бавляю страданія къ ея и безъ того трудной жи
Мнѣ такъ хотѣлось, чтобъ она поняла меня, чт
она знала, что я не страдаю, а что поступаю т

въ интересѣ настоящаго моего блага. Я зналъ, что если бы она поняла меня, то радовалась бы вмѣстѣ со мной.

Относительно невѣсты и друга я былъ спокоенъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что они поймутъ меня и только извѣщалъ ихъ о моемъ рѣшеніи.

Послѣ этого я сжегъ нѣкоторыя бумаги, которыя мнѣ не хотѣлось, чтобъ попали въ руки посторонних лицъ.

Остальныя же письма и книги, могущія быть свидѣтельствомъ радикальности моихъ воззрѣній, я нарочно не трогалъ, думая, что этотъ матеріалъ поможетъ начальству разобраться въ моемъ дѣлѣ.

Надо было сдѣлать еще послѣдній шагъ, — передать письмо начальству. Раньше, чѣмъ собраться и пойти, мнѣ мелькнула мысль о томъ, какое наказаніе постигнетъ меня за мой поступокъ. И я чуть ли не съ полной увѣренностью рѣшилъ, что посадятъ меня на нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьму, а потомъ отпустятъ. Думалъ я такъ на томъ основаніи, что я отказывался дослужить всего только шесть недѣль, а не весь срокъ военной службы, какъ это дѣлаютъ всѣ отказывающіеся.

И такъ я взялъ письма и пошелъ. Я былъ въ сильномъ нервномъ напряженіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ, что для меня уже не можетъ быть возврата. По дорогѣ въ госпиталь мнѣ пришли на умъ извѣстныя слова Цезаря: Alea jacta est (Жребій брошенъ).

Письмо я отнесъ лично и вручилъ привратнику, убѣдительно прося его передать письмо старшему врачу не позже и не раньше 10 часовъ утра. Я думалъ до того времени отдохнуть и успокоить свое волненіе. Солдатъ, стоя въ натянутой позѣ и держа руку подъ козырекъ, отрапортовалъ мнѣ, что исполнитъ мое желаніе въ точности.

Вернувшись домой, я, однако, не съумѣлъ быть спокойнымъ. Какъ ни старался я себя образумить, я не могъ прекратить своего волненія. Я взялъ Евангеліе и хотѣлъ читать; но не могъ, и оставилъ. Меня безпокоило мое волненіе.

„Послѣ 10-ти часовъ придутъ и уведутъ меня," говорилъ я себѣ, — „надо къ тому времени быть спокойнымъ. Надо попробовать заснуть до тѣхъ поръ." И я прилегъ на кровать. На нѣсколько минутъ я дѣйствительно уснулъ, но проснулся опять съ тревожнымъ чувствомъ. Я всталъ и хотѣлъ надѣть штатское платье, но мнѣ пришло въ голову: „Подумаютъ, что мнѣ стыдно, и что я боюсь идти въ военномъ мундирѣ черезъ городъ подъ конвоемъ", — и рѣшилъ не переодѣваться. Время шло медленно. Я чувствовалъ голодъ, такъ какъ съ прошлаго полудня ничего не ѣлъ; однако рѣшилъ не удаляться изъ квартиры, чтобъ меня во всякомъ случаѣ нашли дома, какъ я объ этомъ заявилъ въ письмѣ начальнику госпиталя.

Наконецъ, около перваго часа ко мнѣ постучались, и вошли два старшіе врача, молодые люди, мои знакомые. Посмотрѣвъ на нихъ, я сейчасъ же замѣтилъ, что они въ нетрезвомъ видѣ. Одинъ изъ нихъ, еле удерживая равновѣсіе, глупо улыбался и съ трудомъ выговаривалъ слова; на другомъ тоже были ясно замѣтны слѣды ночного кутежа; онъ, однако, владѣлъ собою настолько, насколько это нужно при исполненіи служебныхъ обязанностей. Онъ же и объявилъ мнѣ, что имъ приказано начальствомъ госпиталя побудить меня идти съ ними въ больницу, — принять службу дежурнаго врача.

(Наканунѣ прошлаго дня я подписалъ протоколъ, въ которомъ я былъ назначенъ на дежурство на 7-го февраля.)

На это я отвѣтилъ доктору, что не смотря на

то, что мнѣ въ тотъ день слѣдовало бы быть дежурнымъ, я все таки на службу не пойду ни сегодня, ни завтра, ни когда либо больше.

„Это намѣреніе свое я высказалъ опредѣленно въ письмѣ къ начальнику госпиталя, и теперь вамъ, господа, этого достаточно. Передайте г. доктору Вэзе, что поступлю такъ, какъ писалъ ему.“

Тотъ докторъ, который былъ болѣе пьянъ, принялъ мои слова въ шутку; но другой менѣе пьяный, чехъ, видя, что я говорю серьезно, самъ заговорилъ дѣловымъ тономъ:

„Я сказалъ вамъ то, что было моей обязанностью, и мнѣ нечего больше съ вами говорить. Послѣдствія вашего поступка вы должны приписать самому себѣ.“

Меня непріятно задѣли эти слова, сказанныя тономъ полицейскаго.

Другой, смѣясь, замѣтилъ: „Вы не сдѣлаете такъ, какъ говорите! Вѣдь этого нельзя сдѣлать! Иначе васъ запрутъ подъ арестъ!“

Онъ пожалъ мнѣ руку, и они оба ушли. Нѣсколько минутъ спустя, желая позвать моего деньщика, чтобы онъ принесъ мнѣ поѣсть, я раскрылъ дверь въ корридоръ, но увидалъ, что на порогѣ стоятъ недавно вышедшіе отъ меня два доктора и что-то серьезно толкуютъ фельдфебелю. Замѣтивъ это, я уже не сталъ звать деньщика, ибо понялъ, что тутъ идутъ распоряженія на мой счетъ.

„Они, навѣрное, говорятъ ему о конвойныхъ, которые должны придти за мной“—кольнула меня мысль.

Скоро оказалось, однако, что это было не такъ; они приказали ему только караулить меня, чтобы я не ушелъ куда нибудь.

Мнѣ хотѣлось, чтобы уже поскорѣе пришли за мной, и взяли меня, а между тѣмъ—никто не приходилъ.

Я былъ радъ, когда, наконецъ, въ три часа, постучали въ дверь, но былъ удивленъ, когда, вмѣсто конвойныхъ, увидѣлъ самого начальника госпиталя и съ нимъ двухъ офицеровъ.

Начальникъ госпиталя видимо растерялся.

— Да что съ вами, докторъ? спросилъ онъ меня. Вы больны, не правда ли? Вамъ не хорошо? и онъ потрепеталъ меня по плечу.

— Нѣтъ, я не боленъ. Я здоровъ,

— Вамъ нужно успокоиться. Идите съ нами въ госпиталь, говорилъ онъ.

— Вы желаете, чтобъ я принялъ службу дежурнаго? Я не сдѣлаю этого.

— Нѣтъ, я не того желаю. Вы только идите съ нами.

— Хорошо, въ такомъ случаѣ я готовъ идти.

Затѣмъ онъ потребовалъ отъ меня ключи отъ комнаты, сундука и стола.

Я передалъ ихъ ему. Когда мы шли, я не взялъ сабли, и надѣлъ только шинель. Еще на лѣстницѣ начальникъ госпиталя и одинъ изъ провожавшихъ его офицеровъ отстали отъ насъ, и я шелъ съ однимъ капитаномъ. Онъ заговорилъ со мной привѣтливо: „я лично не знаю васъ, — а только часто видѣлъ васъ, но вы для меня почему то всегда были самымъ симпатичнымъ изъ всѣхъ вашихъ коллегъ. И не я одинъ питалъ къ вамъ такое чувство, но и мои знакомые того же мнѣнія. Но почему же вы такъ поступаете? Вы погубите себя. Я совсѣмъ не понимаю васъ. Вы были студентомъ въ Прагѣ, и тамъ вы, вѣроятно, заразились идеями „Омладины“. („Омладина“ было тайное анархическое общество нѣсколькихъ молодыхъ фанатиковъ-террористовъ, про которое я зналъ лишь по слухамъ, но оно меня мало интересовало и даже было

человѣкъ, имѣете дипломъ доктора и самую лучшую карьеру впереди, и вдругъ вы дѣлаете такую глупость!... Я думалъ, — сказалъ онъ обращаясь къ сопровождавшему его другому врачу, — что онъ останется на службѣ у насъ и впередъ радовался, что мы будемъ имѣть такого шикарнаго доктора."

Потомъ онъ опять обратился ко мнѣ: „Вы еще молоды, и слишкомъ — идеалистъ! Знаете ли, и я когда то тоже былъ идеалистомъ, да и кто имъ не былъ?! Но вѣдь то, что вы продѣлали, никто не станетъ дѣлать! — Подумайте и скажите мнѣ, Шкарванъ, развѣ сами вы не видите, что поступили нелѣпо? Повѣрьте мнѣ, не только состарѣвшись, но, даже черезъ два года, вы сами будете смѣяться надъ собой. Вы до сихъ поръ еще не пріобрѣли никакого жизненнаго опыта, никакихъ своихъ взглядовъ на жизнь; это, однако, не бѣда, — вы еще молоды и все это можетъ придти со временемъ! Когда вы поживете, вы убѣдитесь, что отъ идеализма нѣтъ проку, и что онъ не можетъ быть приложимъ къ жизни; позднѣе люди смотрятъ на жизнь съ болѣе трезвой точки зрѣнія, и міръ принимаютъ такимъ, каковъ онъ есть. Чему или кому вы можете помочь вашимъ способомъ? Вы гибнете, и люди смѣются надъ вами!... Если бы люди были ангелами, тогда, конечно, мы не нуждались бы въ войскѣ, но человѣкъ остается человѣкомъ. Развѣ вы никогда не подумали о томъ, какой безпорядокъ произошелъ бы въ мірѣ, и какъ люди уничтожали бы другъ друга, если бы не было войска? Однако вы вѣдь изучали исторію и, слѣдовательно, должны знать, что всегда были и войска, и войны? Всѣ люди (во всякомъ случаѣ всѣ образованные люди), согласны въ томъ, что борьба есть законъ природы, на которомъ построенъ міръ; вы же, единственный изъ всѣхъ, хотите, чтобы это было по другому! — Кто же васъ послушаетъ? Никто, милый мой

III.

ПОДЪ АРЕСТОМЪ ВЪ БОЛЬНИЦѢ.

Когда я очутился одинъ въ комнатѣ, то сразу почувствовалъ облегченіе. Мной овладѣло чувство внутренняго удовлетворенія и даже радости, чуть не восторга, которое испытываетъ человѣкъ, когда исполнитъ трудную задачу, давно ждавшую осуществленія. Весь мой поступокъ показался мнѣ тутъ настолько удивительно простымъ и легкимъ, что я спрашивалъ себя, нужно ли было по пути къ нему столько волненія и трудной работы? Я былъ такъ радостно настроенъ, что расцѣловалъ бы весь міръ! Меня ничуть не огорчало, что меня заперли. Н какимъ ничтожнымъ, мелочнымъ мнѣ показалось всякое стараніе со стороны людей, жѣлавшихъ наказать меня, въ сравненіи съ той всемогущей силой, которая заставляетъ насъ пренебрегать интересами матеріальными и слѣдовать притяженію добра и правды! Вспомнился мнѣ Сократъ, столь любившій правду и постоявшій за нее....

Думая такъ, я ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, иногда останавливаясь, иногда громко высказывая себѣ нѣкоторыя мысли, и не замѣтилъ того, какъ солдатики изъ передней, смотрѣли на меня черезъ рѣшетчатую форточку въ дверяхъ. Замѣтивъ ихъ, я остановился и увидалъ по выраженію

тесь и измѣнитесь, а то, понятно, въ такомъ положеніи, въ какомъ вы сейчасъ находитесь, вы не сможете ничего сдѣлать. Какъ же вы можете сдѣлать что нибудь хорошее и полезное, будучи заключеннымъ? Времена мученичества прошли. Что же вышло изъ идей, проповѣдуемыхъ Христомъ? Онъ самъ умеръ за нихъ, а міръ продолжаетъ свой путь по своему"...

Пока санитарный начальникъ изливался такимъ образомъ передо мною, я молчалъ все время и не сказалъ ни одного слова. Онъ сначала вѣроятно принялъ мое молчаніе за признакъ того, что слова его дѣйствуютъ на меня; но потомъ онъ должно быть замѣтилъ, что говоритъ на вѣтеръ, и подъ конецъ перемѣнилъ немного свой тонъ.

Онъ продолжалъ: „Я, какъ отецъ забочусь о васъ, но если вы упрямо будете стоять на своемъ, тогда, конечно, все мое стараніе безполезно, и васъ надо предоставить судьбѣ, глядя при томъ со стороны, какъ вы самовольно и безразсудно бросаетесь на погибель! Мы устраиваемъ вамъ золотой мостъ черезъ ущелье, въ которомъ вы заблудились, протягиваемъ вамъ руку, чтобы провести васъ черезъ него, а вы отказываетесь отъ этого.... Болѣе этого для васъ мы ничего не можемъ сдѣлать!"

Очевидно, что санитарный начальникъ былъ очень доволенъ своимъ краснорѣчіемъ. Его подчиненный, штабный лѣкарь, тоже поддакивалъ ему головой и выражалъ словами свое одобреніе. Послѣ этого оба они сочли свою задачу оконченной и, какъ бываетъ при окончаніи просмотра канцелярскихъ бумагъ, они отложили и это дѣло — ad acta.

Когда они оба ушли, я былъ радъ еще болѣе, чѣмъ они, что кончилось это посѣщеніе, и подумалъ о томъ, сколько подобныхъ „отцовъ и доброжелателей" придется мнѣ еще выслушать впереди?

для меня самыя дорогія блюда, — такъ въ сущности хорошо они были расположены ко мнѣ въ то время. Особенно одинъ изъ нихъ, д-ръ Форрай, принималъ горячее участіе въ моей судьбѣ. Онъ остался со мной, когда всѣ ушли, и продолжалъ упрекать меня со слезами на глазахъ за то, что я моимъ рѣшеніемъ огорчаю другихъ, близкихъ мнѣ людей.

— Положимъ, говорилъ онъ, что ты правъ въ твоемъ выводѣ, — что надо отказаться служить, но если осуществленіе такого рѣшенія причиняетъ боль другимъ и дѣлаетъ ихъ несчастными, въ такомъ случаѣ поступокъ твой не можетъ быть нравственнымъ.

Онъ зналъ мою прошлую жизнь и мои отношенія къ моей невѣстѣ, и ему было больно, что я рискую порвать эту связь. Когда онъ говорилъ мнѣ объ этомъ, у него отъ волненія дрожалъ голосъ, и онъ заплакалъ. Для меня было дорого убѣдиться въ томъ, что въ этомъ чуткомъ человѣкѣ я имѣю дорогого друга, поэтому я и не возражалъ ему и нисколько не старался доказывать ему, что упреки его не справедливы. Я зналъ, что при его міровоззрѣніи, жалѣя и защищая такъ горячо мою невѣсту, онъ дѣлалъ лучшее, что могъ дѣлать, и поэтому-то любовь его трогала меня глубоко.

Послѣ недолгаго молчанія, онъ вдругъ спросилъ: „на какую станцію надо ѣхать къ ней?... Я хочу поѣхать.“ И онъ поѣхалъ въ ту же ночь, не спрашивая разрѣшенія начальства.

Комната моя находилась въ отдѣльномъ корридорѣ, въ ряду комнатъ, гдѣ помѣщались больные арестанты. Корридоръ, какъ и всѣ эти комнаты, былъ постоянно запертъ, а по корридору ходилъ часовой съ ружьемъ. Простору и свѣта у меня

но равно и отъ гражданскихъ людей, не только отъ матерьялистовъ, но даже и отъ людей несомнѣнно религіозныхъ. Это самое мнѣ выражали даже нѣкоторые назарены, люди понявшіе грѣховность военной службы, отказывающіеся отъ нея, и за это убѣжденіе всю свою молодость просидѣвшіе въ тюрьмахъ и умирающіе тамъ.

Является вопросъ, какъ можетъ мнѣніе назаренъ быть согласно съ мнѣніемъ людей совсѣмъ другихъ взглядовъ на войну? И другой вопросъ: справедливо ли это мнѣніе?

Для меня несомнѣнно то, что назарены пошли на болѣе тонкій, но въ сущности тотъ же самый самообманъ, когда они между собой рѣшили поступать, — если потребуютъ власти, — въ санитарныя роты, какъ они теперь и дѣлаютъ. Въ этомъ и все объясненіе.

Утверждать же, что служба военнаго врача, а съ ней и служба санитарнаго солдата, не противны духу Христа, что такая служба составляетъ какъ бы добродѣтель, — очень грубая ошибка. Ошибка заключается въ томъ, что изъ всякаго дѣла и занятія можно сдѣлать дѣло дьявола (какъ это и доказываетъ практика многихъ врачей), все зависитъ лишь отъ того, какъ дѣлающій извѣстное дѣло относится къ нему. Поэтому и не вѣрно утвержденіе, что вообще занятіе врача само по себѣ есть занятіе благородное. Кромѣ того путаетъ этотъ вопросъ еще и то обстоятельство, что громадное большинство людей относится къ медицинской наукѣ суевѣрно, даже не подозрѣвая того, насколько справедливо изрѣченіе Фауста: Der Sinn der Medizin ist leicht zu fassen, du durchstudirst die grosse und

ресны. Всѣ охотно шли ко мнѣ на дежурство, такъ какъ у меня бывало тепло и весело, и я угощалъ ихъ разсказами и пирожнымъ, которое мнѣ постоянно присылали изъ дому.

Одинъ только докторъ Форрай не обращалъ никакого вниманія на запрещеніе начальства и проводилъ у меня нѣсколько часовъ подъ рядъ всякій шестой вечеръ, когда самъ бывалъ дежурнымъ (дежурному доктору караулъ не могъ запретить входъ въ отдѣленіе). Каждый разъ мы вмѣстѣ ужинали и хорошо и много бесѣдовали. Я всегда былъ радъ его обществу, тѣмъ болѣе, что для него самого вечера эти были пріятнымъ времяпрепровожденіемъ. Онъ часто находилъ мои взгляды на жизнь очень наивными и смѣялся надо мною, но ни ему, ни мнѣ наша разность взглядовъ ничуть не мѣшала любить другъ друга; и до сихъ поръ, когда вспоминаю о немъ, мнѣ кажется, что насъ обоихъ сближало ничто иное, какъ идеализмъ.

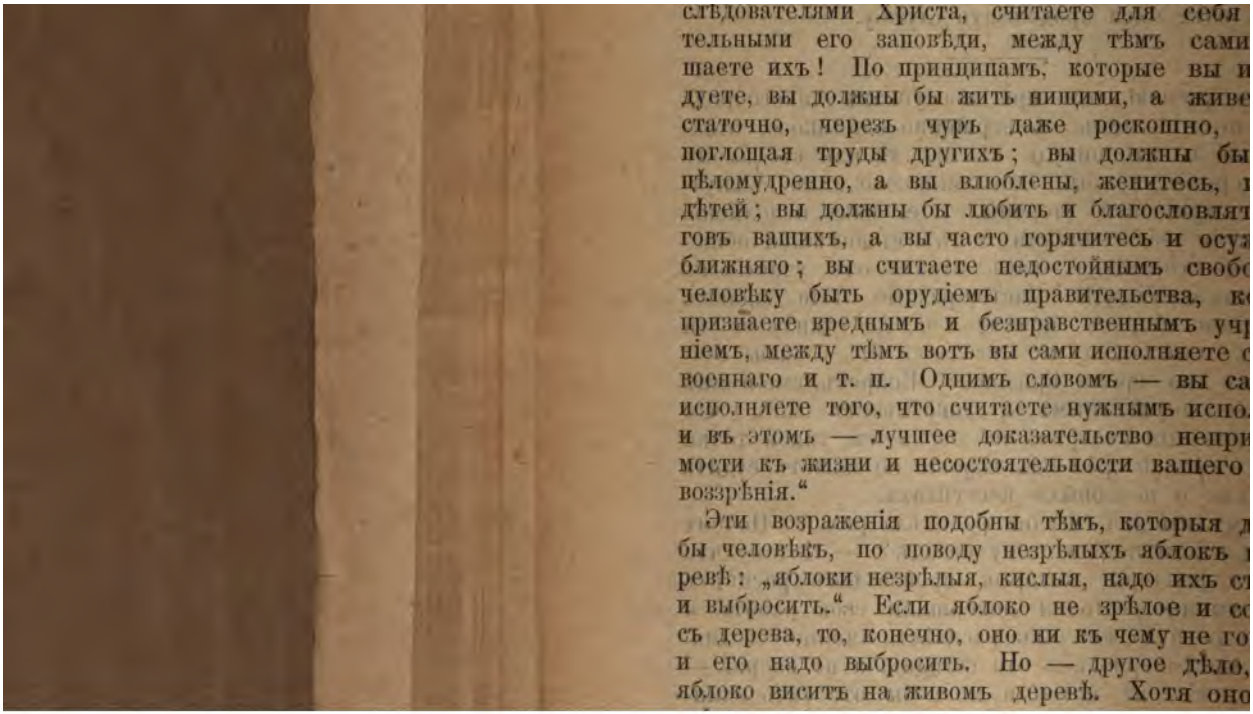
10-го февраля, для меня совершенно неожиданно, пріѣхали въ Кашау моя невѣста съ своей матерью, и имъ было разрѣшено свиданіе со мною. Свиданія эти (ихъ было два) я храню въ памяти, какъ одни изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни. Они были, во первыхъ, провѣркой силы моего убѣжденія, во вторыхъ, они мнѣ послужили доказательствомъ того, что въ самой основѣ взаимныхъ нашихъ отношеній съ тогдашней невѣстой моей — было нѣчто неизмѣнное, настоящее, независимое отъ времени и внѣшнихъ обстоятельствъ, — такое, что никогда не пропадаетъ....

Два или три дня спустя послѣ этого посѣщенія, пріѣхали такъ же и братъ мой съ другомъ моимъ Душаномъ Петровичемъ. Однако послѣдняго, котораго знали по письмамъ его, найденнымъ у меня, начальство не допустило ко мнѣ, считая это сви-

какомъ бы то ни было видѣ безнравственному, дикому учрежденію, — постыдно и унизительно, какое бы хорошее названіе ни давали этому дѣлу, какой бы красивый мундиръ за это ни надѣвали, сколько бы золотыхъ крестиковъ ни дарили за такую службу. Вѣдь, навѣрное, ни одна честная женщина ни за какія деньги не согласится поступить въ кухарки въ шайку разбойниковъ, хотя приготовленіе кушанья не только не составляетъ грѣха само по себѣ, но нужное и необходимое для людей условіе жизни. А въ чемъ же разница между разбойниками и арміями? Единственно лишь въ размѣрахъ грабежа.

Пора бы намъ всѣмъ понять, что постыдно и унизительно продавать свои знанія тѣмъ, кто нуждается въ нихъ, для болѣе легкаго достиженія своихъ злыхъ намѣреній!

Пора бы понять, что всякое малѣйшее содѣйствіе въ основанныхъ на насиліи дѣлахъ правительствъ, составляетъ для человѣка, желающаго себѣ и другимъ блага, — униженіе собственнаго достоинства и великое преступленіе противъ самыхъ элементарныхъ требованій любви и даже простой гуманности!



слѣдователями Христа, считаете для себя
тельными его заповѣди, между тѣмъ сами
шаете ихъ! По принципамъ, которые вы и
дуете, вы должны бы жить нищими, а живе
статочно, черезъ чуръ даже роскошно,
поглощая труды другихъ; вы должны бы
цѣломудренно, а вы влюблены, женитесь,
дѣтей; вы должны бы любить и благословлят
говъ вашихъ, а вы часто горячитесь и осу
ближняго; вы считаете недостойнымъ свобо
человѣку быть орудіемъ правительства, к
признаете вреднымъ и безнравственнымъ уч
ніемъ, между тѣмъ вотъ вы сами исполняете
военнаго и т. п. Однимъ словомъ — вы са
исполняете того, что считаете нужнымъ испо
и въ этомъ — лучшее доказательство непри
мости къ жизни и несостоятельности вашего
воззрѣнія."

Эти возраженія подобны тѣмъ, которыя д
бы человѣкъ, по поводу незрѣлыхъ яблокъ
ревѣ: „яблоки незрѣлыя, кислыя, надо ихъ с
и выбросить." Если яблоко не зрѣлое и с
съ дерева, то, конечно, оно ни къ чему не го
и его надо выбросить. Но — другое дѣло,
яблоко виситъ на живомъ деревѣ. Хотя оно

Вскорѣ я услышалъ въ сосѣдней комнатѣ громкіе голоса, звяканье шпоръ и сабель. Дверь открылась и маіоръ-судья, учтиво предлагая другому маіору — члену суда пройти впередъ, показался въ дверяхъ.

— Я увѣренъ, господинъ маіоръ, что засѣданіе не будетъ долго длиться, — говорилъ судья, помогая пришедшему повѣсить шинель.

Какъ бы мимоходомъ, майоръ, красивый мущина, взглянулъ на меня, поправляя свои длинные усы и оглядывая свои блестящіе сапоги.

Судья поспѣшно переодѣлъ сюртукъ, опоясалъ саблю и позвонилъ писаря.

На двухъ концахъ длиннаго стола сидѣли я и судья, а по бокамъ съ одной стороны членъ суда и съ другой — писарь. Передъ судьей лежала довольно толстая куча бумагъ, которыя уже успѣли исписать обо мнѣ.

Первымъ дѣломъ была прочтена жалоба, въ которой я обвинялся въ томъ, что 7-го февраля не явился на службу и вообще отказался исполнять какія бы то ни было военныя обязанности. Потомъ составили мою метрику.

Послѣ этого судья спросилъ меня: признаюсь ли я въ томъ, что написалъ начальнику госпиталя Вэзе это письмо объ отказѣ? При этомъ онъ передалъ мнѣ въ руки оригиналъ извѣстнаго читателю письма.

— Да, я написалъ его.

— Что побудило васъ къ тому, чтобы написать это письмо?

— Невыносимо тяжело мнѣ было на совѣсти сознаніе того, что содѣйствую военщинѣ, которую считаю большимъ зломъ и ужаснымъ игомъ для народовъ, отвѣтилъ я.

— Долженъ вамъ замѣтить, что военщина, —

рости и созрѣвать и тѣмъ исполнять волю Бога, т. е. *жить* въ настоящемъ значеніи слова. Маленькое или большое дѣло совершаетъ человѣкъ, но если онъ искренекъ — онъ всегда дитя Божіе. Христосъ сказалъ, что для хозяина все равно, которое зерно принесло 5, которое 50, которое 100 зеренъ плода, а во время жатвы онъ собираетъ всѣ зерна въ одну житницу и отбрасываетъ только то, что не есть зерно.

Я невольно высказываю здѣсь мысли, не имѣющіе прямого отношенія къ моему отказу; но не могу воздержаться отъ этого, хотя бы потому только, что подобныя мысли занимали меня постоянно во время моего ареста.

———

Когда вошелъ мой младшій братъ, мнѣ бросилось въ глаза его разстроенное, блѣдное лицо. Видно было, что онъ сильно страдаетъ. Перемѣна эта въ немъ была тѣмъ болѣе замѣтна, что онъ обыкновенно бываетъ веселымъ, здоровымъ, краснощекимъ. Ему показалось чѣмъ то ужаснымъ видѣть меня въ такомъ положеніи. Поцѣловавшись со мной, онъ началъ съ вопроса: „И вотъ этакая жизнь нравится тебѣ? — Ты предпочелъ тюрьму сожительству съ нами? — Мать наша посѣдѣла вся, какъ голубь, заболѣла и быть можетъ, не переживетъ удара, который ты ей нанесъ. Пожалѣй ты ее, Бога ради, Христа ради умоляю тебя! Оставь ты Толстовскія бредни! Хорошо Толстому проповѣдывать, когда онъ самъ живетъ богатымъ баріномъ, и ему никто не мѣшаетъ думать и говорить, что ему хочется! А мы бѣдны, и твоя святѣйшая обязанность — кормить мать, когда она стала старѣть и слабѣть“...

Въ этомъ родѣ укоряющимъ голосомъ говорилъ онъ мнѣ. Братъ мой, конечно, не могъ думать иначе съ своей точки зрѣнія, но меня взволновали его настаиванія. Мнѣ было больно, что всѣ близкіе

мнѣ люди не понимаютъ и осуждаютъ меня за то, о чемъ я несомнѣнно зналъ, что поступилъ такъ, какъ слѣдовало бы мнѣ поступить.

Столкновеніе съ семейными, которое наступаетъ неизбѣжно, когда человѣкъ слѣдуетъ истинѣ, бываетъ часто тяжелѣе, чѣмъ столкновеніе со всѣмъ прочимъ міромъ. Не отступить отъ правды, не обидѣть близкаго человѣка, не потерять своего равновѣсія, вотъ задача, предстоящая намъ при этихъ столкновеніяхъ. И эту задачу я часто нарушалъ въ своей жизни, и нарушилъ ее и въ этотъ разъ. Меня отталкивало приставаніе брата, его мольбы и укоры, и я, потерявъ терпѣніе и желая поскорѣй избавиться отъ всего этого, сказалъ ему, что я лучше его и кого либо другого знаю, почему поступилъ такъ, а не иначе, и что не желаю измѣнять хода своей жизни, ради кого бы то ни было.

Я говорилъ это рѣзко и почувствовалъ тогда же, что дѣлаю брату больно, и что онъ уходитъ отъ меня настроенный хуже, чѣмъ пришелъ.

Съ Д. П. въ тотъ же самый день я видѣлся черезъ окно на разстояніи 30-40 шаговъ; мы обмѣнялись лишь нѣсколькими словами, ибо намъ скоро помѣшали.

Между письмами, которыя пришлось мнѣ получать въ то время, были два письма протестантскаго и кальвинистскаго пасторовъ. И какъ всегда, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ священство обнаруживаетъ свою грубость и невѣжество относительно пониманія Христоваго ученія, такъ и эти оба пастора старались мнѣ доказать въ своихъ письмахъ, что участіе въ военной службѣ никакъ не противорѣчитъ христіанству, и что я поступаю ошибочно и жестоко; и они совѣтовали мнѣ покаяться и быть кроткимъ, т. е. принять снова службу. Конечно, нечего удивляться тому, что теперешнія церкви защищаютъ государственную власть, потому что

Христовой любви, причиняя страданія другимъ? Еще есть время одуматься, такъ какъ сегодняшнее засѣданіе не должно имѣть рѣшающаго значенія. Все это я вамъ говорю, какъ частный человѣкъ, а не какъ судья, надѣясь и желая, чтобы вы опомнились?"

Уже во время допроса я почувствовалъ облегченіе и удовлетвореніе отъ того, что мнѣ удалось въ отвѣтахъ на вопросы высказать то, что думаю. Передъ допросомъ меня немного безпокоила мысль о томъ, что я запутаюсь, не съумѣю сказать то, что нужно, или скажу то, что не нужно. Боялся того, что буду нервенъ, и что послѣдствіемъ всего этого будутъ нравственныя мученія, которыя всегда испытываешь, если сдѣлалъ дѣло не такъ, какъ хотѣлъ; но случилось наоборотъ. Вопросы были поставлены такъ просто и ясно, что нельзя было не отвѣтить на нихъ также. Увѣщаніе судьи я выслушалъ спокойно, безъ единаго слова возраженія или отвѣта. Доводы противъ меня, еще гораздо болѣе сильные и соблазнительные чѣмъ тѣ, которые приводилъ судья, были давнымъ давно извѣстны мнѣ. Все это я давно переработалъ, перестрадалъ и отложилъ въ сторону въ разрядъ рѣшенныхъ для меня вопросовъ; потому то и рѣчь его никакъ не могла имѣть на меня вліянія. Возражать и объяснять я не чувствовалъ никакого побужденія, такъ какъ меня о томъ и не просили. И, вообще, я, кажется, не думалъ объ этомъ, а былъ больше занятъ испытываемымъ въ то время чувствомъ удовлетворенія, тѣмъ, что дѣло обошлось безъ волненія и нехорошихъ побужденій съ моей стороны; былъ радъ и тому, что судья относился ко мнѣ лучше, чѣмъ я ожидалъ.

Послѣ допроса я остался на томъ же положеніи

арестованнаго, въ полной неизвѣстности того, что будетъ со мной дальше.

Между тѣмъ физическое мое состояніе ухудшалось. Появился кашель и боли въ груди и въ желудкѣ; въ головѣ часто испытывалъ давленіе. Временами мною овладѣвали слабость, апатія и уныніе. Передъ духовными очами снова, какъ бы забытая, являлась смерть. Мысли о ней притупляли во мнѣ значеніе всего окружающаго и происходящаго со мною. „Жить придется не долго, думалъ я, *она* придетъ нечаянно, въ то время, когда я еще серьезно не ждалъ ея.“ И мнѣ становилось еще грустнѣе. Меня безпокоила мысль, что когда настанетъ время, то я буду умирать съ трудомъ, неохотно. Я вѣрилъ прежде и говорилъ, что христіанину смерть не страшна; а тутъ меня давило представленіе о ней. Я видѣлъ, что я не такъ жилъ до сихъ поръ, какъ надо было, чтобы принять смерть, какъ друга, чтобы сказать спокойно и блаженно: „я сдѣлалъ то, что было моимъ долгомъ сдѣлать: „Господи прими раба твоего!“ Я видѣлъ, что я самъ далекъ отъ этого, что, приди она, я не охотно привѣтствовалъ бы ее.

Унылый я бродилъ по комнатѣ, садился или ложился на кровать и хотя продолжалъ ѣсть, гулять и говорить, но все это дѣлалъ совсѣмъ машинально. Одинъ изъ двухъ приставленныхъ ко мнѣ постоянныхъ сторожей (это былъ еврей) замѣтилъ мою перемѣну и часто засматривалъ ко мнѣ въ форточку своимъ жалостливымъ взглядомъ. Печаль мою онъ, должно быть, объяснялъ себѣ по своему тѣмъ, что я заключенъ и, такимъ образомъ, лишенъ всѣхъ тѣхъ развлеченій, которыми люди обыкновенно такъ дорожатъ. Онъ часто входилъ ко мнѣ, садился и начиналъ мнѣ разсказывать анекдоты, смѣшныя

Шкарванъ! Міровое колесо вертится сегодня такъ же какъ вчера, и всѣхъ насъ оно влечетъ въ одномъ извѣстномъ направленіи, и тотъ, кто противодѣйствуетъ этому, будетъ безпощадно стертъ колесомъ, и завтра же о немъ не будетъ уже и рѣчи. Да, да, — подумайте-ка объ этомъ хорошенько.—Вы начитались вредныхъ книгъ, вотъ и все! Впрочемъ и это случается съ людьми умными, но они вскорѣ замѣчаютъ свои заблужденія и возвращаются назадъ.— Толстой засѣлъ у васъ въ головѣ, ну что же, почитать его интересно, — я тоже читалъ его, но не слѣдуетъ же вносить въ жизнь тѣ утопіи, которыя онъ проповѣдуетъ. Онъ навѣрное и самъ не предполагаетъ, что кто нибудь будетъ слѣдовать имъ. Смотрите же, станьте снова благоразумны, вѣдь мы сами безпокоимся о васъ, какъ отцы, и поможемъ вамъ во всемъ. Признайтесь, что вы заблудились (заблужденіе, вѣдь, дѣло человѣческое), и продолжайте вашу службу! Мы выставимъ свидѣтельство, что причиной всему была гиперемія мозга, и дѣлу конецъ! Черезъ 7 недѣль вы снова будете свободнымъ человѣкомъ и тогда, я увѣренъ, вы можете пропагандировать, если захотите, ваши идеи гораздо болѣе благоразумнымъ способомъ, а не такъ, какъ теперь: биться головой объ стѣну!.... Вы хотите быть полезнымъ страждущему человѣчеству; это прекрасно съ вашей стороны, и кто же можетъ сдѣлать для него болѣе, чѣмъ врачъ? Наше призваніе есть самое идеальное и благородное! На этомъ поприщѣ вы можете сдѣлать очень много добра, а при этомъ еще и по толстовски помогать людямъ. — Скажите мнѣ, можетъ ли Толстой сдѣлать болѣе, чѣмъ честный, знающій врачъ? Конечно не можетъ. Я не жалѣю о томъ, что самъ избралъ это благородное призваніе. Я много давалъ людямъ, разумѣется, по мѣрѣ силъ моихъ, а вы можете дать гораздо больше. Но только одумай-

совѣсть. Ко мнѣ чаще стали заглядывать мои прежніе товарищи по службѣ. Форрай по прежнему часто проводилъ цѣлые вечера со мною. Физически я также сталъ чувствовать себя лучше.

Однажды утромъ, я въ раздумьи ходилъ по комнатѣ, — какъ вдругъ раскрылась дверь, и совершенно неожиданно для меня, появилась моя мать. Я радостно бросился къ ней на встрѣчу. Но чуть не остановился, замѣтивъ на ея лицѣ озабоченность, измученность. Я понялъ, что она разстроена изъ за меня, и что не расположена раздѣлять мои чувства. Она такъ и привѣтствовала меня словами: „Видишь, куда ты попалъ! сколько мученія ты мнѣ надѣлалъ! Господи, да что еще дальше ждетъ тебя!“ причитала она надо мною. Ея плачъ, ея голосъ, выраженіе лица, вся ея фигура напоминали мнѣ оплакиваніе мертвеца.

Первое мое чувство, когда я увидѣлъ мать, была радость; но радость эта исчезла при видѣ ея малодушія.

Съ грустью и желаніемъ помочь ей, я спросилъ ее:

— Отчего ты, мама, такая? Почему ты оплакиваешь меня, когда мнѣ совсѣмъ не такъ плохо, нисколько не хуже, чѣмъ бывало прежде, когда ты не плакала надо мной...? Я веселъ, ты спроси, и всякій, кто меня посѣщаетъ, подтвердитъ тебѣ это. Не плачь же! успокаивалъ я ее, желая, чтобъ у нея не было этихъ нехорошихъ слезъ личнаго страданія.

Она очевидно представляла себѣ ужаснымъ помѣщеніе, въ которомъ приходилось мнѣ теперь жить, и потому она со страхомъ оглядывала всѣ углы моей комнаты, которая въ сущности ничѣмъ не была хуже той, въ какой я жилъ дома, и, замѣтивъ это, она отчасти успокоилась.

IV.

ПОЧЕМУ НЕЛЬЗЯ СЛУЖИТЬ ВОЕННЫМЪ ВРАЧЕМЪ.

Многихъ поражаетъ то обстоятельство, что я отказался продолжать военную службу въ качествѣ *врача*. Многіе допускаютъ, что отказъ отъ строевой службы еще понятенъ, такъ какъ назначеніе строевого солдата несомнѣнно состоитъ въ томъ, чтобы обучаться убійству и, если начальство того потребуетъ, то и совершать убійства.

„Но, — спрашиваютъ люди, — какъ можетъ отказаться отъ своей службы военный врачъ, званіе и обязанность котораго состоятъ совсѣмъ не въ убійствѣ людей, а, наоборотъ, въ томъ, чтобы подавать помощь больнымъ, страдающимъ, и, слѣдовательно—творить дѣла гуманныя, дѣла милосердія?"

„Дѣятельность врача, — добавляютъ еще такіе люди, — есть сама по себѣ христіанская дѣятельность, и потому тотъ, кто бросаетъ эту дѣятельность, заслуживаетъ даже съ нравственной точки зрѣнія скорѣе осужденія, чѣмъ сочувствія."

И люди, при общей, свойственной имъ склонности не разбирать настоящаго положенія вещей, охотно принимаютъ такого рода разсужденіе, считая вопросъ рѣшеннымъ, и кладутъ его въ сторону, чтобы больше не думать о немъ. Такія возраженія мнѣ пришлось слышать не только отъ военныхъ,

живу, когда забываю себя, вотъ что для меня страшно. Цѣль моя не въ томъ, чтобы приносить пользу людямъ своимъ поступкомъ, а поступилъ я такъ потому, что долженъ былъ такъ поступить,— потому что такъ мнѣ велитъ Богъ!

Мнѣ такъ хорошо было говорить съ матерью свободно, по душѣ! И она больше не возражала мнѣ, а вся поглощенная материнскою любовью, забыла свое горе, и радовалась тому, что она возлѣ меня. Я чувствовалъ, что, кромѣ семейной связи, мы были соединены высшей, божественной любовью, и тѣмъ болѣе дорожилъ этими минутами, что они рѣдко бывали между нами.

Потомъ мы вмѣстѣ пообѣдали, и мать осталась у меня до 4-хъ часовъ по полудни, т. е. до ухода ея поѣзда. Она разсказывала мнѣ про домашнихъ, про разныхъ знакомыхъ, о томъ, какъ они приняли вѣсть о моемъ отказѣ, какъ отзываются обо мнѣ. Время уходило быстро, и я разстался съ матерью спокойный и обрадованный тѣмъ, что она будетъ впредь спокойнѣе на счетъ моей судьбы. Я долго чувствовалъ въ себѣ пріятные отзвуки этого свиданія.

Спустя нѣкоторое время меня второй разъ призывали къ допросу. Все разбирательство въ этотъ разъ состояло въ томъ, что судья-маіоръ спросилъ меня: было ли мнѣ впередъ извѣстно, что 7-го февраля я долженъ былъ быть дежурнымъ?

Я отвѣтилъ: да,—такъ какъ наканунѣ 7-го числа я самъ читалъ это въ приказѣ и росписался на немъ.

— Это нарушеніе дисциплины. Какъ же вы могли, зная, что должны быть дежурнымъ въ этотъ день, передать ваше письмо объ отказѣ? спросилъ меня судья.

die kleine Welt, um es am Ende gehn zu lassen, wie's Gott gefaellt. *)

Но главное, что̀ дѣлаетъ преступнымъ службу военнаго врача, это та тѣсная связь, которая существуетъ между его дѣятельностью и убійствомъ людей — настоящимъ назначеніемъ армій. Связь эта лицемѣрно прикрыта плащемъ гуманности и потому не такъ очевидна людямъ. Тѣмъ не менѣе она существуетъ, и всякій, желающій видѣть, можетъ ее видѣть, ибо очень легко поднять этотъ плащъ, подъ которымъ скрывается тотъ же разбойникъ.

Военный врачъ свидѣтельствуетъ солдатъ, т. е. рѣшаетъ, кто изъ людей годится для пушечнаго мяса, кто нѣтъ; осматриваетъ тѣхъ солдатъ, которыхъ наказываетъ начальство, т. е. рѣшаетъ, кого можно затворить въ темницу, на кого можно надѣть кандалы, кого можно лишить ѣды и т. п.; слѣдовательно, постоянно содѣйствуетъ безчеловѣчному, звѣрскому насилію надъ людьми.

Но предположимъ даже, что онъ всего этого не будетъ вынужденъ дѣлать, и что кромѣ добросовѣстнаго леченія больныхъ солдатъ, не будетъ ничѣмъ другимъ заниматься, — даже это ничуть не уничтожило бы грѣховности его дѣятельности, *ибо нельзя не спросить себя, нельзя не видѣть того, какая цѣль преслѣдуется этимъ леченіемъ. Военный врачъ во всякомъ случаѣ представляетъ наемника за деньги, нанятаго организованной шайкой убійцъ единственно для того, чтобы наблюдать за здоровьемъ людей, предназначенныхъ на убой и на совершеніе убійства.*

И нельзя въ этомъ случаѣ не сознавать того, что̀ всѣмъ извѣстно, — того, что быть пособникомъ въ

*) Сущность медицины легко усвоить: изучаешь великій и малый міръ только за тѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ оставить все на Божью волю.

какомъ бы то ни было видѣ безнравственному, дикому учрежденію, — постыдно и унизительно, какое бы хорошее названіе ни давали этому дѣлу, какой бы красивый мундиръ за это ни надѣвали, сколько бы золотыхъ крестиковъ ни дарили за такую службу. Вѣдь, навѣрное, ни одна честная женщина ни за какія деньги не согласится поступить въ кухарки въ шайку разбойниковъ, хотя приготовленіе кушанья не только не составляетъ грѣха само по себѣ, но нужное и необходимое для людей условіе жизни. А въ чемъ же разница между разбойниками и арміями? Единственно лишь въ размѣрахъ грабежа.

Пора бы намъ всѣмъ понять, что постыдно и унизительно продавать свои знанія тѣмъ, кто нуждается въ нихъ, для болѣе легкаго достиженія своихъ злыхъ намѣреній!

Пора бы понять, что всякое малѣйшее содѣйствіе въ основанныхъ на насиліи дѣлахъ правительствъ, составляетъ для человѣка, желающаго себѣ и другимъ блага, — униженіе собственнаго достоинства и великое преступленіе противъ самыхъ элементарныхъ требованій любви и даже простой гуманности!

V.

СУДЕБНОЕ СЛѢДСТВІЕ И СВИДАНІЕ СЪ МАТЕРЬЮ.

Не помню навѣрное числа, но думаю, что это было 19-го февраля, когда меня призвали въ первый разъ въ военную судебную палату, въ Кашау. Мнѣ велѣли надѣть парадный мундиръ, и я отправился въ сопровожденіи одного военнаго врача. По дорогѣ я подумалъ было о томъ, что̀ мнѣ сказать судьямъ? Однако не могъ придумать ни одной подходящей фразы и отложилъ объ этомъ попеченіе.

Въ комнатѣ, въ которую мы вошли, сидѣлъ одинъ маіоръ-судья. Сопровождавшій меня врачъ отрапортовалъ ему, что привелъ меня, и ушелъ. Судья молча показалъ мнѣ на стулъ въ концѣ зеленаго стола, и продолжалъ разбираться въ бумагахъ. Я сѣлъ. Кромѣ насъ двоихъ и собаки, лежавшей возлѣ печки, въ комнатѣ никого не было. Я находился въ напряженномъ состояніи, ожидая допроса. Немного погодя судья вышелъ, и я остался одинъ. Я подозвалъ къ себѣ красивую гончую собаку. Она спокойно встала, подошла ко мнѣ и дружелюбно положила свою голову на мои колѣни, глядя на меня своими умными глазами. Мнѣ было пріятно приласкать безобидное животное и невольно я подумалъ: почему такъ часто человѣкъ несравненно злѣе животнаго?

Вскорѣ я услышалъ въ сосѣдней комнатѣ громкіе голоса, звяканье шпоръ и сабель. Дверь открылась и маіоръ-судья, учтиво предлагая другому маіору — члену суда пройти впередъ, показался въ дверяхъ.

— Я увѣренъ, господинъ маіоръ, что засѣданіе не будетъ долго длиться, — говорилъ судья, помогая пришедшему повѣсить шинель.

Какъ бы мимоходомъ, майоръ, красивый мущина, взглянулъ на меня, поправляя свои длинные усы и оглядывая свои блестящіе сапоги.

Судья поспѣшно переодѣлъ сюртукъ, опоясалъ саблю и позвонилъ писаря.

На двухъ концахъ длиннаго стола сидѣли я и судья, а по бокамъ съ одной стороны членъ суда и съ другой — писарь. Передъ судьей лежала довольно толстая куча бумагъ, которыя уже успѣли исписать обо мнѣ.

Первымъ дѣломъ была прочтена жалоба, въ которой я обвинялся въ томъ, что 7-го февраля не явился на службу и вообще отказался исполнять какія бы то ни было военныя обязанности. Потомъ составили мою метрику.

Послѣ этого судья спросилъ меня: признаюсь ли я въ томъ, что написалъ начальнику госпиталя Вэзе это письмо объ отказѣ? При этомъ онъ передалъ мнѣ въ руки оригиналъ извѣстнаго читателю письма.

— Да, я написалъ его.

— Что побудило васъ къ тому, чтобы написать это письмо?

— Невыносимо тяжело мнѣ было на совѣсти сознаніе того, что содѣйствую военщинѣ, которую считаю большимъ зломъ и ужаснымъ игомъ для народовъ, отвѣтилъ я.

— Долженъ вамъ замѣтить, что военщина, —

заговорилъ судья, — какъ вы выражаетесь, непристойное для воина слово. А теперь отвѣтьте мнѣ, почему вы считаете армію зломъ?

— Я считаю ее зломъ, потому что учрежденіе это противодѣйствуетъ свободному развитію людей, прогрессу, а, главное, противорѣчитъ любви христіанской, такъ какъ, даже въ томъ случаѣ, если и допустить, что цѣль арміи не есть война и убійство, то во всякомъ случаѣ она всегда достигаетъ своей цѣли посредствомъ убійства.

— Чѣмъ вы объясняете, спрашивалъ меня дальше судья, что многіе милліоны людей слѣдуютъ добровольно закону всеобщей воинской повинности, несутъ эту тяжесть, а вы одинъ хотите этому противодѣйствовать?

— Большинство служитъ не добровольно, а изъ страха передъ насиліемъ, многіе служатъ по невѣжеству своему; а нѣкоторая часть — потому, что любитъ жить праздно безъ всякаго труда, и при томъ роскошно. (Я имѣлъ въ виду офицеровъ, говоря объ этомъ послѣднемъ разрядѣ).

— И такъ, вы продолжаете придерживаться также и всего остальнаго высказаннаго вами въ вашемъ письмѣ?

— Да, я продолжаю придерживаться всего высказаннаго мною въ письмѣ.

Мнѣ дали подписать протоколъ, и я подписался, не читая его.

Затѣмъ писарю было сказано, что онъ можетъ удалиться. Когда онъ вышелъ, судья сказалъ мнѣ приблизительно слѣдующее:

„У меня нѣтъ намѣренія философствовать съ вами, такъ какъ дѣлать это мнѣ и не подобаетъ; но я долженъ вамъ напомнить вотъ что: подумали ли вы хорошо, какія послѣдствія влечетъ за собой вашъ поступокъ? Если вы не откажетесь отъ ва-

шего намѣренія, то вы попадете въ тюрьму, и никто не можетъ ручаться за то, что вамъ не придется просидѣть въ ней нѣсколько лѣтъ. И чего вы добьетесь такимъ образомъ? Ровно ничего. Вы человѣкъ серьезный, вѣроятно много читали по этому вопросу, но я предполагаю, — и всякій умный человѣкъ согласится со мной, что вы поступили бы лучше, — разъ что не хотите отказаться отъ вашихъ идей, — если бы вы дослужили свой короткій срокъ, а ужъ послѣ того отдались бы дальнѣйшему изученію этого вопроса и свободной пропагандѣ вашей идеи. Есть, вѣдь, и даже въ нашемъ государствѣ, люди, исповѣдующіе тѣ же идеи мира! Вы можете, разъ у васъ есть способность къ этому, стать современемъ членомъ парламента, и такимъ образомъ вы могли бы дѣйствительно сдѣлать кое что въ пользу мира. Между тѣмъ, какъ, дѣйствуя вашимъ способомъ, вы погибнете въ тюрьмѣ, и никто даже вниманія не обратитъ на васъ. Не думайте такъ же, что вы первый поступаете такъ! Существуетъ, напримѣръ, въ нашемъ государствѣ уже десятки лѣтъ одна секта такъ называемыхъ „назареновъ“, члены которой поступаютъ такъ же, какъ и вы, т. е. отказываются быть солдатами. Но и эти люди постепенно убѣждаются въ томъ, что попытки ихъ напрасны, — что они не достигаютъ своей цѣли, и понемножку они начинаютъ уступать. А тѣ, которые не уступаютъ, все равно, тоже ничего не достигаютъ. Всякій изъ нихъ просиживаетъ 6—8 и даже 10—12 лѣтъ въ тюрьмѣ, гдѣ онъ въ большинствѣ случаевъ погибаетъ, а если и выходитъ оттуда, — то разслабленнымъ старикомъ. Но это — люди необразованные, мистики, а вы—интеллигентъ, и вамъ нельзя поступать такъ неразумно.

У васъ, кажется, есть мать-старуха? И невѣста есть? Какъ же вы можете поступать такъ во имя

Христовой любви, причиняя страданія другимъ? Еще есть время одуматься, такъ какъ сегодняшнее засѣданіе не должно имѣть рѣшающаго значенія. Все это я вамъ говорю, какъ частный человѣкъ, а не какъ судья, надѣясь и желая, чтобы вы опомнились?"

Уже во время допроса я почувствовалъ облегченіе и удовлетвореніе отъ того, что мнѣ удалось въ отвѣтахъ на вопросы высказать то, что думаю. Передъ допросомъ меня немного безпокоила мысль о томъ, что я запутаюсь, не съумѣю сказать то, что нужно, или скажу то, что не нужно. Боялся того, что буду нервенъ, и что послѣдствіемъ всего этого будутъ нравственныя мученія, которыя всегда испытываешь, если сдѣлалъ дѣло не такъ, какъ хотѣлъ; но случилось наоборотъ. Вопросы были поставлены такъ просто и ясно, что нельзя было не отвѣтить на нихъ также. Увѣщаніе судьи я выслушалъ спокойно, безъ единаго слова возраженія или отвѣта. Доводы противъ меня, еще гораздо болѣе сильные и соблазнительные чѣмъ тѣ, которые приводилъ судья, были давнымъ давно извѣстны мнѣ. Все это я давно переработалъ, перестрадалъ и отложилъ въ сторону въ разрядъ рѣшенныхъ для меня вопросовъ; потому то и рѣчь его никакъ не могла имѣть на меня вліянія. Возражать и объяснять я не чувствовалъ никакого побужденія, такъ какъ меня о томъ и не просили. И, вообще, я, кажется, не думалъ объ этомъ, а былъ больше занятъ испытываемымъ въ то время чувствомъ удовлетворенія, тѣмъ, что дѣло обошлось безъ волненія и нехорошихъ побужденій съ моей стороны; былъ радъ и тому, что судья относился ко мнѣ лучше, чѣмъ я ожидалъ.

Послѣ допроса я остался на томъ же положеніи

арестованнаго, въ полной неизвѣстности того, что будетъ со мной дальше.

Между тѣмъ физическое мое состояніе ухудшалось. Появился кашель и боли въ груди и въ желудкѣ; въ головѣ часто испытывалъ давленіе. Временами мною овладѣвали слабость, апатія и уныніе. Передъ духовными очами снова, какъ бы забытая, являлась смерть. Мысли о ней притупляли во мнѣ значеніе всего окружающаго и происходящаго со мною. „Жить придется не долго, думалъ я, *она* придетъ нечаянно, въ то время, когда я еще серьезно не ждалъ ея.“ И мнѣ становилось еще грустнѣе. Меня безпокоила мысль, что когда настанетъ время, то я буду умирать съ трудомъ, неохотно. Я вѣрилъ прежде и говорилъ, что христіанину смерть не страшна; а тутъ меня давило представленіе о ней. Я видѣлъ, что я не такъ жилъ до сихъ поръ, какъ надо было, чтобы принять смерть, какъ друга, чтобы сказать спокойно и блаженно: „я сдѣлалъ то, что было моимъ долгомъ сдѣлать: „Господи прими раба твоего!“ Я видѣлъ, что я самъ далекъ отъ этого, что, приди она, я не охотно привѣтствовалъ бы ее.

Унылый я бродилъ по комнатѣ, садился или ложился на кровать и хотя продолжалъ ѣсть, гулять и говорить, но все это дѣлалъ совсѣмъ машинально. Одинъ изъ двухъ приставленныхъ ко мнѣ постоянныхъ сторожей (это былъ еврей) замѣтилъ мою перемѣну и часто засматривалъ ко мнѣ въ форточку своимъ жалостливымъ взглядомъ. Печаль мою онъ, должно быть, объяснялъ себѣ по своему тѣмъ, что я заключенъ и, такимъ образомъ, лишенъ всѣхъ тѣхъ развлеченій, которыми люди обыкновенно такъ дорожатъ. Онъ часто входилъ ко мнѣ, садился и начиналъ мнѣ разсказывать анекдоты, смѣшныя

событія, или показывалъ еврейскіе танцы и пѣлъ еврейскія пѣсни, дѣлая все это, какъ самъ мнѣ послѣ сознавался, для того, чтобы развлечь меня, развеселить. Еврейчикъ этотъ былъ мнѣ симпатиченъ, онъ былъ умный отъ природы и добрый сердцемъ; я старался не показывать ему мое частое недовольство тѣмъ, что комнату мою онъ держалъ грязно, и я старался, хотя бы разсказами и довѣріемъ отплачивать ему за его услуги. Онъ также много разспрашивалъ меня по религіознымъ и другимъ вопросамъ.

Въ началѣ марта комнату мою занялъ другой арестантъ, меня же перемѣстили, за неимѣніемъ свободной камеры въ арестантскомъ отдѣленіи, — въ комнату, находящуюся тоже въ отдѣльномъ запертомъ корридорѣ, — въ отдѣленіи заразныхъ больныхъ. Тамъ было уютнѣе, чище и свободнѣе. Четыре солдата, до тѣхъ поръ ежедневно сторожившихъ меня, были сокращены до одного; караула тоже не было. Я имѣлъ возможность дольше оставаться на дворѣ и доступъ посѣтителей ко мнѣ сталъ свободнымъ, по крайней мѣрѣ не было видно никакихъ строгихъ мѣръ, препятствующихъ этому. Я могъ писать и читать въ то время все, что хотѣлъ, и сколько хотѣлъ, а окольнымъ путемъ я получалъ и отсылалъ свою переписку. Никто не стѣснялъ меня въ этомъ, и потому я даже физически чувствовалъ себя свободнымъ, такъ какъ желанія перемѣны мѣста во мнѣ совсѣмъ не было. Въ моемъ положеніи человѣка, живущаго по неволѣ на государственный счетъ, безъ заботы о хлѣбѣ насущномъ, — я находилъ даже нѣчто привлекательное, именно то, что я съ совершенно спокойной совѣстью поѣдалъ харчи, которые мнѣ давали, между тѣмъ какъ раньше, живя на волѣ, у меня часто въ этомъ отношеніи была неудовлетворенная

совѣсть. Ко мнѣ чаще стали заглядывать мои прежніе товарищи по службѣ. Форрай по прежнему часто проводилъ цѣлые вечера со мною. Физически я также сталъ чувствовать себя лучше.

Однажды утромъ, я въ раздумьи ходилъ по комнатѣ, — какъ вдругъ раскрылась дверь, и совершенно неожиданно для меня, появилась моя мать. Я радостно бросился къ ней на встрѣчу. Но чуть не остановился, замѣтивъ на ея лицѣ озабоченность, измученность. Я понялъ, что она разстроена изъ за меня, и что не расположена раздѣлять мои чувства. Она такъ и привѣтствовала меня словами: „Видишь, куда ты попалъ! сколько мученія ты мнѣ надѣлалъ! Господи, да что еще дальше ждетъ тебя!“ причитала она надо мною. Ея плачъ, ея голосъ, выраженіе лица, вся ея фигура напоминали мнѣ оплакиваніе мертвеца.

Первое мое чувство, когда я увидѣлъ мать, была радость; но радость эта исчезла при видѣ ея малодушія.

Съ грустью и желаніемъ помочь ей, я спросилъ ее:

— Отчего ты, мама, такая? Почему ты оплакиваешь меня, когда мнѣ совсѣмъ не такъ плохо, нисколько не хуже, чѣмъ бывало прежде, когда ты не плакала надо мной...? Я веселъ, ты спроси, и всякій, кто меня посѣщаетъ, подтвердитъ тебѣ это. Не плачь же! успокаивалъ я ее, желая, чтобъ у нея не было этихъ нехорошихъ слезъ личнаго страданія.

Она очевидно представляла себѣ ужаснымъ помѣщеніе, въ которомъ приходилось мнѣ теперь жить, и потому она со страхомъ оглядывала всѣ углы моей комнаты, которая въ сущности ничѣмъ не была хуже той, въ какой я жилъ дома, и, замѣтивъ это, она отчасти успокоилась.

— Да, положимъ, что тебѣ здѣсь не такъ дурно, но каково будетъ въ тюрьмѣ? Мнѣ страшно даже подумать объ этомъ. Будутъ бить и Богъ знаетъ что съ тобой сдѣлаютъ!

И она снова стала говорить почти тѣмъ же жалобнымъ тономъ.

— Бить меня не будутъ, не могутъ и не смѣютъ, и хуже мнѣ тамъ тоже не будетъ, — говорилъ я матери. Вездѣ есть добрые люди, и тюрьма совсѣмъ не такъ страшна, какъ ты ее себѣ представляешь. Главное же — то, чтобы внутри человѣка было спокойствіе и порядокъ, тогда вездѣ будетъ хорошо.

— Скажи же, сынокъ, что ты въ тюрьмѣ будешь дѣлать? спрашивала меня мать съ горечью, но уже гораздо мягче.

— То самое, что и другіе арестанты дѣлаютъ. Напримѣръ, тамъ стулья дѣлаютъ. Выучусь и я стулья дѣлать, приду домой и вамъ надѣлаю, сказалъ я со смѣхомъ, и смѣхъ мой заразилъ и мать. Мы сѣли съ нею рядомъ на кровать. Она какъ то ожила и повеселѣла. Я снова почувствовалъ радость отъ близости ея. Она стала перебирать мои волосы кольцами и гладить мнѣ лицо жесткими старческими руками, цѣловала мой лобъ, совсѣмъ такъ, какъ бывало, когда я былъ мальчикомъ, и когда она, укладывая насъ, дѣтей, спать, ласкала и благословляла насъ.

— Дитя ты мое радостное, какъ же мнѣ не страшиться за тебя, когда ты отдаешь себя на такія страданія и безъ всякой пользы! Кому ты этимъ поможешь? Себя одного замучаешь! говорила она мнѣ опять.

— Не замучу я себя, мама. Мнѣ, вѣдь, такъ хорошо. И не могу я жить такъ, какъ живутъ другіе. Вотъ тутъ и подъ арестомъ для меня жить не страшно, а жить, какъ живутъ всѣ, и какъ я

живу, когда забываю себя, вотъ что для меня страшно. Цѣль моя не въ томъ, чтобы приносить пользу людямъ своимъ поступкомъ, а поступилъ я такъ потому, что долженъ былъ такъ поступить,— потому что такъ мнѣ велитъ Богъ!

Мнѣ такъ хорошо было говорить съ матерью свободно, по душѣ! И она больше не возражала мнѣ, а вся поглощенная материнскою любовью, забыла свое горе, и радовалась тому, что она возлѣ меня. Я чувствовалъ, что, кромѣ семейной связи, мы были соединены высшей, божественной любовью, и тѣмъ болѣе дорожилъ этими минутами, что они рѣдко бывали между нами.

Потомъ мы вмѣстѣ пообѣдали, и мать осталась у меня до 4-хъ часовъ по полудни, т. е. до ухода ея поѣзда. Она разсказывала мнѣ про домашнихъ, про разныхъ знакомыхъ, о томъ, какъ они приняли вѣсть о моемъ отказѣ, какъ отзываются обо мнѣ. Время уходило быстро, и я разстался съ матерью спокойный и обрадованный тѣмъ, что она будетъ впредь спокойнѣе на счетъ моей судьбы. Я долго чувствовалъ въ себѣ пріятные отзвуки этого свиданія.

Спустя нѣкоторое время меня второй разъ призывали къ допросу. Все разбирательство въ этотъ разъ состояло въ томъ, что судья-маіоръ спросилъ меня: было ли мнѣ впередъ извѣстно, что 7-го февраля я долженъ былъ быть дежурнымъ?

Я отвѣтилъ: да,—такъ какъ наканунѣ 7-го числа я самъ читалъ это въ приказѣ и росписался на немъ.

— Это нарушеніе дисциплины. Какъ же вы могли, зная, что должны быть дежурнымъ въ этотъ день, передать ваше письмо объ отказѣ? спросилъ меня судья.

— Въ письмѣ я вѣдь отказывался отъ всякаго рода военной службы вообще, значитъ и отъ дежурства тоже. Поэтому я никакъ не могъ брать во вниманіе дежурство. Если бы я это сдѣлалъ, я противорѣчилъ бы самому себѣ, отвѣтилъ я.

Тѣмъ и кончился допросъ. Когда я оглядывалъ судебную залу, то на одномъ изъ столовъ я замѣтилъ всѣ мои книги, рукописи и письма, которыя очевидно были перенесены изъ моей квартиры въ судъ.

31-го марта кончался срокъ службы моихъ товарищей-докторовъ. Когда я простился со всѣми ими, ко мнѣ еще отдѣльно пришелъ Форрай. Поговоривъ о чемъ то, онъ отошелъ потомъ къ окну, и стоялъ тамъ, молча барабаня по стеклу. Я чувствовалъ, что онъ растроганъ, думая о моей судьбѣ и болѣзни. Я чувствовалъ, что онъ не можетъ собраться съ духомъ сказать мнѣ: „прощай!“ Вдругъ онъ затрясся и зарыдалъ. Его слезы заразили меня, и я тоже заплакалъ. Онъ—возлѣ окна, я—опершись о печку. Потомъ, утирая платкомъ слезы, онъ сказалъ мнѣ: „знай, что я навсегда останусь твоимъ другомъ. Богъ съ тобою! Прощай!“

Послѣ этой сцены, когда я опять былъ одинъ, сторожъ мой долго не входилъ изъ передней, и когда наконецъ вошелъ, то такъ тихо, какъ бы боясь нарушить что то.

5-го апрѣля мнѣ было сказано, что меня повезутъ въ Вѣну, но куда: въ больницу, въ судъ или въ тюрьму, — я не зналъ. Но все же я радовался предстоящей перемѣнѣ и путешествію, такъ какъ однообразіе Кашауской больницы за эти два мѣсяца успѣло сильно надоѣсть мнѣ.

VI.

МОТИВЫ МОЕГО ОТКАЗА.

Когда я впослѣдствіи уже послѣ приговора сидѣлъ въ тюрьмѣ, двоюродная сестра, давнишній мой другъ, писала мнѣ между прочимъ: „кто бы еще недавно подумалъ, что тебѣ придется свидѣтельствовать правду Божью и страдать за нее!“

Очевидно ей казалось страннымъ и удивительнымъ, что тотъ человѣкъ, котораго она хорошо знала, со всѣми его грѣшками и грѣхами, — вдругъ попалъ въ роль мученика.

Для меня самого тоже это вышло неожиданно, такъ какъ только въ послѣдній день передъ моимъ отказомъ я увидѣлъ ясно, куда привело меня мое внутреннее безпокойство — мое безпрестанное метаніе въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль до отказа.

„Что собственно заставило васъ проявить этотъ протестъ, взяться за такую неравную, рѣзкую, хотя вполнѣ пассивнаго характера, но все же крайне отважную борьбу съ военнымъ начальствомъ, и въ сущности со всѣмъ государственнымъ строемъ?“ — Вотъ вопросъ, часто задаваемый мнѣ людьми и, повидимому, больше всего занимающій ихъ, и, въ сущ-

жить лишь маской для скрытія собственной несостоятельности. Я даже думаю такъ, что если какая-нибудь истина настолько созрѣла въ человѣкѣ, что онъ ужь никакъ не можетъ не проявить ее, то тогда, какъ бы ему ни было трудно переносить тяжелыя послѣдствія своего поступка, — онъ все таки не можетъ отказаться отъ него. Подъ тяжестью испытанія онъ можетъ отказаться отъ него на словахъ, какъ отказались Іеронимъ Пражскій, Галилей и другіе, но на дѣлѣ, въ душѣ своей, онъ этого сдѣлать не можетъ, и онъ, подобно Галилею, лишь только физическія страданія перестанутъ брать верхъ надъ нимъ, снова воскликнетъ: „e pur si muove!“*

Если бы это было не такъ, тогда сила правды была бы слабѣе другихъ силъ, т. е. жизнь духа оказалась бы несостоятельной. Дѣло Божіе тѣмъ и побѣждаетъ міръ, что проявленіе его ничто остановить не можетъ. Нужно только при этомъ быть осторожнымъ въ душѣ своей, чтобы не насиловать своей совѣсти, чтобы не дѣлать преждевременно того, рѣшеніе чего зависитъ не отъ насъ, а отъ указанія высшей Воли.

На слѣдующей станціи ко мнѣ въ вагонъ подсѣла сестра, неуспѣвшая въ Л. добѣжать до нашего вагона и потому сѣвшая, куда попало. Съ нею вошла наша давишняя знакомая, жена друга моего С., и мы проѣхали вмѣстѣ двѣ станціи. Сестра моя плакала, какъ обыкновенно плачутъ женщины, подавленныя постигшимъ ихъ семейнымъ горемъ. На лицѣ моей знакомой тоже отражалось страданіе за меня. Я сталъ говорить имъ, что мое положеніе не такъ страшно, какъ онѣ думаютъ, что я отношусь къ судьбѣ моей спокойно, ибо знаю, что худого мнѣ

*) А все таки земля вертится!

таютъ меня предателемъ славянскихъ интересовъ?

Нѣкоторые подозрѣваютъ въ моемъ отказѣ желаніе прослыть за героя. Хотя я, дѣйствительно, согласенъ считать геройствомъ жизнь, при которой человѣкъ въ борьбѣ за истину не боится никакихъ властей, ни внѣшнихъ угрозъ, ни лишеній, и хотя живетъ во мнѣ желаніе быть такимъ до конца жизни моей, но все таки не это желаніе руководило мной при моемъ отказѣ.

Какъ прежде, такъ и теперь, своему (да и всякому другому) отказу служить государству, я, какъ факту самому по себѣ, не придаю никакого значенія; а это, конечно, было бы иначе, если бы мною руководила слава человѣческая, потому то я и „не поднялъ вопроса“ ни путемъ журналистики, ни въ венгерскомъ сеймѣ по поводу безстыднаго поведенія властей и Инсбрукскаго университета, отнявшихъ у меня докторскій дипломъ, хотя къ тому и представлялся не одинъ разъ удобный случай, и хотя общественное мнѣніе въ Венгріи, въ этомъ отношеніи, было на моей сторонѣ.

Я сознавалъ, что добиваться такихъ правъ для меня не важно, и, напротивъ, чувствовалъ, что лучше не добиваться ихъ, а быть безъ нихъ; что своимъ беззаконіемъ власти помогаютъ мнѣ въ приближеніи къ Богу, — освобождая меня отъ диплома и всей обузы нравственной, связанной съ нимъ.

Есть еще люди, которые думаютъ, будто бы я, отказываясь служить, хотѣлъ жертвовать собой, ради блага будущихъ поколѣній. Такіе люди больше другихъ увѣрены, что попали какъ разъ въ самую точку. Но желаніе быть соціальнымъ реформаторомъ — дѣло довольно чуждое моему характеру, такъ какъ я преимущественно бываю занятъ самимъ собою.

Правда, что въ письмѣ къ начальству и на су-

имъ младшимъ братомъ на станціи М., гдѣ поѣздъ стоялъ десять минутъ. Онъ всегда отрицательно относился къ моимъ взглядамъ и выводамъ, которые я изъ нихъ дѣлалъ, считая все это заблужденіемъ и мистицизмомъ, тѣмъ болѣе, что такое мнѣніе въ немъ поддерживали всѣ тѣ люди, которыхъ онъ считалъ умными и компетентными судьями въ вопросахъ долга и задачи жизни. Отказъ мой представлялся ему, какъ и долженъ представляться всѣмъ людямъ, полагающимъ жизнь въ достиженіи матерьяльныхъ благъ, — до крайности доведенной утопіей, которая его, по своему все таки любившаго меня, не могла оставить равнодушнымъ.

Сначала онъ удерживалъ свое волненіе, которое отражалось на блѣдномъ его лицѣ, безпокойныхъ глазахъ и въ странной интонаціи голоса. Но онъ не могъ долго выдержать напряженнаго состоянія и чувство его вылилось въ цѣломъ потокѣ упрековъ противъ меня.

— Какъ можешь ты заниматься такими пустяками, никому не нужными, тогда какъ народъ словенскій гибнетъ отъ притѣсненія и невѣжества? началъ онъ съ горечью. — Всѣ наши (подъ нашими онъ подразумѣвалъ словенскихъ патріотовъ) удивляются и единогласно осуждаютъ тебя! Такая важная задача ждетъ насъ всѣхъ, а ты увлекаешься толстовщиной!

— Я не желаю и не думаю, чтобы могъ поучать народъ, — сказалъ я ему. — Вотъ *вы* — другое дѣло! *Вы* способны на это! Строите народныя пивоварни и поглощаете народное пиво въ честь и славу народа! отвѣтилъ я раздраженно, не безъ умышленной насмѣшки.

Мои слова подлили масла въ огонь, и братъ мой, ужь не щадя меня, сказалъ все, чѣмъ думалъ уязвить меня.

о матерьяльномъ благѣ, другіе же о благѣ духовномъ; заботы же о другихъ связаны всегда съ заботой о себѣ. Правда, что поступки, совершаемые въ интересахъ духовной жизни, всегда связаны съ общимъ благомъ; но все же, прежде всего, благо это касается меня самого. Если бы это было не такъ, то общее благо не предетавляло бы никакого интереса для меня. Сознаніе *моего блага* служить мнѣ единственнымъ указателемъ того, въ чемъ состоитъ благо всѣхъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ во мнѣ совершился внутренній переворотъ, совершенно измѣнившій мои прежніе взгляды на жизнь, — измѣнились также и интересы моей жизни: хотя я часто еще и подпадаю соблазну личнаго счастья, но главная моя дѣятельность все же направлена не въ эту сторону, а — *внутрь себя*. Я теперь не думаю, какъ прежде, бывало, что счастье мое зависитъ отъ внѣшняго благополучія; а знаю, что оно зависитъ единственно отъ роста моей души, почему и стараюсь выдвигать на первый планъ духовные интересы. Но для того, чтобы продолжать жить духовно, надо постоянно слѣдить за собою, постоянно разбираться въ себѣ. Я стараюсь это дѣлать, такъ какъ для меня нѣтъ другого выбора. Всякое паденіе и всякій подъемъ духа мнѣ снова доказываютъ, что нѣтъ удовлетворенія ни въ чемъ иномъ, кромѣ — жизни въ Богѣ.

Но для того, чтобы такая жизнь не потухла въ насъ, необходимо соблюдать извѣстныя условія, т. е. необходимо исполнять внутреннія требованія Бога, такъ же какъ для растенія требуются сочетанія извѣстныхъ условій въ природѣ. Какъ растеніе вянетъ и умираетъ, когда нарушаются необходимыя условія, при которыхъ возможна его органическая жизнь, точно такъ же и у человѣка, переставшаго исполнять внутреннія требованія Бога, вскорѣ появ-

ляются страшные признаки приближенія духовной смерти. Какъ въ жизни растительной дурныя условія грозятъ погубить растеніе, такъ и на пути духовной жизни являются препятствія, грозящія погубить человѣка; и задача наша въ томъ, чтобы, не переставая зорко наблюдать за своей душей и устранять все то, что мѣшаетъ ея дальнѣйшему росту, доставляя ей этимъ и свободу и просторъ.

Однимъ изъ такихъ препятствій въ моей внутренней жизни была военная служба. Еще прежде поступленія на службу я зналъ, что она будетъ мнѣ заслонять жизнь; но я служилъ, потому что *могъ* служить, — потому что думалъ, что перенесу это временное заслоненіе безъ поврежденія для моей души. Я думалъ, — какъ растеніе нѣкоторое время можетъ обойтись безъ солнца и безъ влаги, такъ и я буду въ состояніи прожить полгода противно моему убѣжденію, служа военнымъ докторомъ.

Я сталъ служить, и сначала даже какъ бы не замѣчалъ никакого вреда для себя. Потомъ, когда стали появляться во мнѣ первые признаки безпокойства, я старался забыться въ водоворотѣ пустой свѣтской жизни. Быть можетъ, что и привязанность къ женщинѣ вліяла на меня; но дѣйствіе этихъ соблазновъ ослабѣвало все больше и больше. Жизнь моя стала вянуть, и я сталъ страдать, сначала не сознавая причины этого страданія. Наконецъ, страданія мои доросли до того, что я почувствовалъ, что еще немного, и жизнь во мнѣ совсѣмъ остановится. Только когда я почувствовалъ это, т. е. близость самого критическаго и опаснаго момента, — только тогда стало для меня очевиднымъ, что я, въ интересахъ собственнаго спасенія, долженъ отказаться отъ военной службы, — что отъ этого зависитъ моя жизнь, мое освобожденіе. Внѣшнихъ

же соображеній при этомъ не было, если и были кое какія, то совсѣмъ незначительныя, исчезающія передъ главнымъ соображеніемъ о моей душѣ.

Меня не устрашала мысль, какъ отзовется мое рѣшеніе на моей будущности, — какъ отнесутся къ этому мои близкіе. Я объ этомъ мало думалъ. Мнѣ просто не хватало воздуха, и я долженъ былъ разбить окно, чтобы не задохнуться. Я долженъ былъ дать свободу своей стѣсненной душѣ. И лишь только я это сдѣлалъ, я сразу почувствовалъ приливъ свѣжаго воздуха, почувствовалъ, что сдѣлано какъ разъ то самое, что̀ нужно было сдѣлать, чтобы не погибнуть.

Послѣ отказа я ожилъ, какъ оживаютъ полузасохшія растенія послѣ дождя. Перемѣна внѣшнихъ условій жизни, т. е. мое превращеніе изъ „свободнаго“ человѣка въ арестанта, для меня не составляла уже страданія. Наоборотъ, въ арестѣ я почувствовалъ радость, вслѣдствіе прилива потерянныхъ и новыхъ силъ, радость освобожденія, радость отъ сознанія духовнаго роста и побѣды.

Вотъ, что̀ заставило меня не дослужить тѣхъ шести недѣль, которыхъ не хватало для окончанія моего срока. Это была внутренняя потребность, а не фанатизмъ, не толстовство и т. п., какъ думаютъ нѣкоторые.

Внутреннюю же эту потребность породило во мнѣ то самое стремленіе къ истинной жизни, которое руководитъ всѣми нами въ наши лучшія минуты, приближаетъ насъ къ свѣту, дѣлаетъ насъ свободными, и которое несомнѣнно побѣдитъ міръ и приведетъ всѣхъ къ Богу.

VII.

ПО ПУТИ ВЪ ВѢНУ.

По военному уставу назначается 42-хъ дневный срокъ для опредѣленія душевнаго состоянія наблюдаемаго, и продленіе этого срока допускается только въ исключительныхъ случаяхъ, а именно, когда со стороны врачей есть сомнѣніе въ вѣрности принятаго ими рѣшенія.

Надо мной же производили наблюденія, вѣрнѣе сказать, держали меня подъ надзоромъ не 42, а 55 дней — тѣ самые врачи, которые въ теченіи болѣе четырехъ мѣсяцевъ, ежедневно по нѣсколько часовъ проводили со мной вмѣстѣ, съ которыми часто мы разсуждали о разныхъ вопросахъ и которые, слѣдовательно, были достаточно освѣдомлены насчетъ моего умственнаго состоянія и моихъ воззрѣній. Всѣ, не только врачи, но и другіе офицеры, приходившіе ко мнѣ во время осмотровъ, не скрывали передо мной своей увѣренности въ полной моей вмѣняемости, да и никто изъ нихъ не рѣшился бы выставить себя такъ неумно, чтобы утверждать противное. Я предполагаю, что меня продержали дольше полагаемаго срока въ ожиданіи, что я откажусь отъ своего намѣренія, и кромѣ того еще потому, что власти не хотѣли или не знали, какъ имъ поступить со мною, и, только убѣдившись

вполнѣ въ тщетности своихъ ожиданій, рѣшились на нѣчто совсѣмъ неосновательное и непослѣдовательное, а именно передать меня въ военный лазаретъ въ Вѣну, для продолженія той-же Кашауской комедіи, т. е. опять для дальнѣйшаго наблюденія надъ моимъ умственнымъ состояніемъ. Кашаускимъ врачамъ слѣдовало сдѣлать одно изъ двухъ: или объявить меня вмѣняемымъ, а слѣдовательно отвѣтственнымъ за мой поступокъ и, какъ такового, передать военному суду; или же высказать, что я сумасшедшій, и тогда отдать меня (какъ того требуетъ военный уставъ) въ заведеніе для душевнобольныхъ, если не отпустить на свободу — домой. Но ни того, ни другого врачи не сдѣлали; а вмѣсто того выставили въ „Журналѣ наблюденія“ слѣдующій діагнозъ: „религіозное умопомѣшательство перепутанное съ идеями Толстого“.* Этотъ діагнозъ я читалъ на бумагѣ, которую везъ съ собой врачъ, провожавшій меня въ Вѣну для дальнѣйшаго наблюденія.

Съ такимъ опредѣленнымъ діагнозомъ нечего было и высылать меня въ Вѣну, и потому такое странное рѣшеніе я объясняю себѣ или тѣмъ, что оно исходило отъ высшаго военнаго начальства, которое отсрочивало принять болѣе радикальныя мѣры въ ожиданіи, что я, быть можетъ, все таки „опомнюсь“ или испугаюсь; или, если оно исходило отъ врачей, объясняю себѣ его только тѣмъ, что они хотѣли, такимъ образомъ, избавиться отъ неловкой обязанности передать знакомого имъ человѣка, котораго они не могли считать преступникомъ, на съѣденіе военному суду, и потому они предпочли передать эту обязанность другимъ. Принять же на себя от-

*) Смотри приложеніе къ запискамъ: „Журналъ наблюденія“ и „Медицинскій докладъ“.

вѣтственность и сказать, что, вслѣдствіе умопомѣшательства, я не могу отвѣчать за свой поступокъ, — на это, понятно, у нихъ не хватило смѣлости, тѣмъ болѣе, что я не поддавался ихъ явнымъ намекамъ на то, чтобы сдѣлаться симулянтомъ.* Самый удобный исходъ для людей въ подобномъ положеніи — это: посылать обвиняемаго отъ Анны къ Каіафѣ.

Такое соображеніе меня, однако, въ ту пору ничуть не тревожило; наоборотъ, я былъ очень доволенъ, когда 5-го Апрѣля мы выѣхали изъ Кашау. Былъ доволенъ ужъ тѣмъ, что могу проѣхаться, подышать вольной атмосферой и повидаться съ родными и знакомыми, которыхъ впередъ увѣдомилъ о моей поѣздкѣ, и потому зналъ, что меня будутъ ждать на станціяхъ и провожать по дорогѣ.

Со мной, въ роли провожатаго, ѣхалъ молодой военный врачъ. Было ясное, холодное утро. Я стоялъ возлѣ открытаго окна въ корридорѣ вагона и меня радовалъ острый воздухъ, обдувавшій мое лицо, радовалъ убѣгавшій передъ нами давно невидѣнный видъ лѣсовъ, полей и горъ. Мы подъѣзжали къ моему родному краю, гдѣ мнѣ были извѣстны всякая направо и налѣво открывающаяся долина, бѣлѣющіяся тропинки на горахъ, рѣка, въ которой такъ часто ловилъ рыбу. Пріятно и больно сжималась грудь... И, вмѣстѣ съ тѣмъ, меня охватывало волненіе при мысли, что на слѣдующей станціи Л... я увижу свою мать. Я еле узналъ ее, когда мы подъѣхали. Она была закутана въ шубу и большой платокъ на головѣ. Вагонъ нашъ остановился далеко отъ нея, и она только что успѣла подбѣжать, какъ поѣздъ тронулся дальше. Видъ ея былъ очень измученный, страдальческій. Замѣтно было,

*) Т. е. притвориться ненормальнымъ.

что отъ того спокойнаго настроенія, въ которомъ она разсталась со мной при послѣднемъ нашемъ свиданіи, теперь въ ней не осталось ничего.

Я успѣлъ ей лишь махнуть рукой и крикнуть: „руки твои цѣлую!“

Лицо ея еще болѣе исказилось и она, плача, крикнула мнѣ вслѣдъ: „съ Богомъ!“

Мы смотрѣли другъ на друга, пока поѣздъ нашъ не повернулъ на изгибѣ горы.

Я зналъ, что моя мать и безъ того переутомленная безконечными матеріальными заботами и разнымъ горемъ, сильно страдаетъ отъ удара, нанесеннаго ей моимъ отказомъ. Я зналъ, что мое положеніе служитъ для нея источникомъ постояннаго горя и страданій, которыя подкашиваютъ ее, и безъ того выбивающуюся изъ силъ. Мнѣ было жаль матери главнымъ образомъ потому, что она страдаетъ напрасно, что она не можетъ разрушить въ себѣ стѣну, мѣшающую ей стать независимой отъ внѣшнихъ невзгодъ. Однако, видъ несчастія матери ни на мгновеніе не поколебалъ во мнѣ моего рѣшенія, наоборотъ, — во мнѣ явилось чувство, которое еще въ большей степени укрѣпило его.

Многіе упрекали и до сихъ поръ упрекаютъ меня въ жестокости по отношенію къ моей матери, считаютъ мой поступокъ преступнымъ уже по одному тому, что я не принялъ во вниманіе людей судьба которыхъ тѣсно связана съ моей. Мнѣ говорятъ: „вы самый безсердечный, самый жестокій и скверный эгоистъ!“ дѣлая видъ, будто ихъ самихъ отъ подобнаго поступка удерживаетъ жалость къ другимъ, пощада близкихъ. Однако, это невѣрно. Человѣкъ, отступающій отъ истины будто бы изъ жалости къ другимъ отступаетъ отъ нея всегда изъ жалости къ себѣ. Жалость къ другимъ, въ этомъ случаѣ, слу-

жить лишь маской для скрытія собственной несостоятельности. Я даже думаю такъ, что если какая-нибудь истина настолько созрѣла въ человѣкѣ, что онъ ужь никакъ не можетъ не проявить ее, то тогда, какъ бы ему ни было трудно переносить тяжелыя послѣдствія своего поступка, — онъ все таки не можетъ отказаться отъ него. Подъ тяжестью испытанія онъ можетъ отказаться отъ него на словахъ, какъ отказались Іеронимъ Пражскій, Галилей и другіе, но на дѣлѣ, въ душѣ своей, онъ этого сдѣлать не можетъ, и онъ, подобно Галилею, лишь только физическія страданія перестанутъ брать верхъ надъ нимъ, снова воскликнетъ: „e pur si muove!“*

Если бы это было не такъ, тогда сила правды была бы слабѣе другихъ силъ, т. е. жизнь духа оказалась бы несостоятельной. Дѣло Божіе тѣмъ и побѣждаетъ міръ, что проявленіе его ничто остановить не можетъ. Нужно только при этомъ быть осторожнымъ въ душѣ своей, чтобы не насиловать своей совѣсти, чтобы не дѣлать преждевременно того, рѣшеніе чего зависитъ не отъ насъ, а отъ указанія высшей Воли.

На слѣдующей станціи ко мнѣ въ вагонъ подсѣла сестра, неуспѣвшая въ Л. добѣжать до нашего вагона и потому сѣвшая, куда попало. Съ нею вошла наша давнишняя знакомая, жена друга моего С., и мы проѣхали вмѣстѣ двѣ станціи. Сестра моя плакала, какъ обыкновенно плачутъ женщины, подавленныя постигшимъ ихъ семейнымъ горемъ. На лицѣ моей знакомой тоже отражалось страданіе за меня. Я сталъ говорить имъ, что мое положеніе не такъ страшно, какъ онѣ думаютъ, что я отношусь къ судьбѣ моей спокойно, ибо знаю, что худого мнѣ

*) А все таки земля вертится!

ничего сдѣлать не могутъ, и, испытывая это непрестанно на самомъ себѣ, я полагаю, что все, что со мной случилось и впередъ случится, будетъ мнѣ на пользу духовную, и т. п. Я видѣлъ, что знакомая моя и прежде во многомъ сочувствовавшая мнѣ, вѣритъ моимъ словамъ, понимаетъ, что я спокоенъ и не страдаю, и мнѣ было очень радостно почувствовать въ ней родственницу по духу. Но она все же не могла удержаться и съ волненіемъ сказала мнѣ: „я понимаю, что вамъ ваша судьба не трудна, знаю, что вы поступили хорошо, отказываясь отъ службы, но вы, Бѣлинько,* подумайте про вашу мать, пощадите ее, если вамъ это сдѣлать возможно! Она заслуживаетъ этого отъ васъ. Уступите ради нея!“ Меня трогало ея сочувствіе къ моей матери, и я былъ благодаренъ въ душѣ моей знакомой за ея любовь; смотря въ ея добрыя глаза, я отвѣтилъ ей, качая головой, что сдѣлать этого не могу. Тогда она перестала упрашивать меня дальше, и мы продолжали разговоръ отчасти о пережитомъ мною за послѣднее время, отчасти о томъ, что ждетъ меня.

Я радъ былъ сознавать во время нашего разговора, что мы сходимся на той точкѣ, гдѣ всѣ люди должны сходиться, гдѣ кончаются недоразумѣнія и догадки: на точкѣ любви всемірной — Божьей.

Когда мы прощались и сестра при этомъ, плача, кинулась мнѣ на шею, я замѣтилъ, какъ присутствующія при этомъ дамы, спутницы наши и прежде уже съ любопытствомъ слѣдившія за нами, усмѣхаясь между собой, стали шушукаться про насъ, подозрѣвая навѣрное романъ.

Совсѣмъ иного характера была встрѣча съ мо-

*) Уменьшительное моего имени.

имъ младшимъ братомъ на станціи М., гдѣ поѣздъ стоялъ десять минутъ. Онъ всегда отрицательно относился къ моимъ взглядамъ и выводамъ, которые я изъ нихъ дѣлалъ, считая все это заблужденіемъ и мистицизмомъ, тѣмъ болѣе, что такое мнѣніе въ немъ поддерживали всѣ тѣ люди, которыхъ онъ считалъ умными и компетентными судьями въ вопросахъ долга и задачи жизни. Отказъ мой представлялся ему, какъ и долженъ представляться всѣмъ людямъ, полагающимъ жизнь въ достиженіи матерьяльныхъ благъ, — до крайности доведенной утопіей, которая его, по своему все таки любившаго меня, не могла оставить равнодушнымъ.

Сначала онъ удерживалъ свое волненіе, которое отражалось на блѣдномъ его лицѣ, безпокойныхъ глазахъ и въ странной интонаціи голоса. Но онъ не могъ долго выдержать напряженнаго состоянія и чувство его вылилось въ цѣломъ потокѣ упрековъ противъ меня.

— Какъ можешь ты заниматься такими пустяками, никому не нужными, тогда какъ народъ словенскій гибнетъ отъ притѣсненія и невѣжества? началъ онъ съ горечью. — Всѣ наши (подъ нашими онъ подразумѣвалъ словенскихъ патріотовъ) удивляются и единогласно осуждаютъ тебя! Такая важная задача ждетъ насъ всѣхъ, а ты увлекаешься толстовщиной!

— Я не желаю и не думаю, чтобы могъ поучать народъ, — сказалъ я ему. — Вотъ *вы* — другое дѣло! *Вы* способны на это! Строите народныя пивоварни и поглощаете народное пиво въ честь и славу народа! отвѣтилъ я раздраженно, не безъ умышленной насмѣшки.

Мои слова подлили масла въ огонь, и братъ мой, ужь не щадя меня, сказалъ все, чѣмъ думалъ уязвить меня.

— Ну, еще бы, очень удобно поступать такъ, какъ ты поступаешь! Кончилъ университетъ, стоило это пропасть денегъ, при чемъ мать состарилась и изъ силъ выбилась, а теперь тебѣ до нея дѣла нѣтъ! ибо тебѣ угодно поступать такъ, какъ тебѣ хочется! Но мало этого. Надѣлалъ долговъ, будучи студентомъ, а теперь и не думаешь чѣмъ будешь платить. Пусть платятъ по векселямъ тѣ, кто подписался на нихъ. Очень удобно избавиться отъ всего этого, хотя-бы тюрьмой!

Но тутъ должно быть и братъ спохватился, что сказалъ слишкомъ много и, видя, что я пріунылъ и не отвѣчаю ему, онъ тоже замолчалъ. Для того, чтобы менѣе выступало мое тяжелое настроеніе, я заговорилъ со стоявшими возлѣ насъ госпожей С. и сестрой и былъ радъ, когда, наконецъ, загремѣлъ звонокъ къ отъѣзду.

Сначала немного разстроенный, я, однако, скоро успокоился при мысли, что не всегда жизнь дается намъ такъ дешево, какъ намъ этого хочется. За то, думалъ я, бываютъ и нежданныя минуты счастья, когда приходитъ къ намъ тепло и свѣтъ, откуда мы его совсѣмъ и не ожидали.

Мой спутникъ—докторъ, который видимо радовался, что ему выпала счастливая доля проѣхаться и побывать въ Вѣнѣ на казенный счетъ, не особенно обращалъ на меня вниманіе и давалъ мнѣ полную свободу во время дороги. Я выходилъ безъ спроса на станціяхъ, передавалъ и получалъ письма на его глазахъ, но тѣмъ не менѣе, я не былъ вполнѣ увѣренъ, не будетъ-ли онъ препятствовать моему другу Д. П. присоединиться ко мнѣ и поѣхать съ нами. Я подозрѣвалъ, что не дано-ли ему порученія не допускать сближенія между нами, такъ какъ свиданія съ Д. П., именно съ нимъ, намъ не было разрѣшено, когда онъ пріѣзжалъ въ Кашау,

чтобъ повидать меня. Я намѣревался было спросить объ этомъ доктора, такъ какъ мнѣ не хотѣлось лишать себя этого свиданія, но рѣшилъ, что лучше дѣйствовать не спрашивая.

Какъ я ждалъ, такъ и сбылось. На станціи, гдѣ мы пересѣли на курьерскій, къ намъ въ отдѣленіе вошелъ мой другъ Д. П. Сейчасъ, при первомъ взглядѣ на него, при первой обмѣненной фразѣ между нами, я почувствовалъ въ себѣ приливъ чего-то дорогого и роднаго. Но не близкая дружба и не горячее сочувствіе ко мнѣ обрадовали меня, но просіялъ я отъ того, что живо почувствовалъ, что мы стремимся къ одному и тому же, любимъ одно и то-же — Истину.

Мы сидѣли близко одинъ противъ другого, и я съ жаромъ разсказывалъ всему другу о томъ, какъ пересилила меня сила Высшая, и я не могъ вслѣдствіе того дальше оставаться въ прежнемъ положеніи. Затѣмъ я отвѣчалъ ему на разные вопросы, которые онъ мнѣ ставилъ. Потомъ мы оба замолкли. Я смотрѣлъ въ окно. Поѣздъ летѣлъ съ нами такъ шибко, что казалось онъ убѣгаетъ отъ грозящей ему сзади бѣды и торопится доѣхать скорѣе до мѣста спасенія. Нѣчто подобное и я чувствовалъ, въ своей душѣ. Ее тоже быстрымъ полетомъ несло куда-то въ безопасное мѣсто, при чемъ ей было и жутко и хорошо, и я чувствовалъ, что мы тоже убѣгали отъ гнавшагося за нами чудовища—мірской гибели.

— Помни, мой дорогой, — прервалъ молчаніе Д. П., — что только зерно, упавшее въ землю, приноситъ плодъ!

— Знаю! сказалъ я.

Дальше мы уже не говорили на эту тему, чувствуя что договорили все, что было на душѣ.

Послѣ этого мой другъ сталъ мнѣ разсказывать,

какое впечатлѣніе производитъ мой отказъ на разныхъ людей, какъ осудительно многіе отзываются обо мнѣ.

Развязавъ свой чемоданъ, онъ выбралъ оттуда цѣлый пакетъ писемъ отъ разныхъ знакомыхъ съ разныхъ сторонъ. Между ними были письма отъ друзей изъ Россіи, — сочувственныя, теплыя. Наконецъ онъ показалъ карточки, привезенныя имъ изъ Россіи, откуда онъ вернулся мѣсяцевъ пять тому назадъ.

Между ними была и карточка Льва Николаевича. Разсматривая его лицо, я думалъ о томъ гигантскомъ трудѣ, о тѣхъ усиліяхъ этого человѣка вразумить заблудившееся человѣчество, указывая ему его заблужденія и тотъ путь, на которомъ находится спасеніе и благо, и во мнѣ вдругъ поднялось въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ накопленное чувство любви и благодарности къ нему. Я почувствовалъ то тѣсное, несомнѣнное, прочное единеніе душъ между нами, которое получается только черезъ Бога, и я заплакалъ почти навзрыдъ отъ нахлынувшихъ на меня волненія и умиленія. Меня радовало сознаніе, что я отплачиваю этому человѣку тѣмъ же, чѣмъ онъ помогалъ мнѣ въ жизни, т. е. *духомъ*.

Какъ ошибаются тѣ люди, которые предполагаютъ, что я или кто либо другой изъ тѣхъ, кто раздѣляетъ мысли Толстого, что мы поступаемъ такъ подъ вліяніемъ его личности, его умственнаго превосходства надъ нами! Есть, конечно, и такіе люди, но я думаю, что эти послѣдніе никогда не понимали того, чѣмъ живетъ самъ Толстой и на что онъ указываетъ людямъ. Понять и оцѣнить его дѣятельность можно только черезъ Бога, такъ какъ онъ самъ Богомъ былъ приведенъ къ тѣмъ взглядамъ, которые теперь исповѣдуетъ. Толстой — самъ отъ себя — не придумалъ ничего, ибо въ дѣлѣ Божіемъ человѣкъ во-

обще ничего придумать не можетъ. Онъ только разоблачаетъ передъ нами ложь, которой люди, какъ грязью, покрыли первоначальную чистоту Божескаго ученія Христа. Изъ насъ никто не думаетъ, будто дѣло Божіе пошло отъ Толстого. Дѣло Божіе вѣчно, и оно всегда жило въ людяхъ независимо отъ Толстого и какого бы то ни было человѣка, ибо люди сотворены съ зародышемъ его и съ условіями для роста его. Дѣло Божіе потому и есть Божіе, что оно началось Богомъ, растится Богомъ и кончится Богомъ. Толстой показалъ намъ только то, что мы ушли въ сторону отъ источника жизни по близорукости нашей, пренебрегая этимъ источникомъ, и что намъ нельзя такъ жить, — что тамъ погибель, куда стремглавъ летитъ нашъ культурный міръ. Толстой показываетъ намъ на тѣ поддерживаемыя нами заблужденія, которыя, подобно червю, подтачивающему нѣжные корни растенія, не даютъ свободнаго роста жизни нашей. О томъ же, что нельзя жить истинной жизнью, устраивая свою жизнь по указанію другихъ людей, но — лишь слѣдуя указаніямъ Бога, Толстой вездѣ съ большою силою выражается въ своихъ сочиненіяхъ.

Въ разговорѣ съ моимъ другомъ мы перешли подъ конецъ на мою мать, при чемъ я просилъ его не забывать про нее, въ случаѣ если она будетъ нуждаться въ чемъ — помогать ей, поддерживать ее нравственно своей любовью. Я зналъ, что другъ мой съумѣетъ чувствовать ее душой. Потомъ, вспомнивъ разговоръ съ братомъ, я просилъ его постараться какъ нибудь заплатить мои студенческіе долги. Въ этомъ состоялъ какъ бы мой завѣтъ, и я былъ очень радъ, когда послѣ этого почувствовалъ облегченіе на своей совѣсти. Подъѣзжая къ станціи, гдѣ мой другъ рѣшилъ проститься со мной и

поѣхать обратно къ себѣ, онъ еще разъ обернулся ко мнѣ съ вопросомъ.

— Что, тебѣ самому ничего не нужно? и конфузясь самъ, какъ всѣ чуткіе и деликатные душой люди конфузятся при подобныхъ манипуляціяхъ, онъ сунулъ мнѣ въ карманъ денегъ.

Немного погодя онъ спросилъ еще: „не желаешь ли чтобъ о твоемъ случаѣ было напечатано въ газетахъ? Меня многіе спрашиваютъ объ этомъ.“

— Пока — не нужно этого. Въ случаѣ если меня продержутъ долго въ сумасшедшимъ домѣ и провозгласятъ сумасшедшимъ, въ такомъ случаѣ напечатай обо мнѣ, — сказалъ я, когда мы уже подъѣзжали къ послѣдней станціи.

Я почему-то думалъ тогда, что правительство способно такъ поступить со мной — затворить меня съ сумасшедшими и невыпустить оттуда; такое наказаніе мнѣ казалось самымъ страшнымъ, какое только можетъ постигнуть меня.

Прощаясь съ Д. П., мы не чувствовали ни малѣйшаго страданія разлуки, и наоборотъ испытывали удовлетвореніе, что мы сошлись, соединились еще плотнѣе, что духовно укрѣпили другъ друга.

Уставши отъ ѣзды, но больше еще отъ сильныхъ впечатлѣній дня, я прилегъ на диванъ, располагая заснуть. Но мнѣ это неудалось. Мысли роемъ бродили у меня въ головѣ, и я не могъ остановить ихъ. Съ пассажирами или съ моимъ докторомъ мнѣ не хотѣлось разговаривать; я всталъ и вышелъ въ корридоръ. Поѣздъ, казалось, летѣлъ еще шибче и телеграфные столбы, и кусты, и земля подъ нами, все улетало такъ, что разглядѣть не успѣвалъ. Поѣздъ шумѣлъ, стучалъ, барабанилъ въ тактъ, покачивая насъ. Я замѣчалъ все внѣшнее, на все обращалъ вниманіе, смотрѣлъ въ даль на горы и небо, на деревни и людей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, внутри ме-

ня продолжалось все то-же настроеніе и мысли текли по прежнему. Солнце опускалось уже, а я стоялъ все на одномъ и томъ же мѣстѣ, опершись головой объ раму окна. Мы остановились на маленькой курортной станціи. На платформѣ никого не было. Только въ дверяхъ станціи стояли тѣсно одна возлѣ другой, двѣ молоденькія, красивыя, изящно одѣтыя барышни, вѣроятно раннія гостьи на водахъ. Обѣ онѣ остановили свой взглядъ на мнѣ, кокетливо усмѣхаясь и шепча другъ дружкѣ что-то очевидно про меня. Мой интересъ и мое вниманіе невольно перешли всецѣло съ прежней серьезной области на эти двѣ милыя кудрявыя головки, и хотя я испытывалъ нѣкотораго рода неловкость передъ ихъ смѣлыми взглядами, — я не могъ оторваться отъ нихъ. Раздался свистокъ, поѣздъ медленно тронулся, и кудрявыя головки еще живѣе и смѣлѣе, пользуясь послѣднимъ моментомъ, продолжали любезничать мнѣ вслѣдъ, очевидно увлеченныя запрещенной для дѣвицъ ролью. Заразившись шаловливостью молодыхъ особъ, я поднялъ свою руку къ губамъ.... Поѣздъ уже быстро двигался въ то время, но я ясно видѣлъ, въ какой восторгъ онѣ пришли отъ моего жеста и затѣмъ — исчезли у меня изъ виду.

— Какая странная моя жизнь! И какъ странно устроенъ человѣкъ вообще! подумалъ я. Какъ смѣняются разнообразныя картины на фонѣ души нашей! Душанъ П. навѣрное теперь и не подозрѣваетъ того, что я сегодня же посылалъ воздушный поцѣлуй какимъ-то незнакомымъ барышнямъ!

VIII.

СРЕДИ УМАЛИШЕННЫХЪ.

Было 10 часовъ вечера, когда мы пріѣхали въ Вѣну. Со станціи мы поѣхали прямо въ военный госпиталь. Насъ направили къ дежурному доктору, который оказался знакомымъ моего проводника и потому встрѣтилъ его по товарищески. Я назвалъ свое имя, и дежурный, видя на мнѣ мундиръ врача и, вслѣдствіе того, не подозрѣвая во мнѣ паціента, гостепріимно усадилъ насъ. Пошелъ разговоръ, касающійся главнымъ образомъ службы. Разбиралась разница между службой въ Кашау и въ Вѣнѣ. Пришли еще два дежурные доктора изъ другихъ отдѣленій. Комната оживилась. Пили пиво, курили, разсказывали. Я не принималъ участія въ общей бесѣдѣ, но сидѣлъ рядомъ съ другими на диванѣ. Вдругъ дежурный докторъ шестого отдѣленія, видно впередъ увѣдомленный о пріѣздѣ паціента изъ Кашау, спросилъ моего проводника: „гдѣ же твой больной? Пора бы намъ пойти, помѣстить его!“

Проводникъ мой показалъ на меня, добавивъ: „я тебѣ скажу, въ чемъ тутъ дѣло, когда будемъ одни“, вѣроятно предполагая, что мнѣ непріятно будетъ слышать, что они будутъ говорить про меня передъ посторонними.

Интересно было видѣть, какъ при этихъ словахъ перемѣнились лица всѣхъ присутствовавшихъ. Они

встали и недоумѣвающе посмотрѣли на меня. Какъ же? Сидишь бокъ о бокъ съ человѣкомъ на одномъ диванѣ, и вдругъ узнаешь, что человѣкъ этотъ сумасшедшій! Не чувствуя ни нужды, ни охоты давать объясненія, я, молча, всталъ и, не желая конфузить ихъ еще больше рукопожатіемъ, слегка поклонился всѣмъ и вышелъ вмѣстѣ съ двумя докторами.

Длинными, плохо освѣщенными корридорами привелъ насъ дежурный врачъ къ запертой двери, передъ которой мы остановились. Докторъ придавилъ пуговку электрическаго звонка, и намъ вскорѣ отперъ санитарный служитель. Знакомый мнѣ специфическій запахъ, присущій помѣщеніямъ, въ которыхъ постоянно живутъ сумасшедшіе, ударилъ мнѣ въ носъ. Яркое освѣщеніе, дикіе звуки, особенное устройство дверей, печей и оконъ, которыя выходили въ корридоръ, все это бросалось въ глаза и свидѣтельствовало о томъ, что тутъ, между этими стѣнами, царитъ совсѣмъ особый міръ.

— Есть у васъ свободная офицерская комната? спросилъ врачъ встрѣчнаго солдата, который отвѣтилъ утвердительно, и мы пошли вслѣдъ за нимъ. Вездѣ сквозь стеклянныя двери видны были спавшіе или бодрствовавшіе еще больные въ разныхъ позахъ.

Когда мы вошли въ назначенную мнѣ комнату, присутствовавшій фельдфебель сталъ меня обыскивать и отнялъ у меня деньги, карманный ножъ и т.п. Меня оскорбляла эта процедура, и дежурный врачъ — потому ли что замѣтилъ выраженіе моего лица, или потому, что самъ чувствовалъ неловкость своего положенія, — извинился передо мной.

— Это ужъ у насъ общее правило, которому подлежитъ всякій обитатель отдѣленія, — сказалъ онъ.

Когда онъ уже собирался уходить, я попросилъ

у него позволенія послать солдата за ужиномъ, такъ какъ чувствовалъ голодъ. Распорядившись объ этомъ, докторъ ушелъ.

Я остался съ санитарнымъ служителемъ, дежурнымъ въ ту ночь. Мнѣ не хотѣлось, чтобъ онъ считалъ меня также помѣшаннымъ, и потому я заговорилъ съ нимъ. Узнавъ, что я землякъ, онъ обрадовался, и бесѣда стала между нами сейчасъ же свободнѣе, проще. Я сталъ его разспрашивать о жизни и порядкахъ въ этомъ отдѣленіи, и, чувствуя инстинктивную потребность сближенія, предложилъ ему, когда мнѣ былъ принесенъ ужинъ, поѣсть вмѣстѣ со мною. Мы сидѣли въ корридорѣ, такъ какъ этого требовала отъ него служба. Все время доходили до насъ дрожащіе страдальческіе возгласы изъ сосѣдней камеры на право. Я не могъ дольше удержаться, чтобы не посмотрѣть на моихъ сосѣдей. Окна въ дверяхъ камеръ, выходящія въ корридоръ, были большія, и сквозь нихъ видно было всю освѣщенную комнату. Я подошелъ къ двери направо и ужаснулся картинѣ, которую увидѣлъ. На кровати сидѣлъ человѣкъ, связанный въ горячечной рубахѣ, махающій связанными руками и качающійся всѣмъ своимъ туловищемъ. Онъ былъ страшно худой, очевидно высокій, съ чрезвычайно длинными лицомъ и носомъ; его черная растрепанная борода была подвязана бѣлымъ платкомъ къ ушамъ. Высохшія губы его не могли сойтись надъ его длинными, желтыми зубами. Голосомъ, который больно западалъ мнѣ въ душу, онъ не переставая повторялъ отдѣльныя слова:

— Богъ... Богъ... Государь... Прошу... прошу... умоляю,.. Ваше Величество...

Онъ напоминалъ мнѣ страшную фигуру умирающаго Донъ-Кихота. Я не могъ долго смотрѣть на эти жалкіе остатки человѣка и отвернулся. Сани-

тарный служитель разсказалъ мнѣ про него, что онъ капитанъ артиллеріи и что его недавно привезла сюда въ отдѣленіе его жена.

— Молодая жена, красавица. Когда она приводила его, то смѣялась и кокетничала. Съ тѣхъ поръ она сюда больше къ нему не показывалась, хотя и живетъ въ Вѣнѣ. Онъ самъ не былъ такой, когда его привезли къ намъ, а былъ еще силенъ. Они всѣ у насъ очень быстро погибаютъ, какъ только ихъ затворятъ въ отдѣльную камеру и перестанутъ выпускать на воздухъ. Для человѣка это все равно, что въ могилу попасть! говорилъ мнѣ солдатъ.

Я подошелъ къ другой двери, сосѣда на лѣво. Сѣдой толстякъ, пятидесяти, приблизительно, лѣтъ лежалъ въ кровати съ закрытыми глазами. Но, какъ только я посмотрѣлъ на него, онъ, будто бы видя сквозь вѣки, — открылъ глаза, посмотрѣлъ пристально на меня, сбросилъ съ себя одѣяло и, весь бѣлый въ нижнемъ бѣльѣ, энергично зашагалъ къ двери. Больной и въ самомъ дѣлѣ открылъ дверь и вышелъ къ намъ въ корридоръ. Въ эту минуту я испыталъ такой испугъ, что слышалъ, какъ сердце громко колотилось во мнѣ. Но солдатъ очень хладнокровно схватилъ больного за шиворотъ и ловко швырнулъ его обратно въ камеру.

— Если вы не будете спокойно лежать, я свяжу васъ, какъ и вчера! Забыли развѣ? крикнулъ онъ ему вслѣдъ.

— Съ нимъ иначе не поладишь, — объяснялъ мнѣ потомъ служитель свой поступокъ. — Онъ иногда кричитъ, ругается, дерется, если бы онъ видѣлъ, что мы боимся его, намъ нельзя было бы здѣсь существовать.

Когда я послѣ нѣкотораго времени предложилъ служителю снова посмотрѣть, что дѣлаетъ больной, то мы увидѣли его лежащимъ въ задумчивости, опи-

раясь головой на руку. Замѣтивъ насъ, онъ презрительно отвелъ отъ насъ свой взглядъ.

— Уже полночь, пора и вамъ тоже ложиться, — сказалъ мнѣ служитель. Въ скоромъ времени меня замѣнитъ другой дежурный.

Хотя мнѣ и не хотѣлось спать, я, однако, пошелъ въ свою камеру и легъ. Спать я не могъ. Свѣтъ газового рожка падалъ на меня. Пламя его тряслось, и газъ, выходящій изъ рожка, остро шипѣлъ. Камера была узкая и высокая, дѣйствительно напоминавшая могилу. Темносѣрыя, покрытыя лакомъ, пустыя стѣны увеличивали и безъ того мрачный характеръ обстановки. Сосѣдъ продолжалъ выкрикивать загробнымъ голосомъ: „Величество... милость... я всегда справедливый... вѣрный...“ то сильно возвышая свой голосъ, то понижая его до шепота.

Когда я, наконецъ, уснулъ, меня то и дѣло будили отчаянные, раздававшіеся за стѣной крики, и мнѣ представлялась фигура худая, съ впалыми мутными глазами, съ перевязанной бѣлымъ платкомъ головой, махающая руками и въ тактъ качающаяся.

На слѣдующее утро, (за отсутствіемъ начальника отдѣленія, старшаго врача-психіатра) пришелъ ко мнѣ полковой врачъ, сопровождаемый цѣлой свитой врачей-ассистентовъ. Онъ видно зналъ уже обо мнѣ изъ доклада моего Кашаускаго проводника, а можетъ быть успѣлъ уже прочесть присланную копію протокола. Я замѣтилъ это по тону его обращенія ко мнѣ. Когда же онъ спросилъ меня, какъ я спалъ эту ночь, и я отвѣтилъ ему, что изъ за шумнаго сосѣда — очень плохо, онъ сейчасъ распорядился о моемъ перемѣщеніи въ другую комнату, въ другой корридоръ, такъ называемый „тихій“ и ободрялъ меня обѣщаніями постараться, чтобъ я по

возможности ни въ чемъ не нуждался, и просилъ меня всякое мое желаніе сообщать ему.

Комната, которую онъ мнѣ назначилъ, была не похожа на первую. Въ ней, кромѣ дверей съ форточкой, устройства печи и освѣщенія, ничто другое не свидѣтельствовало объ ея назначеніи. Комната эта имѣла даже уютный видъ. Въ ней была новая, мягкая мебель, гладкій полъ, довольно большое зеркало, а главное, было очень чисто. Въ скоромъ времени я устроился тамъ, какъ у себя дома.

Однако въ продолженіе нѣсколькихъ дней мнѣ жилось тамъ очень трудно. Я пріунылъ духомъ,— какъ это вообще періодически бываетъ со мной, часто даже независимо отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Я потерялъ твердость вѣры въ духовную жизнь. Жизнь показалась мнѣ безцвѣтной, чѣмъ-то такимъ, что никакъ не можетъ удовлетворить человѣка,—чѣмъ-то грустнымъ и сѣрымъ, вслѣдствіе чего остается только одно: прозябать какъ нибудь. Я зналъ эти трудные дни, испытывалъ ихъ не въ первый разъ, зналъ, что они проходятъ, и что послѣ нихъ человѣкъ снова, какъ бы очищенный, возвращается къ Богу, но тѣмъ не менѣе не могъ успокоить себя, не могъ остановить свое уныніе. День еще проходилъ кое-какъ. Хоть съ тоской на душѣ, все таки то побесѣдуешь съ кѣмъ нибудь, то походишь по саду, то понишешь письма; но всего труднѣе бывало вечеромъ и ночью. Тутъ къ моему разстройству присоединялся еще какой-то непонятный, мучительный страхъ. Зашумитъ ли что нибудь, закричитъ ли больной въ сосѣднемъ съ нашимъ корридорѣ, пройдетъ ли кто нибудь возлѣ моихъ дверей и заглянетъ ко мнѣ, отъ всего этого я всякій разъ вздрагивалъ. Чей бы голосъ ни услышалъ я ночью, мнѣ всегда казалось, что говоритъ сумасшедшій, и мнѣ представлялись его безумныя видѣнія, и я испыты-

валъ его мучительное томленіе. Мнѣ стала понятна больная фантазія сумасшедшихъ и ихъ отрывочныя мысли, которыя приходятъ и уходятъ, и которыхъ уловить не можешь. — „Что это со мной?“ спрашивалъ я себя. „Неужели это первые признаки того, что я тоже схожу съ ума?“ И такая перспектива представлялась мнѣ крайне печальной. Значитъ уничтожится и вся моя духовная жизнь,—уйдетъ отъ меня? И я останусь такимъ же жалкимъ, съ мрачнымъ полусознаніемъ существомъ, какъ многіе изъ окружающихъ меня! И Бога не будетъ у меня, и ничего не будетъ! Что мнѣ до всего міра, если *все* уничтожится? И тоска, тоска овладѣвала мною — непроглядная, черная... Одно поддерживало меня въ эти трудныя минуты духовнаго паденія, это — никогда не покидавшее меня сознаніе, что все же надо терпѣть все, что бы ни пришло.

Одну ночь я былъ такъ истомленъ этимъ ужаснымъ чувствомъ страха, такъ напрягалъ всѣ свои силы на то, чтобы побороть его, что наконецъ впалъ въ изнеможеніе. Сердце мое колотилось, зубы стучали, по всему тѣлу пробѣгала дрожь. Ознобъ дѣлался все сильнѣе и сильнѣе. Меня начало трясти такъ сильно, что даже кровать подо мной тряслась и скрипѣла. Я подумалъ, что это начало какой нибудь болѣзни. Отъ этой мысли на душѣ у меня стало легче и я заснулъ. Утромъ я, чувствуя себя разслабленнымъ, не вставалъ съ постели, и когда разсказалъ доктору, что ночью меня лихорадило, онъ помѣрилъ мнѣ температуру, но никакого жару у меня не оказалось. Я всталъ, но весь день чувствовалъ себя такъ, какъ чувствуютъ себя люди, вообще, послѣ всякой тяжелой душевной катастрофы, которая миновала благополучно: присмиреннымъ, выздоравливающимъ, ожидающимъ чего то новаго... Силы мои стали возвра-

щаться, вернулась и потерянная увѣренность въ смыслѣ жизни...

Какъ разъ кстати въ то время одинъ изъ Вѣнскихъ друзей принесъ мнѣ появившійся тогда въ печати разсказъ: „Хозяинъ и работникъ". Когда я прочелъ его, процессъ умиранія во мнѣ прекратился окончательно. Остановившаяся струя жизни снова потекла во мнѣ прежнимъ потокомъ. Меня пристыдилъ работникъ Никита своей самоотверженной жизнью своей тихой смертью, и я покаялся въ своемъ малодушіи. Мой болѣзненный страхъ исчезъ, и прежняя бодрость и равновѣсіе снова вернулись ко мнѣ.

Въ новыхъ обстоятельствахъ съ новыми людьми стала складываться новая форма жизни.

Разъ утромъ открылась дверь, и унтеръ-офицеръ съ выраженіемъ подобострастнаго страха на лицѣ, впустилъ ко мнѣ какого-то блѣднаго, совершенно сѣдого, высокаго старика, оказавшагося главнымъ докторомъ, начальникомъ военнаго госпиталя. Безкровное съ холоднымъ выраженіемъ лицо и деревянная походка вошедшаго мнѣ показались предвѣстіемъ непріятной встрѣчи. Я, молча, всталъ съ моего мѣста. Старикъ, держась лѣвой рукой за шпагу, строго смѣрилъ меня глазами, какъ это дѣлаютъ высшіе военные чины, осматривая солдатъ во фронтѣ.

— Что же вы стоите такъ безмолвно? началъ старикъ равномѣрнымъ голосомъ. — Вы развѣ не военный? Развѣ не знаете, что вамъ надо передо мной отрапортоваться по военному? Начинайте-же!

Я былъ ошеломленъ такимъ неожиданнымъ поведеніемъ военнаго доктора, тѣмъ болѣе, что вообще не принято отъ военнаго, разъ онъ содержится въ качествѣ больного, требовать военнаго рапорта. Изъ

за такого повидимому умышленно-придуманнаго требованія, во мнѣ поднялось чувство возмущенія противъ этого старика.

Я упорно молчалъ, страдая отъ волненія.

— Отрапортуйтесь-же! Не умѣете развѣ? повелительно сказалъ мнѣ старикъ.

Мнѣ захотѣлось положить конецъ этой мучительной сценѣ, и я повиновался, отрапортовавъ свое имя и военный чинъ, заикаясь и неясно выговаривая слова, какъ рапортуютъ въ первый разъ рекрута. Я повиновался, сознавая, что не слѣдуетъ давать ходъ этому чувству возмущенія и злобы, которыя поднялись во мнѣ, — повиновался, чтобъ избѣжать еще болѣе волнительную и мучительную сцену.

Послѣ этого онъ мнѣ началъ задавать вопросы, касающіеся моей предыдущей службы, изъ чего можно было видѣть, что онъ имѣетъ свѣдѣнія о моемъ отказѣ. Эта встрѣча съ начальникомъ госпиталя была у меня единственнымъ непріятнымъ столкновеніемъ съ начальствомъ въ Вѣнѣ.

Вѣнскіе врачи-спеціалисты, по взглядамъ болѣе свободные и по медицинской части болѣе свѣдущіе люди, сейчасъ на первыхъ же дняхъ, послѣ разговора со мной, убѣдились въ неосновательности кашаускаго діагноза и въ полной моей вмѣняемости. Однако, начальникъ отдѣленія Янхенъ, вѣроятно для того, чтобы дать научное объясненіе моему отказу и изложить его письменно, а отчасти, можетъ быть, будучи самъ заинтересованъ имъ, приходилъ ко мнѣ нѣсколько разъ разспрашивать меня о томъ, какъ я пришелъ къ необходимости отказаться отъ военной службы, каковы мои взгляды на жизнь, государство, общество и т. п. Приходившій всякій разъ съ нимъ стенографъ записывалъ всѣ его вопросы и всѣ мои отвѣты. Допросы эти длились всегда не менѣе часа и бывали не всегда одинако-

ваго характера, какъ по тону, такъ и по содержанію. Иногда задаваемые мнѣ вопросы были просты и существенны, и тогда я на нихъ отвѣчалъ — какъ чувствовалъ, — ясно и опредѣленно, при чемъ всегда было замѣтно намѣреніе психіатра подмѣтить: нѣтъ ли пробѣла въ логичности моихъ разсужденій, имѣлъ ли мой отказъ разумное основаніе, истекалъ ли онъ неизбѣжно изъ моего міровоззрѣнія, или же былъ только проявленіемъ патетическаго временнаго настроенія. Но такъ какъ онъ самъ не соглашался съ исповѣдуемыми мною взглядами и, кромѣ того, былъ человѣкъ раздражительный и нервный, то часто задавалъ мнѣ вопросы мелочные, не безъ софизмовъ, или возражалъ мнѣ раздраженно. И на такіе вопросы я отвѣчалъ ему неохотно и неумѣло. Составленный по этимъ разговорамъ журналъ наблюденія, (который гораздо интереснѣе и подробнѣе кашаускаго) — я не могъ раздобыть. Знаю только приблизительно общее мнѣніе Янхена, высказанное въ немъ, и по передачѣ другихъ, а также по его собственнымъ словамъ.

Оно состояло приблизительно въ слѣдующемъ; Янхенъ считалъ меня человѣкомъ серьезно настроеннымъ и сочувствовалъ мнѣ въ этомъ отношеніи. Онъ тоже признавалъ необходимость соціальной реформы, отрицая настоящій порядокъ; однако, меня онъ считалъ непрактичнымъ утрирующимъ идеалистомъ именно за то, что я отказался быть участникомъ учрежденія, организованнаго съ цѣлью массового убоя и грабежа. Онъ считалъ меня, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ искренно, — человѣкомъ для государства безвреднымъ, объясняя мои убѣжденія лишь реакціей въ противуположную сторону слишкомъ матеріалистическаго жизнепониманія нашего вѣка, и потому явленіемъ единичнымъ, которое не можетъ найти себѣ много послѣдователей, и исчез-

нетъ, какъ только улучшится теперешняя форма правленія. Онъ старался доказать мнѣ, что я заблуждаюсь, что страдаю ненужно и напрасно, руководясь при этомъ, какъ и всѣ ему подобные люди, личными соображеніями, которыхъ я при моемъ жизнепониманіи не могъ признавать. Какъ многіе другіе люди, и раньше и послѣ того, Янхенъ также старался увѣрить меня въ томъ, въ чемъ никого уже увѣрить нельзя, — что государство построено на нравственномъ основаніи, на благѣ общемъ, что въ основѣ государства лежитъ желаніе приносить пользу и добро людямъ,—не видя того или закрывая глаза на то, что государственная власть, хотя бы въ моемъ случаѣ, преслѣдуя меня, явно демонстрируетъ противоположное, т. е. что въ основѣ ея лежитъ не забота о благѣ людей, а просто самое грубое и дерзкое насиліе надъ ними.

Вѣдь если бы человѣкъ ничего не зналъ про государство и вѣрилъ бы на слово, что государство построено на идеѣ общаго блага, какъ это утверждаютъ люди, и вдругъ это самое государство стало бы преслѣдовать такого человѣка единственно за то, что онъ не желаетъ повиноваться ему, тогда и этого было бы вполнѣ достаточно, чтобы несомнѣнно убѣдить его, что государство при такихъ условіяхъ не можетъ быть представителемъ доброй власти надъ людьми. Вѣдь такое утвержденіе государственныхъ людей точь въ точь похоже на утвержденія средневѣковыхъ инквизиторовъ, которые доказывали еретикамъ посредствомъ раскаленнаго желѣза, выворачиваніемъ членовъ и кострами, что церковь католическая — единственная истинная святая и Богу угодная церковь — заботится о спасеніи душъ своихъ членовъ. И въ самомъ дѣлѣ нѣчто подобное совершается и въ наши дни. Правительство хочетъ доказать людямъ свой

нравственный базисъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ оно ихъ на всякомъ шагу грабитъ, всячески притѣсняетъ, сажаетъ въ тюрьмы даже тѣхъ, кто, слѣдуя высшимъ нравственнымъ идеаламъ, указаніямъ несомнѣннаго голоса добра въ человѣкѣ, отказываются повиноваться властямъ, въ самыхъ безчеловѣчныхъ ихъ требованіяхъ: въ убійствѣ или содѣйствіи ему. Страшно подумать о такомъ заблужденіи людей! А вѣдь нельзя же намъ оставаться въ заблужденіи, какъ дикари; нѣтъ — хуже всякихъ дикарей! Дикарь и тотъ, когда почувствуетъ въ человѣкѣ движеніе добра, то пощадитъ его. А у насъ, люди самые мирные, самые кроткіе и всѣми признаваемые за таковыхъ, Назарены, сидятъ десятки лѣтъ въ тюрьмахъ, умираютъ тамъ только потому, что не хотятъ повиноваться жестокимъ, неразумнымъ требованіямъ современнаго государства, о которомъ мы въ глубинѣ души всѣ знаемъ, что оно есть ложь и humbug!

Шестое отдѣленіе больницы, хотя и носило названіе „психіатрическаго“, и туда дѣйствительно попадали люди преимущественно больные умомъ и душою, но тѣмъ не менѣе — было сборищемъ самыхъ разнообразныхъ, не нуждающихся въ медицинской помощи людей. Были тамъ симулянты т. е. притворяющіеся ненормальными съ цѣлью избѣжать военной службы или наказанія за какое нибудь преступленіе; были разные преступники, которые раньше чѣмъ быть судимыми посылались туда начальствомъ для опредѣленія ихъ душевнаго состоянія; были люди покушавшіеся неудачно на самоубійство и т. д. И всѣ они принадлежали къ самымъ разнообразнымъ слоямъ общества, состояли въ разныхъ чинахъ, начиная отъ штабныхъ офицеровъ до простыхъ солдатъ, и между всѣми ними господство-

валъ одинъ общій тонъ, тѣмъ болѣе, что отдѣленіе было постоянно заперто, и они были изолированы отъ прочаго міра. Между такимъ разнообразнымъ народомъ, съ одной стороны, и дѣйствительными психопатами, съ другой — разыгрывались постоянно самыя трагическія и самыя комическія сцены. Бывало, подходитъ паралитикъ-полковникъ рапортовать о чемъ то простому солдату, называя его при этомъ „императорскимъ величествомъ". „Императорское же величество" въ свою очередь заставляетъ полковника подпрыгивать, дѣлаетъ ему выговоръ, что полкъ его не въ порядкѣ и т. п.

Многіе офицеры, запертые и заброшенные хуже собакъ, одинокіе, не въ силахъ будучи жаловаться, предоставленные на произволъ своимъ служителямъ, доживали въ шестомъ отдѣленіи, — какъ сотни и тысячи другихъ въ подобныхъ же мѣстахъ доживаютъ, — крайне печальный финалъ блестящей карьеры и шумной жизни.

Между прочимъ, я познакомился въ отдѣленіи съ однимъ давнимъ уже обитателемъ его, человѣкомъ по натурѣ своей очень безпокойнымъ, раздражительнымъ, презирающимъ міръ и людей. Звали его Брадавка. Онъ сидѣлъ уже нѣсколько лѣтъ подрядъ въ тюрьмѣ изъ за постояннаго, самаго циничнаго нарушенія военной дисциплины и оскорбленія начальства. Это былъ своего рода философъ крайне пессимистическаго направленія, пришедшій самостоятельно къ убѣжденію, что жизнь людей — пуста, что весь соціальный порядокъ нашего общества — сплошная ложь, а государство — систематизированный разбой. Но больше всего онъ презиралъ армію и ея представителей. Взгляды эти онъ высказывалъ постоянно самымъ безпощаднымъ, откровеннымъ образомъ. Онъ ругалъ въ глаза за ихъ службу не только унтеръ-офицеровъ, но и судей военныхъ и док-

торовъ, называя ихъ ворами, безправниками, придающими себѣ видъ справедливости и законности. Такъ какъ онъ слылъ при этомъ за смѣлаго и отчаяннаго до крайности, то начальство вездѣ до извѣстной степени боялось его и уступало ему. Онъ разсказывалъ мнѣ, что для того, чтобы при допросахъ и судебныхъ процессахъ, которымъ его подвергали нѣсколько разъ, другіе присутствующіе солдаты не могли слышать того, что онъ говорить противъ начальства, — судья обыкновенно приказывалъ бить въ барабанъ, чтобъ заглушать его голосъ. Понятно, что такой человѣкъ долженъ былъ очень много страдать, и что страданія эти сломили его крѣпкую натуру. Два раза онъ дошелъ до того, что повѣсился въ тюрьмѣ и военномъ госпиталѣ, но оба раза успѣли высвободить его изъ петли и привести въ чувство. Жизнь свою онъ ставилъ ни во что, и съ полнымъ презрѣніемъ къ ней, всегда былъ готовъ на смерть. Иногда цѣлыми часами, не обращая ни на кого вниманія, онъ шагалъ по корридору въ глубокой задумчивости. Такъ какъ въ скоромъ времени послѣ моего пріѣзда, моя комната стала общей гостинной для всякаго, кто былъ въ отдѣленіи и кто хотѣлъ приходить ко мнѣ, то и Брадавка приходилъ туда по вечерамъ побесѣдовать за чаемъ; онъ видимо чувствовалъ симпатію ко мнѣ, не смотря на то, что я выражалъ ему иногда свое несочувствіе относительно его дерзкаго поведенія, и онъ отзывался обо мнѣ передъ другими слѣдующимъ образомъ: „людей въ отдѣленіи — настоящихъ — есть только двое: я да докторъ Шкарванъ, всѣ же прочіе — рабскій скотъ, который страха ради, или за стаканъ пива, готовы пресмыкаться передъ другими (онъ употреблялъ здѣсь болѣе рѣзкое выраженіе). Когда Брадавка надоѣдалъ въ тюрьмѣ, его пересылали въ психіатрическое отдѣленіе, а когда послѣ

3—4 мѣсяцевъ надоѣдалъ докторамъ, его посылали назадъ въ тюрьму, и повидимому этотъ человѣкъ, уже тогда съ явными признаками чахотки, былъ обреченъ на то, чтобы никогда больше не видать вольнаго свѣта.

Вспоминаю его какъ частаго и компетентнаго свидѣтеля разныхъ возмутительныхъ случаевъ въ нашемъ отдѣленіи. Онъ разсказывалъ мнѣ, какъ служителя иногда поѣдаютъ пищу, предназначенную для больныхъ, отчасти изъ жадности къ ѣдѣ, отчасти, чтобы поскорѣе избавить себя отъ затруднительной должности тяжелаго ухода за больными, такъ что больные, вслѣдствіе этого, иногда буквально умираютъ съ голоду; разсказывалъ мнѣ, что часто, для того, чтобы скрыть слѣды насилія, чтобы „справиться“ съ больнымъ, смотрителя дергаютъ больнаго за бороду, сжимаютъ ему ногти, выкручиваютъ ему руки въ локтяхъ и т. п.

Такія или подобныя имъ звѣрства существуютъ и и во всякой казармѣ, а потому и не удивительно что они существуютъ и въ военномъ госпиталѣ. Всѣ арміи построены на началахъ насилія и денежнаго вознагражденія. Откуда тутъ ждать нравственности и добросовѣстности? Такія условія могутъ только содѣйствовать развитію жестокости и всякаго рода зла въ людяхъ. Что сѣется, то и пожинается.

Читая по ночамъ, или лежа въ кровати безъ сна, я не разъ слышалъ доходящіе до меня крики какого нибудь больного, и какъ въ отвѣтъ на эти крики, если они продолжались долго, смотритель шагалъ въ камеру къ больному, и какъ оттуда послѣ того раздавались уже не прежніе крики, а глухіе, страшные стоны, переходящіе иногда въ отчаянный плачъ. Нѣтъ сомнѣнія, что тогда происходило истязаніе солдатами больныхъ.

Я своими глазами видѣлъ безчеловѣчное обраще-

ніе съ тѣмъ самымъ похожимъ на Донъ-Кихота офицеромъ, возлѣ котораго я провелъ первую ночь. Замореный голодомъ и болѣзнью, онъ совсѣмъ ослабѣлъ, тѣло его было покрыто ранами, и, вслѣдствіе пролежней, у него обнаружились оголившіяся сочлененія. Когда, по приказанію врача, его надо было мыть и поправлять ему кровать, служитель безцеремонно схватывалъ его и, какъ котенка, не обращая вниманія на умоляющій о пощадѣ нѣмой взглядъ больного, перебрасывалъ его черезъ разстояніе въ 2 метра на диванъ, стоявшій у противоположной стѣны!

Такія и еще многія подобныя этой мрачныя картины составляли, однако, не весь фонъ моей жизни въ госпиталѣ. Въ противуположность имъ, я испытывалъ и много радости, сблизившись со многими и будучи окруженъ любовью ближнихъ. Меня навѣщали чуть не ежедневно прежніе мои Вѣнскіе знакомые, преимущественно студенты, и кромѣ того у меня завелось много новыхъ знакомствъ съ людьми, приходящими въ отдѣленіе посѣщать своихъ родственниковъ. Всѣ они относились ко мнѣ нѣжно и сочувственно, какъ вообще присуще людямъ относиться къ тѣмъ, которые попадаютъ въ положеніе, подобное моему. Комната моя бывала иногда переполнена посѣтителями и жильцами отдѣленія. У меня устраивались общія угощенія разными лакомствами, которыя посѣтители приносили изъ города; устраивались шумные чайные вечера, при чемъ на меня падала роль хозяйки, которую я всегда исполнять съ удовольствіемъ. Не смотря на мою сдержанность и постоянное стремленіе жить прежде всего своею внутреннею жизнью, я невольно сталъ центромъ притяженія всей мыслящей публики въ отдѣленіи, и несомнѣнное сознаніе того, что они по-

лучаютъ хоть маленькое зерно добра черезъ меня, и я — черезъ нихъ, заставляло меня дорожить окружающей меня жизнью. Иногда мнѣ приходило на мысль: что, еслибъ начальство приговорило меня къ постоянному пребыванію въ VI отдѣленіи, то я охотно принялъ бы такой приговоръ, — такъ хорошо и удовлетворенно чувствовалъ я себя тамъ. Между тѣмъ жизнь моя сложилась такъ, не смотря на то, что я никому не внушалъ своихъ взглядовъ, а жилъ самымъ обыкновеннымъ, простымъ образомъ, какъ будто мои взгляды на жизнь ни въ чемъ не разнились отъ взглядовъ другихъ людей. Я думаю, что таково вообще свойство жизни духа, что она отражается невольно и неизбѣжно въ самыхъ будничныхъ, ежеминутныхъ поступкахъ человѣка.

Уѣзжая послѣ девяти недѣль изъ Вѣнской больницы, я почувствовалъ тяжесть разлуки: мнѣ было больно въ то время покидать людей, съ которыми успѣлъ сродниться. Подобное же чувство испытали и другіе, разставаясь со мной. Ротмистръ Ц. наканунѣ моего отъѣзда, сказалъ мнѣ дрожащимъ голосомъ: „какъ это грустно, что вы уѣзжаете отъ насъ, докторъ!... Я много теряю... Безъ васъ тутъ будетъ скучно и одиноко!

IX.

ОПЯТЬ ВЪ КАШАУ *).

Я очень обрадовался, когда узналъ, что въ провожатые мнѣ назначенъ санитарный капитанъ, съ которымъ я успѣлъ завести знакомство во время моихъ прогулокъ по больничному саду, и характеръ котораго мнѣ былъ очень симпатиченъ. Это былъ человѣкъ простой, добросердечный, мягкій. Я выѣхалъ съ нимъ рано утромъ 10-го іюня въ закрытой больничной каретѣ, сопровождаемый добрыми пожеланіями унтеръ-офицеровъ и солдатъ VI отдѣленія. Я держалъ въ рукахъ саблю, которую мнѣ возвратили въ послѣднюю минуту. Но капитанъ сказалъ мнѣ: „надѣньте ее, мы поѣдемъ ужъ какъ слѣдуетъ.“ Я охотно опоясалъ ее, и совсѣмъ забылъ о моемъ письмѣ къ начальнику госпиталя о томъ, что больше никогда не буду носить оружія. Но если-бы даже я и замѣтилъ эту непослѣдовательность, то навряд ли поступилъ бы иначе, ибо не думаю, чтобы слѣдовало цѣпляться за подобные чисто внѣшніе признаки непослѣдовательности.

На большой станціи среди офицеровъ и шикарно разодѣтой публики мнѣ до извѣстной степени было даже пріятно и забавно прогуливаться въ своемъ прежнемъ видѣ. Скоро потомъ подошли къ намъ двое изъ моихъ друзей, изъ нихъ одна моя знакомая

*) Или Кощицы на славянскихъ языкахъ.

рѣшила даже проводить меня нѣсколько станцій, на что капитанъ охотно далъ ей позволеніе. Въ праздничномъ и очень хорошемъ, духовно напряженномъ состояніи сѣли мы на скорый поѣздъ. Дорожа всякой минутой, мы съ другомъ моимъ переговорили о многомъ душевномъ, дорогомъ для насъ. Бесѣда эта осталась для меня однимъ изъ свѣтлѣйшихъ воспоминаній моей жизни. Послѣ того, какъ мы разстались, у меня на душѣ продолжало быть все такъ-же хорошо.

Капитанъ, бесѣдуя со мной, дорогой сказалъ: „я увѣренъ въ томъ, что наказывать васъ больше не будутъ; что изъ Кашау васъ отпустятъ прямо домой; что-же имъ больше остается дѣлать съ вами? Вѣдь судить васъ не-за-что. Ваша вина слишкомъ малозначительна и, кромѣ того, вѣнскіе доктора составили о васъ такой докладъ — (я читалъ его), по которому невозможно предать васъ суду, а тѣмъ болѣе засудить въ тюрьму. Докладъ составленъ въ томъ смыслѣ, что поступокъ вашъ вытекаетъ изъ вашего слишкомъ идеалистическаго настроенія, но что васъ слѣдуетъ считать вполнѣ безвреднымъ человѣкомъ для государственнаго строя.“

Я, однако, очень хорошо сознавалъ, что власти не могутъ пропустить мой поступокъ безъ наказанія, и не могутъ считать меня, согласно мнѣнію докторовъ „вполнѣ безвреднымъ для государственнаго строя“, на какихъ бы идеалистическихъ основахъ я не отказывался повиноваться требованіямъ правительства. Поэтому я и не придавалъ вѣса дружескимъ, ободрительнымъ рѣчамъ капитана, въ которыхъ къ тому же я и не нуждался, такъ какъ былъ вполнѣ спокоенъ относительно моей судьбы и не заботился впередъ ни о чемъ, тѣмъ болѣе, что былъ занятъ усиленной и горячей работой, происходившей во мнѣ совсѣмъ въ другомъ направленіи.

Живыя, любовныя отношенія къ новому другу поглощали въ то время все мое вниманіе и давали богатое содержаніе моей жизни.

Вся дорога для меня была весела и радостна. Меня провожали и встрѣчали на станціяхъ друзья, и всѣ они относились ко мнѣ такъ нѣжно и сочувственно, какъ только въ серьезные минуты жизни люди умѣютъ относиться другъ къ другу. Видя любовь, съ которой относились ко мнѣ всѣ мои знакомые, капитанъ сказалъ мнѣ:

— Докторъ, смотря на васъ, мнѣ становится завиднымъ ваше положеніе; васъ встрѣчаютъ какъ князя, проѣзжающаго по своимъ владѣніямъ.

Въ Кашау мы пріѣхали поздно вечеромъ. На станціи желѣзной дороги насъ встрѣтили высланные намъ на встрѣчу три офицера уже раньше мнѣ знакомые. Имъ не было еще извѣстно ничего новаго на мой счетъ, и они утверждали, что относительно меня ничего не рѣшено.

— Намъ только приказано препроводить васъ въ военный госпиталь, — сказали они.

Мы посидѣли немного на станціи, выпили по кружкѣ пива и пошли. Еще въ буфетѣ и потомъ на улицѣ я все время молчалъ: настроеніе, не только мое, но и моихъ четырехъ спутниковъ, было таково, что заставляло меня молчать. Я чувствовалъ себя въ чужой атмосферѣ. Офицеры, хотя и разговаривали между собой, но какъ-то несвойственнымъ имъ, несвободнымъ тономъ. Мнѣ казалось, что они говорятъ только для того, чтобы не слишкомъ выступало наружу наше общее настроеніе. Вѣроятно на душѣ у всѣхъ ихъ было одно и то-же: мой отказъ, ожидающая меня участь, и, какъ всегда бываетъ при подобныхъ случаяхъ, естественная неловкость въ томъ, что участвуешь въ такомъ явно-скверномъ дѣлѣ.

Послѣ нашего прибытія въ госпиталь, меня помѣстили въ маленькую комнату дежурнаго офицера, и рядомъ со мной въ передней помѣстили караульнаго. Всѣ четыре офицера вошли со мной въ комнату, хотя въ этомъ и не было нужды. Людей какъ-то особенно тянетъ быть свидѣтелями подобныхъ процедуръ до самаго конца. Одинъ изъ нихъ, начальникъ кашаускаго санитарнаго отряда, сказалъ мнѣ:

— Вотъ это будетъ пока вашимъ помѣщеніемъ, — и, какъ бы извиняясь предо мной, прибавилъ: „не очень-то тутъ удобно, но, къ сожалѣнію, другой комнаты не имѣю въ свободномъ распоряженіи; поэтому будьте ужь довольны этой; впрочемъ я думаю, что долго вамъ не придется здѣсь оставаться.“ Я ему отвѣтилъ, что вполнѣ доволенъ помѣщеніемъ, — какъ и былъ на самомъ дѣлѣ. Послѣ этого офицеры постояли еще нѣсколько минутъ, молча оглядывая кругомъ комнату. Потомъ комендантъ пожелалъ мнѣ „спокойной ночи“; я слегка поклонился, они отвѣтили мнѣ тѣмъ же и вышли.

Хотя я былъ уже пятый мѣсяцъ въ положеніи арестанта, — меня всетаки удивило, и мнѣ стало въ первую минуту какъ то горько, когда я услыхалъ, что меня замкнули на ключъ. Я прислушался и услышалъ, какъ офицеры остановились въ коридорѣ и въ полъ-голоса о чемъ то переговаривались. Скоро я разслышалъ приближавшіеся къ моей двери шаги одного изъ нихъ. Снова щелкнулъ ключъ въ замкѣ и вошелъ одинъ изъ офицеровъ. Глядя въ сторону, онъ сказалъ мнѣ: „пожалуйста, передайте мнѣ вашу шпагу; мнѣ приказано взять ее у васъ“. Люди эти, съ дѣтства воспитанные въ военномъ духѣ, вѣроятно предполагали, что мнѣ будетъ обидно отнятіе шпаги — эмблемы военной чести. Я замѣтилъ, что офицеру было неловко исполнять это порученіе, и потому, желая вывести его по-

скорѣе изъ затруднительнаго положенія, я, не медля, отпоясалъ шпагу и передалъ ее ему.

Послѣ его ухода, пользуясь удобнымъ случаемъ, я развязалъ свой чемоданъ и наскоро написалъ нѣсколько писемъ — моей матери и друзьямъ. Когда я кончилъ ихъ, то, какъ бы на мой призывъ, ко мнѣ въ дверь постучался солдатъ, стороживший меня въ передней, знавшій меня еще со времени моей службы въ госпиталѣ. Онъ робко попросилъ у меня извиненія за то, что постучался ко мнѣ: онъ рѣшился на это только потому, что слышалъ, что я не сплю. И вотъ онъ пришелъ спросить, не нуждаюсь ли я въ чемъ нибудь. „Я буду радъ исполнять всѣ ваши порученія, хотя бы запрещенныя начальствомъ“, прибавилъ онъ. Я отвѣтилъ ему, что кромѣ писемъ, которыя мнѣ хотѣлось бы отослать, мнѣ ничего пока не нужно. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ взялъ у меня письма и съ любопытствомъ началъ разспрашивать: гдѣ меня держали послѣднее время, какъ обращались со мной и т. д. Разговоръ нашъ шелъ свободно, и между нами не было той преграды, которая при обыкновенныхъ условіяхъ такъ часто отдѣляетъ другъ отъ друга людей, различныхъ общественныхъ положеній: барина отъ мужика, офицера отъ простого солдата. Онъ просто и искренно выражалъ негодованіе свое и своихъ товарищей по поводу поведенія начальства со мною, ругая главнымъ образомъ начальника госпиталя, который, по его мнѣнію, былъ единственнымъ виновникомъ моего ареста. Когда же я отвѣчалъ ему, что подобный случай власти не могутъ оставить безъ послѣдствій, и что я поступилъ такъ, заранѣе предвидя всѣ послѣдствія, — онъ посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ. Настоящее значеніе и мотивы моего поступка были ему чужды и непонятны, насколько я замѣтилъ, но,

не смотря на это, онъ искренно, отъ души сочувствовалъ мнѣ. Узнавъ содержаніе моего письма къ главному врачу, онъ досадывалъ на него, говоря: „будь онъ порядочнымъ человѣкомъ, онъ бросилъ бы ваше письмо въ печку и не отдалъ бы васъ подъ судъ... Всѣ солдаты наши жалѣютъ васъ и мы часто говоримъ, почему именно вы, а не кто нибудь другой изъ докторовъ, попались такъ жестоко. Вы были самый любимый нами".

Отношеніе этого солдата, его жалость ко мнѣ, были вполнѣ непосредственны, какъ это свойственно бываетъ людямъ изъ простого народа, независимо отъ идеи и причины страданія человѣка: онъ жалѣлъ просто, потому что видѣлъ меня въ положеніи страдающаго и обижаемаго, и этой непосредственной жалостью онъ самъ былъ мнѣ милъ и близокъ.

Позднѣе, когда я уже сидѣлъ въ тюрьмѣ, послѣ приговора суда, нѣсколько простыхъ солдатъ-санитаровъ рѣшили просить позволенія у начальства посѣтить меня въ тюрьмѣ и выбрали для этого изъ своей среды двухъ человѣкъ. Конечно, начальство отказало имъ въ этомъ и впредь запретило обращаться съ подобными просьбами.

Была уже поздняя ночь, когда ко мнѣ зашли два незнакомые мнѣ дежурные врача, изъ числа тѣхъ, которые поступили на службу уже во время моего пребыванія въ Вѣнѣ. Назвавъ мнѣ свои фамиліи, они сказали, что заинтересовались мной и пожелали познакомиться.

Съ перваго взгляда я почувствовалъ къ нимъ расположеніе и съ первыхъ словъ, особенно въ одномъ изъ нихъ, замѣтилъ неиспорченную душу, несмотря на то, что та дорога жизни, которую они избрали, была несомнѣнно пагубна для ихъ душъ. Ихъ веселый, открытый нравъ привлекалъ меня настолько, что, послѣ нѣсколькихъ фразъ, мы легко перешли

на „ты“. Оба они разспрашивали меня, *что* именно заставило меня отказаться отъ службы, оба упрекали меня въ томъ, что поступкомъ своимъ я огорчаю людей мнѣ близкихъ и что потому дѣлать этого не слѣдуетъ. По ихъ словамъ — какъ это часто бываетъ въ разговорѣ съ людьми по поводу требованій нашего разума и совѣсти — выходило, будто ихъ самихъ отъ подобнаго поступка удерживаетъ единственно чувство долга по отношенію къ своимъ роднымъ, про которое я, будто бы, забываю. Одинъ изъ нихъ съ искреннимъ и добродушнымъ негодованіемъ воскликнулъ: „если бы ты былъ моимъ сыномъ, я бы тебя хорошенько выпоролъ за такую продѣлку!“

Хотя эти неожиданные посѣтители въ главномъ и не были согласны со мной, и разговоръ съ ними не былъ очень серьезнаго характера, тѣмъ не менѣе, посѣщеніе ихъ было мнѣ въ то время очень пріятно.

На слѣдующее утро, видя, что дверь моя открыта, я, не спрашивая никого, вышелъ погулять въ больничный садъ, и мнѣ никто не помѣшалъ въ этомъ. Въ саду гуляло много больныхъ солдатъ, и всѣ они узнавали меня; нѣкоторые же изъ нихъ, любопытно оглядывая меня, съ привѣтливыми лицами подходили ко мнѣ и, выражая свое сочувствіе, спрашивали меня про мою прошлую или предстоящую судьбу.

Встрѣтился мнѣ и самъ начальникъ госпиталя. Онъ остановилъ меня, спросилъ о томъ, какъ я поживалъ въ Вѣнѣ, и о томъ, не „облагоразумили“ ли меня тамъ. На отвѣтъ мой, что мнѣ жилось въ Вѣнѣ очень хорошо, а что „облагоразумить“ меня не удалось никому, онъ недоумѣвающе покачалъ головой, но все же добродушно кивнулъ мнѣ на прощаніе. Ему — врачу-служакѣ стараго типа, никогда не обращавшему серьезнаго вниманія

на соціальный прогрессъ и вдобавокъ трусливому по природѣ, боящемуся всякихъ „новыхъ идей“ — было очень непріятно, что такой неблагопристойный случай произошелъ въ больницѣ, находящейся подъ его вѣденіемъ. Мой отказъ былъ для него чѣмъ то невозможнымъ, чѣмъ то такимъ, чего онъ никакъ понять не могъ, и потому онъ совершенно серьезно съ самаго начала считалъ меня сумасшедшимъ и до конца не переставалъ смотрѣть на меня подозрительно, не довѣряя вполнѣ діагнозу даже вѣнскихъ спеціалистовъ. Но у меня осталось хорошее чувство къ этому старику, ибо онъ въ душѣ своей несомнѣнно страдалъ за меня. Когда меня держали въ кашаускомъ госпиталѣ, то, по его собственнымъ словамъ, онъ не находилъ себѣ нигдѣ покоя, и я, какъ мнѣ говорили, постоянно представлялся ему въ воображеніи; когда же мать моя пришла меня навѣстить и зашла сначала къ нему, то онъ, зараженный ея горемъ, прослезился и выражалъ искреннее желаніе и надежду, что, быть можетъ, моей матери удастся подѣйствовать на меня такъ, что я откажусь отъ своего рѣшенія и этимъ миную тюрьму и всѣ тѣ послѣдствія, которыя ему казались столь страшными.

Послѣ разговора съ начальникомъ я продолжалъ свою прогулку по саду. Стояла весна въ полномъ расцвѣтѣ, — теплая, свѣтлая и радостная. Кругомъ все цвѣло, воздухъ былъ полонъ веселыми звуками птицъ и людей, полонъ ласкающаго аромата и тепла. На душѣ у меня было тоже хорошо и свѣтло.

Ко мнѣ присоединилась компанія молодыхъ докторовъ изъ вольноопредѣляющихся, и сейчасъ же между нами завязалась поверхностная, легкая, но тѣмъ не менѣе столь прельщающая меня дружба молодыхъ людей, только что кончившихъ универси-

теть, полныхъ вѣры въ свои силы и надеждъ на буду
щее. Видя насъ, гуляющихъ подъ руку въ новыхъ
красивыхъ военныхъ мундирахъ, шумно бесѣдую
щихъ, смѣющихся и напѣвающихъ опереточны
мотивы, — ни одинъ посторонній зритель не уга
далъ бы, что среди этой беззаботно-веселой ком
паніи находился одинъ, котораго только что при
везли изъ дома умалишенныхъ и котораго могут
во всякое время увезти въ тюрьму, неизвѣстно н
сколько времени. Да и мнѣ самому въ тѣ минуты
когда я думалъ про себя, такое свое положени
казалось и страннымъ, и невѣроятнымъ.

X.

ПЕРВОЕ ВРЕМЯ ВЪ ТЮРЬМѢ.

Не долго, однако, пришлось мнѣ пользоваться прогулками въ больничномъ саду и обществомъ товарищей-докторовъ. На второй же день моего пріѣзда, послѣ полудня, вошелъ ко мнѣ въ комнату санитарный капитанъ и сообщилъ мнѣ, что полученъ приказъ отъ корпуснаго командира о томъ, чтобы немедленно препроводить меня въ гарнизонную тюрьму. Хотя я и былъ готовъ къ этому, и не могъ ожидать ничего другого, — все же это извѣстіе взволновало меня, и сердце во мнѣ ускоренно забилось. Но я хорошо помню и то, что во мнѣ не поднялось ни малѣйшаго ропота, ни малѣйшаго негодованія противъ судьбы; я сейчасъ же внимательно сталъ собирать свои разложенныя по комнатѣ вещи и наскоро уложилъ ихъ въ чемоданъ.

Извѣстіе это взволновало меня, но не вызвало во мнѣ того мрачнаго настроенія, которое испытывается, какъ мнѣ кажется, большинствомъ людей, попадающихъ въ тюрьму. Твердое сознаніе того, что отказъ мой былъ вполнѣ законнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всей моей предшествовавшей жизни, — сознаніе это никогда не покидало меня и потому не давало во мнѣ мѣста никакому страху, а тѣмъ болѣе чувству стыда или сомнѣнія. Я не питалъ даже ни малѣйшаго негодованія противъ кого бы то ни было, уже по одному тому, что

рѣшительно не могъ бы указать на виновниковъ моего ареста, которыхъ, вѣдь, и не было въ отдѣльности. Я знаю, что всѣ — виновники и участники, (одинъ въ большей, другой въ меньшей степени), того зла, которое душитъ насъ, и, сознавая, что моимъ отказомъ я пробиваю стѣну для себя и, быть можетъ, для другихъ, чувствовалъ, что дѣло это — безъ затрудненій, безъ столкновеній съ людьми немыслимо. Кромѣ всего этого, я постоянно находилъ среди людей, которые преслѣдовали меня, больше сочувствія и состраданія, чѣмъ можно было ожидать, и понималъ, что они поступаютъ со мною такъ не по личному желанію или озлобленію, а единственно вслѣдствіе того положенія, въ которомъ они находятся и изъ котораго выбраться не умѣютъ. Да развѣ я самъ не задолго до того времени, вопреки сознанію, не содѣйствовалъ тому же самому, чему они теперь содѣйствуютъ, когда употреблялъ свои научныя знанія на то, чтобы выдавать притворяющихся больными рекрутовъ, которыхъ за это судили и карали?! Развѣ такимъ образомъ я тоже не участвовалъ въ насиліи надъ людьми? Разница между мной и тѣми людьми, которые угнетали меня, была единственно та, что я скорѣе ихъ увидѣлъ опасность нашего общаго положенія и скорѣе или удачнѣе выпутался изъ сѣтей лжи, въ которыхъ мы всѣ запутаны. Хотя въ то время я и не давалъ себѣ вполнѣ яснаго отчета въ томъ, что высказываю теперь, но чувство это, тѣмъ не менѣе, и тогда жило во мнѣ сознательно, безъ чего я не могъ бы оставаться внутренно столь спокойнымъ, какимъ былъ.

Столкновеніе, въ которое я попалъ вслѣдствіе того, что вырвался изъ одной области узаконенной, признанной всѣми, связывающей насъ лжи и путаницы, — я считалъ неизбѣжнымъ и вполнѣ естес-

твеннымъ. Кромѣ того, столкновеніе это не было уже первымъ въ моей жизни. Съ тѣхъ поръ, какъ я перемѣнилъ свое отношеніе къ жизни, мнѣ пришлось переживать не мало столкновеній съ самыми близкими мнѣ людьми, хотя ни одно изъ нихъ не обнаруживалось такъ ярко и рѣзко, какъ это послѣднее. При подобныхъ столкновеніяхъ не столько тяжелы послѣдствія, какъ та внутренняя борьба, которая совершается въ человѣкѣ *до* наступленія душевнаго кризиса, сворачивающаго его путь по другому направленію. Когда же внутренняя борьба доведена уже до самаго конца, т. е. когда работа сдѣлана, тогда ужъ не трудны и послѣдствія, вродѣ судебныхъ допросовъ, сажанія въ сумасшедшіе дома, грубостей сторожей, тюремныхъ надзирателей и т. п., они являются неважными, второстепенными сраженіями послѣ главнаго, рѣшительнаго. Главное сраженіе, я сознавалъ, было выиграно, побѣда была на моей сторонѣ, и это невольно чувствовалось даже тѣми, которые находились въ противномъ мнѣ лагерѣ.

Въ тюрьму провожалъ меня молодой офицеръ, съ которымъ я былъ немножко знакомъ. По улицамъ мы шли молча одинъ возлѣ другого. Я волновался, надѣясь встрѣтить на улицѣ кого нибудь изъ знакомыхъ, но, однако, никого изъ нихъ не встрѣтилъ. Подходя къ зданію тюрьмы, мой провожатый, какъ бы желая ободрить меня, сказалъ мнѣ: „будьте спокойны, докторъ. Die Suppe wird nie so heiss gegessen, wie sie gekocht wird.“ (Послѣдствія никогда не бываютъ такъ страшны, какъ ожидаютъ).

Войдя въ контору тюрьмы офицеръ передалъ меня тюремному надзирателю, который видно уже зналъ про меня и, записавъ меня въ протоколъ, повелъ

широкимъ корридоромъ въ камеру 1-го разряда *), предназначенную для арестантовъ, находящихся подъ слѣдствіемъ.

Камера, въ которую мы вошли, была бы похожа на обыкновенную маленькую комнату, если бы толстая, желѣзомъ обитая дверь и высоко, подъ самымъ потолкомъ помѣщенное узкое окно, съ толстыми желѣзными прутьями и проволочной сѣтью, не придавали ей особеннаго вида.

— Вотъ, это будетъ пока вашимъ помѣщеніемъ, — сказалъ мнѣ надзиратель и, указавъ на тетрадь, лежавшую на столѣ, внушительно посовѣтовалъ прочесть ее. Тетрадь эта, какъ я позже увидѣлъ, содержала „тюремныя правила". Потомъ, окинувъ меня взглядомъ знатока, какъ бы спрашивавшимъ: „за что ты сюда попалъ?" — надзиратель безъ дальнѣйшихъ разговоровъ удалился, затворивъ за собою тяжелую дверь камеры. Вслѣдъ за тѣмъ громко и звонко щелкнулъ ключъ въ замкѣ, звукомъ этимъ какъ бы и въ моей душѣ задѣвая за что-то чувствительное...

Я остался одинъ съ странными чувствами не то удивленія, не то недоумѣнія и сталъ осматривать свою новую квартиру. Комната была небольшая, но довольно свѣтлая. Выбѣленныя стѣны ея были запачканы слѣдами раздавленныхъ клоповъ; около одной стѣны стояла желѣзная кровать военнаго образца, полированный столикъ, стулъ, шкапъ, умывальный приборъ и въ одномъ углу четырехугольный деревянный ящикъ, съ чугуннымъ сосудомъ внутри, своимъ смраднымъ запахомъ отравлявшій воздухъ въ камерѣ.

Первыя минуты моего заключенія мнѣ почему-то

*) Къ арестантамъ 1-го разряда причисляются офицеры и военные чиновники, ко 2-му — всѣ низшіе чины.

показалось, что изъ цѣлаго міра для меня остался только я самъ и эта неуютная камера, въ которую меня посадили. Про арестантскую жизнь до тѣхъ поръ я почти ничего не зналъ и потому думалъ, что быть арестантомъ, значитъ быть совершенно отрѣзаннымъ отъ всякаго человѣческаго общенія съ другими людьми, — значитъ, кромѣ самаго себя и своихъ мыслей, не имѣть ничего. Одиночества внѣшняго, однако, я не боялся: еще бывши студентомъ я успѣлъ до извѣстной степени сжиться и привыкнуть къ одиночеству. А въ душѣ я не сомнѣвался въ томъ, что буду *не одинъ*, и что потому мнѣ не будетъ скучно.

Я долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, обсуждая свое новое положеніе. Потомъ взялъ тетрадь съ тюремными правилами и сталъ читать ихъ. Сначала шло перечисленіе разныхъ строгихъ правилъ тюремной дисциплины, которымъ подлежитъ всякій арестантъ; потомъ шли наставленія о томъ, какъ долженъ вести себя арестантъ по отношенію ко всѣмъ, начиная отъ караульнаго солдата — до коменданта тюрьмы; затѣмъ слѣдовало перечисленіе того, что запрещается арестантамъ, какъ-то: пѣніе, посвистываніе, бдѣніе ночью и т. п.; и подъ конецъ — указаніе на льготы, какими онъ можетъ пользоваться, если окажется смирнаго и послушнаго поведенія.

Когда я вычиталъ изъ этой тетради, что до тѣхъ поръ, пока нахожусь подъ слѣдствіемъ, я могу получать и отправлять письма въ неограниченномъ количествѣ, (хотя и съ условіемъ, что они будутъ проходить черезъ руки начальства), и что мнѣ можно видѣться со всѣми знакомыми и друзьями, которые захотятъ видѣть меня, то обрадовался этому, какъ радуются люди неожиданно оказанному имъ благодѣянію. Въ военной императорско-коро-

широкимъ корридоромъ въ камеру 1-го разряда *), предназначенную для арестантовъ, находящихся подъ слѣдствіемъ.

Камера, въ которую мы вошли, была бы похожа на обыкновенную маленькую комнату, если бы толстая, желѣзомъ обитая дверь и высоко, подъ самымъ потолкомъ помѣщенное узкое окно, съ толстыми желѣзными прутьями и проволочной сѣтью, не придавали ей особеннаго вида.

— Вотъ, это будетъ пока вашимъ помѣщеніемъ, — сказалъ мнѣ надзиратель и, указавъ на тетрадь, лежавшую на столѣ, внушительно посовѣтовалъ прочесть ее. Тетрадь эта, какъ я позже увидѣлъ, содержала „тюремныя правила“. Потомъ, окинувъ меня взглядомъ знатока, какъ бы спрашивавшимъ: „за что ты сюда попалъ?“ — надзиратель безъ дальнѣйшихъ разговоровъ удалился, затворивъ за собою тяжелую дверь камеры. Вслѣдъ за тѣмъ громко и звонко щелкнулъ ключъ въ замкѣ, звукомъ этимъ какъ бы и въ моей душѣ задѣвая за что-то чувствительное...

Я остался одинъ съ странными чувствами не то удивленія, не то недоумѣнія и сталъ осматривать свою новую квартиру. Комната была небольшая, но довольно свѣтлая. Выбѣленныя стѣны ея были запачканы слѣдами раздавленныхъ клоповъ; около одной стѣны стояла желѣзная кровать военнаго образца, полированный столикъ, стулъ, шкапъ, умывальный приборъ и въ одномъ углу четырехугольный деревянный ящикъ, съ чугуннымъ сосудомъ внутри, своимъ смраднымъ запахомъ отравлявшій воздухъ въ камерѣ.

Первыя минуты моего заключенія мнѣ почему-то

*) Къ арестантамъ 1-го разряда причисляются офицеры и военные чиновники, ко 2-му — всѣ низшіе чины.

показалось, что изъ цѣлаго міра для меня остался только я самъ и эта неуютная камера, въ которую меня посадили. Про арестантскую жизнь до тѣхъ поръ я почти ничего не зналъ и потому думалъ, что быть арестантомъ, значитъ быть совершенно отрѣзаннымъ отъ всякаго человѣческаго общенія съ другими людьми, — значитъ, кромѣ самаго себя и своихъ мыслей, не имѣть ничего. Одиночества внѣшняго, однако, я не боялся: еще бывши студентомъ я успѣлъ до извѣстной степени сжиться и привыкнуть къ одиночеству. А въ душѣ я не сомнѣвался въ томъ, что буду *не одинъ*, и что потому мнѣ не будетъ скучно.

Я долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, обсуждая свое новое положеніе. Потомъ взялъ тетрадь съ тюремными правилами и сталъ читать ихъ. Сначала шло перечисленіе разныхъ строгихъ правилъ тюремной дисциплины, которымъ подлежитъ всякій арестантъ; потомъ шли наставленія о томъ, какъ долженъ вести себя арестантъ по отношенію ко всѣмъ, начиная отъ караульнаго солдата — до коменданта тюрьмы; затѣмъ слѣдовало перечисленіе того, что запрещается арестантамъ, какъ-то: пѣніе, посвистываніе, бдѣніе почью и т. п.; и подъ конецъ — указаніе на льготы, какими онъ можетъ пользоваться, если окажется смирнаго и послушнаго поведенія.

Когда я вычиталъ изъ этой тетради, что до тѣхъ поръ, пока нахожусь подъ слѣдствіемъ, я могу получать и отправлять письма въ неограниченномъ количествѣ, (хотя и съ условіемъ, что они будутъ проходить черезъ руки начальства), и что мнѣ можно видѣться со всѣми знакомыми и друзьями, которые захотятъ видѣть меня, то обрадовался этому, какъ радуются люди неожиданно оказанному имъ благодѣянію. Въ военной императорско-коро-

широкимъ корридоромъ въ камеру 1-го разряда *), предназначенную для арестантовъ, находящихся подъ слѣдствіемъ.

Камера, въ которую мы вошли, была бы похожа на обыкновенную маленькую комнату, если бы толстая, желѣзомъ обитая дверь и высоко, подъ самымъ потолкомъ помѣщенное узкое окно, съ толстыми желѣзными прутьями и проволочной сѣтью, не придавали ей особеннаго вида.

— Вотъ, это будетъ пока вашимъ помѣщеніемъ, — сказалъ мнѣ надзиратель и, указавъ на тетрадь, лежавшую на столѣ, внушительно посовѣтовалъ прочесть ее. Тетрадь эта, какъ я позже увидѣлъ, содержала „тюремныя правила“. Потомъ, окинувъ меня взглядомъ знатока, какъ бы спрашивавшимъ: „за что ты сюда попалъ?“ — надзиратель безъ дальнѣйшихъ разговоровъ удалился, затворивъ за собою тяжелую дверь камеры. Вслѣдъ за тѣмъ громко и звонко щелкнулъ ключъ въ замкѣ, звукомъ этимъ какъ бы и въ моей душѣ задѣвая за что-то чувствительное...

Я остался одинъ съ странными чувствами не то удивленія, не то недоумѣнія и сталъ осматривать свою новую квартиру. Комната была небольшая, но довольно свѣтлая. Выбѣленныя стѣны ея были запачканы слѣдами раздавленныхъ клоповъ; около одной стѣны стояла желѣзная кровать военнаго образца, полированный столикъ, стулъ, шкапъ, умывальный приборъ и въ одномъ углу четырехугольный деревянный ящикъ, съ чугуннымъ сосудомъ внутри, своимъ смраднымъ запахомъ отравлявшій воздухъ въ камерѣ.

Первыя минуты моего заключенія мнѣ почему-то

*) Къ арестантамъ 1-го разряда причисляются офицеры и военные чиновники, ко 2-му — всѣ низшіе чины.

показалось, что изъ цѣлаго міра для меня остался только я самъ и эта неуютная камера, въ которую меня посадили. Про арестантскую жизнь до тѣхъ поръ я почти ничего не зналъ и потому думалъ, что быть арестантомъ, значитъ быть совершенно отрѣзаннымъ отъ всякаго человѣческаго общенія съ другими людьми, — значитъ, кромѣ самаго себя и своихъ мыслей, не имѣть ничего. Одиночества внѣшняго, однако, я не боялся: еще бывши студентомъ я успѣлъ до извѣстной степени сжиться и привыкнуть къ одиночеству. А въ душѣ я не сомнѣвался въ томъ, что буду *не одинъ*, и что потому мнѣ не будетъ скучно.

Я долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, обсуждая свое новое положеніе. Потомъ взялъ тетрадь съ тюремными правилами и сталъ читать ихъ. Сначала шло перечисленіе разныхъ строгихъ правилъ тюремной дисциплины, которымъ подлежитъ всякій арестантъ; потомъ шли наставленія о томъ, какъ долженъ вести себя арестантъ по отношенію ко всѣмъ, начиная отъ караульнаго солдата — до коменданта тюрьмы; затѣмъ слѣдовало перечисленіе того, что̀ запрещается арестантамъ, какъ-то: пѣніе, посвистываніе, бдѣніе ночью и т. п.; и подъ конецъ — указаніе на льготы, какими онъ можетъ пользоваться, если окажется смирнаго и послушнаго поведенія.

Когда я вычиталъ изъ этой тетради, что до тѣхъ поръ, пока нахожусь подъ слѣдствіемъ, я могу получать и отправлять письма въ неограниченномъ количествѣ, (хотя и съ условіемъ, что они будутъ проходить черезъ руки начальства), и что мнѣ можно видѣться со всѣми знакомыми и друзьями, которые захотятъ видѣть меня, то обрадовался этому, какъ радуются люди неожиданно оказанному *имъ благодѣянію. Въ военной императорско-коро-*

широкимъ корридоромъ въ камеру 1-го разряда *), предназначенную для арестантовъ, находящихся подъ слѣдствіемъ.

Камера, въ которую мы вошли, была бы похожа на обыкновенную маленькую комнату, если бы толстая, желѣзомъ обитая дверь и высоко, подъ самымъ потолкомъ помѣщенное узкое окно, съ толстыми желѣзными прутьями и проволочной сѣтью, не придавали ей особеннаго вида.

— Вотъ, это будетъ пока вашимъ помѣщеніемъ, — сказалъ мнѣ надзиратель и, указавъ на тетрадь, лежавшую на столѣ, внушительно посовѣтовалъ прочесть ее. Тетрадь эта, какъ я позже увидѣлъ, содержала „тюремныя правила“. Потомъ, окинувъ меня взглядомъ знатока, какъ бы спрашивавшимъ: „за что ты сюда попалъ?“ — надзиратель безъ дальнѣйшихъ разговоровъ удалился, затворивъ за собою тяжелую дверь камеры. Вслѣдъ за тѣмъ громко и звонко щелкнулъ ключъ въ замкѣ, звукомъ этимъ какъ бы и въ моей душѣ задѣвая за что-то чувствительное...

Я остался одинъ съ странными чувствами не то удивленія, не то недоумѣнія и сталъ осматривать свою новую квартиру. Комната была небольшая, но довольно свѣтлая. Выбѣленныя стѣны ея были запачканы слѣдами раздавленныхъ клоповъ; около одной стѣны стояла желѣзная кровать военнаго образца, полированный столикъ, стулъ, шкапъ, умывальный приборъ и въ одномъ углу четырехугольный деревянный ящикъ, съ чугуннымъ сосудомъ внутри, своимъ смраднымъ запахомъ отравлявшій воздухъ въ камерѣ.

Первыя минуты моего заключенія мнѣ почему-то

*) Къ арестантамъ 1-го разряда причисляются офицеры и военные чиновники, ко 2-му — всѣ низшіе чины.

показалось, что изъ цѣлаго міра для меня остался только я самъ и эта неуютная камера, въ которую меня посадили. Про арестантскую жизнь до тѣхъ поръ я почти ничего не зналъ и потому думалъ, что быть арестантомъ, значитъ быть совершенно отрѣзаннымъ отъ всякаго человѣческаго общенія съ другими людьми, — значитъ, кромѣ самаго себя и своихъ мыслей, не имѣть ничего. Одиночества внѣшняго, однако, я не боялся: еще бывши студентомъ я успѣлъ до извѣстной степени сжиться и привыкнуть къ одиночеству. А въ душѣ я не сомнѣвался въ томъ, что буду *не одинъ*, и что потому мнѣ не будетъ скучно.

Я долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, обсуждая свое новое положеніе. Потомъ взялъ тетрадь съ тюремными правилами и сталъ читать ихъ. Сначала шло перечисленіе разныхъ строгихъ правилъ тюремной дисциплины, которымъ подлежитъ всякій арестантъ; потомъ шли наставленія о томъ, какъ долженъ вести себя арестантъ по отношенію ко всѣмъ, начиная отъ караульнаго солдата — до коменданта тюрьмы; затѣмъ слѣдовало перечисленіе того, что̀ запрещается арестантамъ, какъ-то: пѣніе, посвистываніе, бдѣніе ночью и т. п.; и подъ конецъ — указаніе на льготы, какими онъ можетъ пользоваться, если окажется смирнаго и послушнаго поведенія.

Когда я вычиталъ изъ этой тетради, что до тѣхъ поръ, пока нахожусь подъ слѣдствіемъ, я могу получать и отправлять письма въ неограниченномъ количествѣ, (хотя и съ условіемъ, что они будутъ проходить черезъ руки начальства), и что мнѣ можно видѣться со всѣми знакомыми и друзьями, которые захотятъ видѣть меня, то обрадовался этому, какъ радуются люди неожиданно оказанному имъ благодѣянію. Въ военной императорско-коро-

левской тюрьмѣ я, право, не ожидалъ встрѣтить эти, хотя и маленькія, но все же гуманныя мѣры. Такъ, напр., мнѣ показалось сначала, что я не разобралъ хорошенько словъ надзирателя, когда тотъ, снова войдя въ камеру, сказалъ мнѣ, чтобъ я собрался на прогулку. Замѣтивъ, вѣроятно, мое недоумѣніе, онъ прибавилъ: „часа два вамъ разрѣшается гулять ежедневно, пока вы находитесь подъ слѣдствіемъ."

Чѣмъ то комичнымъ, въ тюрьмѣ, показалось мнѣ въ первый разъ выраженіе „гулять." Однако я съ удовольствіемъ послушался, поспѣшно взялъ свою фуражку и мы вышли на дворъ. Тамъ, надзиратель, подозвавъ солдата-часового, шопотомъ отдалъ ему какое-то приказаніе, и объявилъ мнѣ, что я могу гулять по всему двору въ какомъ угодно направленіи. Дворъ былъ большой, съ трехъ сторонъ окруженный стѣнами тюрьмы и зданіемъ суда, а съ четвертой — высокимъ заборомъ, изъ-за котораго виднѣлись сады и городскія постройки.

Стоялъ жаркій день. Одинаково душно было какъ на припекѣ, такъ и въ тѣни. Я ходилъ вдоль и поперекъ двора, то глядя черезъ заборъ, то всматриваясь во множество рѣшетчатыхъ оконъ, окружавшихъ меня. Въ одномъ изъ оконъ судебнаго зданія я увидалъ двухъ офицеровъ, смотрѣвшихъ внизъ на меня.

За рѣшетками то тамъ, то здѣсь показывалась иногда сѣрая фигура арестанта. Мундиръ военнаго врача видимо возбуждалъ любопытство. Военный докторъ въ тюрьмѣ — это вѣдь почти небывалое явленіе! Я испытывалъ при этомъ двойное чувство: съ одной стороны было неловко ходить передъ любопытными зрителями — подобно звѣрю въ желѣзной клѣткѣ, съ другой стороны было что-то забавное, интересное для меня въ этомъ положеніи,

напоминавшемъ мнѣ плѣнныхъ героевъ на войнѣ.

Порою я какъ бы не вѣрилъ дѣйствительности, и мнѣ думалось: ужь не шутка ли это, которая всякую минуту должна прекратиться? Или же это — неразумная, жалкая дѣйствительность! Но зналъ твердо одно, — то, во что̀ я и раньше вѣрилъ и дѣйствительность чего и раньше испытывалъ, а именно, — что для человѣка, живущаго той жизнью, которая меня привела къ отказу, внѣшнія условія не имѣютъ важности, не могутъ пошатнуть ту твердую почву, на которой онъ стоитъ. Сознаніе того, что я *стою*, и люди не имѣютъ ко мнѣ доступа и возможности опрокинуть меня, дѣлало для меня тюрьму чѣмъ-то очень простымъ и сноснымъ. Я думалъ такъ же, какъ и прежде, чувствовалъ себя такъ же, относился къ людямъ такъ же, и ложился спать въ ту первую ночь такъ же, какъ и всегда, только съ примѣсью нѣкотораго чувства, что я нахожусь въ немножко странной и немножко неудобной квартирѣ.

Внутренняя жизнь продолжалась во мнѣ такая же, какъ прежде, и шла даже болѣе напряженно и усиленно, чѣмъ, бывало, на свободѣ. Расположеніе духа моего въ тюрьмѣ вообще бывало съ одной стороны такое же уравновѣшенное, съ другой стороны — я чувствовалъ тѣ же слабости свои, какія испытывалъ, живя и на свободѣ, и тѣ же угрызенія совѣсти за нихъ по временамъ. Такъ что тутъ не было никакого геройства. Все мое спокойствіе, вся удовлетворенность происходили просто отъ того, что ничто внѣшнее не мѣшало во мнѣ тому, въ чемъ я полагаю сущность своей жизни. Когда я чувствовалъ въ себѣ притокъ *жизни внѣчной*, — ничто не мѣшало свободному общенію съ Богомъ, на сколько я способенъ на такое общеніе, и потому я, по мѣрѣ своего сознанія, продолжалъ по-

прежнему дѣлать свое дѣло, т. е. разъяснять себѣ смыслъ жизни.

Первые дни моего пребыванія въ тюрьмѣ, оба тюремные надзирателя, старшій и младшій, относились ко мнѣ сдержанно, съ нѣкоторыми попытками показать свою власть надо мной — арестантомъ. Но, когда они увидѣли, что это меня не задѣваетъ, то отношеніе ихъ быстро стало измѣняться: исполнители жестокихъ тюремныхъ законовъ и беззаконій оказались такими же людьми, какъ и всѣ, т. е. способными дѣлать не одно только зло, но и добро. Кромѣ того, что постепенно мы сами ближе узнали другъ друга — нашему сближенію способствовали и письма, получаемыя мною отъ моихъ друзей, которыя раньше, чѣмъ дойти до меня, прочитывались прежде начальствомъ, а потомъ и надзирателями, а неофиціально — также и женами ихъ. Интересное содержаніе этихъ писемъ, любовный тонъ ихъ еще больше вызывалъ ихъ благорасположеніе и сочувствіе ко мнѣ, и они все чаще и чаще стали заводить со мной подробные разговоры и задавать мнѣ разные вопросы, относившіеся къ моимъ взглядамъ и моей личной жизни. Я, какъ всегда, охотно отвѣчалъ имъ, не скрывая передъ ними своего внутренняго міра, и, наоборотъ, показывая имъ все то, что, какъ я думалъ, было имъ интересно и доступно во мнѣ. Кромѣ того мною дорожили еще и потому, что я давалъ имъ иногда совѣты и объясненія по медицинской части. Мы скоро сблизились на столько, что обоюдно стали цѣнить наше знакомство. Открывать свою душу людямъ и видѣть душу другого всегда, вѣдь, составляетъ дорогое и важное дѣло жизни. Дружба эта способствовала въ скоромъ времени установле

нію все большей личной свободы моей, такъ что они, а въ особенности младшій надзиратель, старались разными мелочами, имѣющими, однако, большое значеніе для заключеннаго, угождать мнѣ и этимъ, конечно, облегчали мою судьбу. Видя, напримѣръ, что мнѣ это пріятно, они стали оставлять меня на дворѣ дольше назначеннаго срока; дверь моей камеры оставляли открытою, такъ что я могъ говорить съ другими сосѣдними арестантами, могъ даже ходить въ другія камеры, обмѣниваться книгами и т. п.

Мнѣ пришлось такимъ образомъ познакомиться съ людьми самыхъ разнообразныхъ національностей и самаго разнообразнаго типа. Пришлось увидѣть, что арестанты имѣютъ свою обширную и преинтересную хронику, которая передается по традиціи отъ одного поколѣнія другому, имѣютъ свои новости дня, изучаютъ и знаютъ характеры другъ друга, имѣютъ общія всѣмъ симпатіи и антипатіи, понятныя однимъ только имъ самимъ—арестантамъ.

Въ тюрьмѣ, въ этихъ неестественныхъ и крайне противныхъ человѣческой природѣ условіяхъ, складывается своеобразная жизнь, складываются своеобразные взгляды, отношенія и привычки, но пульсъ жизни въ людяхъ продолжаетъ биться, и никакія строгія мѣры и старанія остановить его не могутъ этого достигнуть. Такъ потоптанная, искалѣченная трава на дворѣ все таки продолжаетъ расти изъ подъ придавившаго ее камня, стремясь вылѣзть изъ подъ него, хотя бы однимъ только кончикомъ стебелька.

Изъ проходящихъ мимо моей двери арестантовъ, многіе останавливались, хотя бы на нѣсколько мгновеній, чтобы получить папиросу, другіе въ разговорѣ охотно передавали мнѣ свою исторію или свои тюремныя наблюденія, изъ которыхъ многія были очень трогательны и интересны.

тетъ, полныхъ вѣры въ свои силы и надеждъ на будущее. Видя насъ, гуляющихъ подъ руку въ новыхъ, красивыхъ военныхъ мундирахъ, шумно бесѣдующихъ, смѣющихся и напѣвающихъ опереточные мотивы, — ни одинъ посторонній зритель не угадалъ бы, что среди этой беззаботно-веселой компаніи находился одинъ, котораго только что привезли изъ дома умалишенныхъ и котораго могутъ во всякое время увезти въ тюрьму, неизвѣстно на сколько времени. Да и мнѣ самому въ тѣ минуты, когда я думалъ про себя, такое свое положеніе казалось и страннымъ, и невѣроятнымъ.

X.

ПЕРВОЕ ВРЕМЯ ВЪ ТЮРЬМѢ.

Не долго, однако, пришлось мнѣ пользоваться прогулками въ больничномъ саду и обществомъ товарищей-докторовъ. На второй же день моего пріѣзда, послѣ полудня, вошелъ ко мнѣ въ комнату санитарный капитанъ и сообщилъ мнѣ, что полученъ приказъ отъ корпуснаго командира о томъ, чтобы немедленно препроводить меня въ гарнизонную тюрьму. Хотя я и былъ готовъ къ этому, и не могъ ожидать ничего другого, — все же это извѣстіе взволновало меня, и сердце во мнѣ ускоренно забилось. Но я хорошо помню и то, что во мнѣ не поднялось ни малѣйшаго ропота, ни малѣйшаго негодованія противъ судьбы; я сейчасъ же внимательно сталъ собирать свои разложенныя по комнатѣ вещи и наскоро уложилъ ихъ въ чемоданъ.

Извѣстіе это взволновало меня, но не вызвало во мнѣ того мрачнаго настроенія, которое испытывается, какъ мнѣ кажется, большинствомъ людей, попадающихъ въ тюрьму. Твердое сознаніе того, что отказъ мой былъ вполнѣ законнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всей моей предшествовавшей жизни, — сознаніе это никогда не покидало меня и потому не давало во мнѣ мѣста никакому страху, а тѣмъ болѣе чувству стыда или сомнѣнія. Я не питалъ даже ни малѣйшаго негодованія противъ кого бы то ни было, уже по одному тому, что

рѣшительно не могъ бы указать на виновниковъ моего ареста, которыхъ, вѣдь, и не было въ отдѣльности. Я знаю, что всѣ — виновники и участники, (одинъ въ большей, другой въ меньшей степени), того зла, которое душитъ насъ, и, сознавая, что моимъ отказомъ я пробиваю стѣну для себя и, быть можетъ, для другихъ, чувствовалъ, что дѣло это — безъ затрудненій, безъ столкновеній съ людьми немыслимо. Кромѣ всего этого, я постоянно находилъ среди людей, которые преслѣдовали меня, больше сочувствія и состраданія, чѣмъ можно было ожидать, и понималъ, что они поступаютъ со мною такъ не по личному желанію или озлобленію, а единственно вслѣдствіе того положенія, въ которомъ они находятся и изъ котораго выбраться не умѣютъ. Да развѣ я самъ не задолго до того времени, вопреки сознанію, не содѣйствовалъ тому же самому, чему они теперь содѣйствуютъ, когда употреблялъ свои научныя знанія на то, чтобы выдавать притворяющихся больными рекрутовъ, которыхъ за это судили и карали?! Развѣ такимъ образомъ я тоже не участвовалъ въ насиліи надъ людьми? Разница между мной и тѣми людьми, которые угнетали меня, была единственно та, что я скорѣе ихъ увидѣлъ опасность нашего общаго положенія и скорѣе или удачнѣе выпутался изъ сѣтей лжи, въ которыхъ мы всѣ запутаны. Хотя въ то время я и не давалъ себѣ вполнѣ яснаго отчета въ томъ, что высказываю теперь, но чувство это, тѣмъ не менѣе, и тогда жило во мнѣ сознательно, безъ чего я не могъ бы оставаться внутренно столь спокойнымъ, какимъ былъ.

Столкновеніе, въ которое я попалъ вслѣдствіе того, что вырвался изъ одной области узаконенной, признанной всѣми, связывающей насъ лжи и путаницы, — я считалъ неизбѣжнымъ и вполнѣ естес-

твеннымъ. Кромѣ того, столкновеніе это не было уже первымъ въ моей жизни. Съ тѣхъ поръ, какъ я перемѣнилъ свое отношеніе къ жизни, мнѣ пришлось переживать не мало столкновеній съ самыми близкими мнѣ людьми, хотя ни одно изъ нихъ не обнаруживалось такъ ярко и рѣзко, какъ это послѣднее. При подобныхъ столкновеніяхъ не столько тяжелы послѣдствія, какъ та внутренняя борьба, которая совершается въ человѣкѣ *до* наступленія душевнаго кризиса, сворачивающаго его путь по другому направленію. Когда же внутренняя борьба доведена уже до самаго конца, т. е. когда работа сдѣлана, тогда ужъ не трудны и послѣдствія, вродѣ судебныхъ допросовъ, сажанія въ сумасшедшіе дома, грубостей сторожей, тюремныхъ надзирателей и т. п., они являются неважными, второстепенными сраженіями послѣ главнаго, рѣшительнаго. Главное сраженіе, я сознавалъ, было выиграно, побѣда была на моей сторонѣ, и это невольно чувствовалось даже тѣми, которые находились въ противномъ мнѣ лагерѣ.

Въ тюрьму провожалъ меня молодой офицеръ, съ которымъ я былъ немножко знакомъ. По улицамъ мы шли молча одинъ возлѣ другого. Я волновался, надѣясь встрѣтить на улицѣ кого нибудь изъ знакомыхъ, но, однако, никого изъ нихъ не встрѣтилъ. Подходя къ зданію тюрьмы, мой провожатый, какъ бы желая ободрить меня, сказалъ мнѣ: „будьте спокойны, докторъ. Die Suppe wird nie so heiss gegessen, wie sie gekocht wird.“ (Послѣдствія никогда не бываютъ такъ страшны, какъ ожидаютъ).

Войдя въ контору тюрьмы офицеръ передалъ меня тюремному надзирателю, который видно уже зналъ про меня и, записавъ меня въ протоколъ, повелъ

широкимъ коридоромъ въ камеру 1-го разряда *), предназначенную для арестантовъ, находящихся подъ слѣдствіемъ.

Камера, въ которую мы вошли, была бы похожа на обыкновенную маленькую комнату, если бы толстая, желѣзомъ обитая дверь и высоко, подъ самымъ потолкомъ помѣщенное узкое окно, съ толстыми желѣзными прутьями и проволочной сѣтью, не придавали ей особеннаго вида.

— Вотъ, это будетъ пока вашимъ помѣщеніемъ, — сказалъ мнѣ надзиратель и, указавъ на тетрадь, лежавшую на столѣ, внушительно посовѣтовалъ прочесть ее. Тетрадь эта, какъ я позже увидѣлъ, содержала „тюремныя правила“. Потомъ, окинувъ меня взглядомъ знатока, какъ бы спрашивавшимъ: „за что ты сюда попалъ?“ — надзиратель безъ дальнѣйшихъ разговоровъ удалился, затворивъ за собою тяжелую дверь камеры. Вслѣдъ за тѣмъ громко и звонко щелкнулъ ключъ въ замкѣ, звукомъ этимъ какъ бы и въ моей душѣ задѣвая за что-то чувствительное. . .

Я остался одинъ съ странными чувствами не то удивленія, не то недоумѣнія и сталъ осматривать свою новую квартиру. Комната была небольшая, но довольно свѣтлая. Выбѣленныя стѣны ея были запачканы слѣдами раздавленныхъ клоповъ; около одной стѣны стояла желѣзная кровать военнаго образца, полированный столикъ, стулъ, шкапъ, умывальный приборъ и въ одномъ углу четырехугольный деревянный ящикъ, съ чугуннымъ сосудомъ внутри, своимъ смраднымъ запахомъ отравлявшій воздухъ въ камерѣ.

Первыя минуты моего заключенія мнѣ почему-то

*) Къ арестантамъ 1-го разряда причисляются офицеры и военные чиновники, ко 2-му — всѣ низшіе чины.

показалось, что изъ цѣлаго міра для меня остался только я самъ и эта неуютная камера, въ которую меня посадили. Про арестантскую жизнь до тѣхъ поръ я почти ничего не зналъ и потому думалъ, что быть арестантомъ, значитъ быть совершенно отрѣзаннымъ отъ всякаго человѣческаго общенія съ другими людьми, — значитъ, кромѣ самаго себя и своихъ мыслей, не имѣть ничего. Одиночества внѣшняго, однако, я не боялся: еще бывши студентомъ я успѣлъ до извѣстной степени сжиться и привыкнуть къ одиночеству. А въ душѣ я не сомнѣвался въ томъ, что буду *не одинъ*, и что потому мнѣ не будетъ скучно.

Я долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, обсуждая свое новое положеніе. Потомъ взялъ тетрадь съ тюремными правилами и сталъ читать ихъ. Сначала шло перечисленіе разныхъ строгихъ правилъ тюремной дисциплины, которымъ подлежитъ всякій арестантъ; потомъ шли наставленія о томъ, какъ долженъ вести себя арестантъ по отношенію ко всѣмъ, начиная отъ караульнаго солдата — до коменданта тюрьмы; затѣмъ слѣдовало перечисленіе того, что запрещается арестантамъ, какъ-то: пѣніе, посвистываніе, бдѣніе ночью и т. п.; и подъ конецъ — указаніе на льготы, какими онъ можетъ пользоваться, если окажется смирнаго и послушнаго поведенія.

Когда я вычиталъ изъ этой тетради, что до тѣхъ поръ, пока нахожусь подъ слѣдствіемъ, я могу получать и отправлять письма въ неограниченномъ количествѣ, (хотя и съ условіемъ, что они будутъ проходить черезъ руки начальства), и что мнѣ можно видѣться со всѣми знакомыми и друзьями, которые захотятъ видѣть меня, то обрадовался этому, какъ радуются люди неожиданно оказанному имъ благодѣянію. Въ военной императорско-коро-

левской тюрьмѣ я, право, не ожидалъ встрѣтить эти, хотя и маленькія, но все же гуманныя мѣры. Такъ, напр., мнѣ показалось сначала, что я не разобралъ хорошенько словъ надзирателя, когда тотъ, снова войдя въ камеру, сказалъ мнѣ, чтобъ я собрался на прогулку. Замѣтивъ, вѣроятно, мое недоумѣніе, онъ прибавилъ: „часа два вамъ разрѣшается гулять ежедневно, пока вы находитесь подъ слѣдствіемъ.“

Чѣмъ то комичнымъ, въ тюрьмѣ, показалось мнѣ въ первый разъ выраженіе „гулять.“ Однако я съ удовольствіемъ послушался, поспѣшно взялъ свою фуражку и мы вышли на дворъ. Тамъ, надзиратель, подозвавъ солдата-часового, шопотомъ отдалъ ему какое-то приказаніе, и объявилъ мнѣ, что я могу гулять по всему двору въ какомъ угодно направленіи. Дворъ былъ большой, съ трехъ сторонъ окруженный стѣнами тюрьмы и зданіемъ суда, а съ четвертой — высокимъ заборомъ, изъ-за котораго виднѣлись сады и городскія постройки.

Стоялъ жаркій день. Одинаково душно было какъ на припекѣ, такъ и въ тѣни. Я ходилъ вдоль и поперекъ двора, то глядя черезъ заборъ, то всматриваясь во множество рѣшетчатыхъ оконъ, окружавшихъ меня. Въ одномъ изъ оконъ судебнаго зданія я увидалъ двухъ офицеровъ, смотрѣвшихъ внизъ на меня.

За рѣшетками то тамъ, то здѣсь показывалась иногда сѣрая фигура арестанта. Мундиръ военнаго врача видимо возбуждалъ любопытство. Военный докторъ въ тюрьмѣ — это вѣдь почти небывалое явленіе! Я испытывалъ при этомъ двойное чувство: съ одной стороны было неловко ходить передъ любопытными зрителями — подобно звѣрю въ желѣзной клѣткѣ, съ другой стороны было что-то забавное, интересное для меня въ этомъ положеніи.

показалось, что изъ цѣлаго міра для меня остался только я самъ и эта неуютная камера, въ которую меня посадили. Про арестантскую жизнь до тѣхъ поръ я почти ничего не зналъ и потому думалъ, что быть арестантомъ, значитъ быть совершенно отрѣзаннымъ отъ всякаго человѣческаго общенія съ другими людьми, — значитъ, кромѣ самаго себя и своихъ мыслей, не имѣть ничего. Одиночества внѣшняго, однако, я не боялся: еще бывши студентомъ я успѣлъ до извѣстной степени сжиться и привыкнуть къ одиночеству. А въ душѣ я не сомнѣвался въ томъ, что буду *не одинъ*, и что потому мнѣ не будетъ скучно.

Я долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, обсуждая свое новое положеніе. Потомъ взялъ тетрадь съ тюремными правилами и сталъ читать ихъ. Сначала шло перечисленіе разныхъ строгихъ правилъ тюремной дисциплины, которымъ подлежитъ всякій арестантъ; потомъ шли наставленія о томъ, какъ долженъ вести себя арестантъ по отношенію ко всѣмъ, начиная отъ караульнаго солдата — до коменданта тюрьмы; затѣмъ слѣдовало перечисленіе того, что̀ запрещается арестантамъ, какъ-то: пѣніе, посвистываніе, бдѣніе ночью и т. п.; и подъ конецъ — указаніе на льготы, какими онъ можетъ пользоваться, если окажется смирнаго и послушнаго поведенія.

Когда я вычиталъ изъ этой тетради, что до тѣхъ поръ, пока нахожусь подъ слѣдствіемъ, я могу получать и отправлять письма въ неограниченномъ количествѣ, (хотя и съ условіемъ, что они будутъ проходить черезъ руки начальства), и что мнѣ можно видѣться со всѣми знакомыми и друзьями, которые захотятъ видѣть меня, то обрадовался этому, какъ радуются люди неожиданно оказанному имъ благодѣянію. Въ военной императорско-коро-

прежнему дѣлать свое дѣло, т. е. разъяснять себѣ смыслъ жизни.

Первые дни моего пребыванія въ тюрьмѣ, оба тюремные надзирателя, старшій и младшій, относились ко мнѣ сдержанно, съ нѣкоторыми попытками показать свою власть надо мной — арестантомъ. Но, когда они увидѣли, что это меня не задѣваетъ, то отношеніе ихъ быстро стало измѣняться: исполнители жестокихъ тюремныхъ законовъ и беззаконій оказались такими же людьми, какъ и всѣ, т. е. способными дѣлать не одно только зло, но и добро. Кромѣ того, что постепенно мы сами ближе узнали другъ друга — нашему сближенію способствовали и письма, получаемыя мною отъ моихъ друзей, которыя раньше, чѣмъ дойти до меня, прочитывались прежде начальствомъ, а потомъ и надзирателями, а неофиціально — также и женами ихъ. Интересное содержаніе этихъ писемъ, любовный тонъ ихъ еще больше вызывалъ ихъ благорасположеніе и сочувствіе ко мнѣ, и они все чаще и чаще стали заводить со мной подробные разговоры и задавать мнѣ разные вопросы, относившіеся къ моимъ взглядамъ и моей личной жизни. Я, какъ всегда, охотно отвѣчалъ имъ, не скрывая передъ ними своего внутренняго міра, и, наоборотъ, показывая имъ все то, что, какъ я думалъ, было имъ интересно и доступно во мнѣ. Кромѣ того мною дорожили еще и потому, что я давалъ имъ иногда совѣты и объясненія по медицинской части. Мы скоро сблизились на столько, что обоюдно стали цѣнить наше знакомство. Открывать свою душу людямъ и видѣть душу другого всегда, вѣдь, составляетъ дорогое и важное дѣло жизни. Дружба эта способствовала въ скоромъ времени установле

напоминавшемъ мнѣ плѣнныхъ героевъ на войнѣ.

Порою я какъ бы не вѣрилъ дѣйствительности, и мнѣ думалось: ужь не шутка ли это, которая всякую минуту должна прекратиться? Или же это — неразумная, жалкая дѣйствительность! Но зналъ твердо одно, — то, во что̀ я и раньше вѣрилъ и дѣйствительность чего и раньше испытывалъ, а именно, — что для человѣка, живущаго той жизнью, которая меня привела къ отказу, внѣшнія условія не имѣютъ важности, не могутъ пошатнуть ту твердую почву, на которой онъ стоитъ. Сознаніе того, что я *стою*, и люди не имѣютъ ко мнѣ доступа и возможности опрокинуть меня, дѣлало для меня тюрьму чѣмъ-то очень простымъ и сноснымъ. Я думалъ такъ же, какъ и прежде, чувствовалъ себя такъ же, относился къ людямъ такъ же, и ложился спать въ ту первую ночь такъ же, какъ и всегда, только съ примѣсью нѣкотораго чувства, что я нахожусь въ немножко странной и немножко неудобной квартирѣ.

Внутренняя жизнь продолжалась во мнѣ такая же, какъ прежде, и шла даже болѣе напряженно и усиленно, чѣмъ, бывало, на свободѣ. Расположеніе духа моего въ тюрьмѣ вообще бывало съ одной стороны такое же уравновѣшенное, съ другой стороны — я чувствовалъ тѣ же слабости свои, какія испытывалъ, живя и на свободѣ, и тѣ же угрызенія совѣсти за нихъ по временамъ. Такъ что тутъ не было никакого геройства. Все мое спокойствіе, вся удовлетворенность происходили просто отъ того, что ничто внѣшнее не мѣшало во мнѣ тому, въ чемъ я полагаю сущность своей жизни. Когда я чувствовалъ въ себѣ притокъ *жизни вѣчной*, — ничто не мѣшало свободному общенію съ Богомъ, на сколько я способенъ на такое общеніе, и потому я, по мѣрѣ своего сознанія, продолжалъ по

Разъ я стоялъ въ дверяхъ моей камеры, а въ корридорѣ недалеко отъ меня находился арестантъ — длинноногій словакъ, держа въ одной рукѣ ведро съ известью, а въ другой кисть, которой онъ обмазывалъ нечистыя мѣста на стѣнѣ корридора. Пока я его разсматривалъ, онъ подошелъ ко мнѣ совсѣмъ близко. Мнѣ хотѣлось знать, кто онъ, этотъ уже не молодой арестантъ съ кроткимъ выраженіемъ лица.

Сначала я спросилъ его: давно ли онъ сидитъ?

— Третій мѣсяцъ уже.

— А долго ли тебѣ придется еще сидѣть?

— Еще мѣсяца три.

— За что же тебя посадили?

— За что? За то, что меня дома не было въ то время, когда меня, какъ запасного, призывали къ службѣ.... Я жилъ года четыре въ Америкѣ, тамъ работали.... А какъ вернулся домой на родину, то, спустя немного времени, явились жандармы за мной и увели меня.

— А что, есть у тебя жена? спросилъ я его.

— То-то, что есть, да еще больная. И дѣтей двое есть.... Нечѣмъ имъ кормиться, некому работать на полѣ! сказалъ онъ тихо и грустно, и глаза у него блестѣли, наполнившись слезами, межъ тѣмъ какъ онъ машинально продолжалъ разводить кистью все по одному и тому же мѣсту.

Обыкновенно принято думать, что арестанты — или огрубѣвшіе, полудикіе изверги, — люди, въ которыхъ вымерло все лучшее, и въ которыхъ осталось одно скверное, или же, что въ тюрьмы попадаютъ непремѣнно самые худшіе члены общества, и хотя въ этихъ мнѣніяхъ и есть доля правды, но лишь въ томъ отношеніи, что люди, попавшіе въ тюрьму, теряютъ тамъ въ значительной степени свою честность и прежнее достоинство и становятся,

нію все большей личной свободы моей, такъ что они, а въ особенности младшій надзиратель, старались разными мелочами, имѣющими, однако, большое значеніе для заключеннаго, угождать мнѣ и этимъ, конечно, облегчали мою судьбу. Видя, напримѣръ, что мнѣ это пріятно, они стали оставлять меня на дворѣ дольше назначеннаго срока; дверь моей камеры оставляли открытою, такъ что я могъ говорить съ другими сосѣдними арестантами, могъ даже ходить въ другія камеры, обмѣниваться книгами и т. п.

Мнѣ пришлось такимъ образомъ познакомиться съ людьми самыхъ разнообразныхъ національностей и самаго разнообразнаго типа. Пришлось увидѣть, что арестанты имѣютъ свою обширную и преинтересную хронику, которая передается по традиціи отъ одного поколѣнія другому, имѣютъ свои новости дня, изучаютъ и знаютъ характеры другъ друга, имѣютъ общія всѣмъ симпатіи и антипатіи, понятныя однимъ только имъ самимъ—арестантамъ.

Въ тюрьмѣ, въ этихъ неестественныхъ и крайне противныхъ человѣческой природѣ условіяхъ, складывается своеобразная жизнь, складываются своеобразные взгляды, отношенія и привычки, но пульсъ жизни въ людяхъ продолжаетъ биться, и никакія строгія мѣры и старанія остановить его не могутъ этого достигнуть. Такъ потоптанная, искалѣченная трава на дворѣ все таки продолжаетъ расти изъ подъ придавившаго ее камня, стремясь вылѣзть изъ подъ него, хотя бы однимъ только кончикомъ стебелька.

Изъ проходящихъ мимо моей двери арестантовъ, многіе останавливались, хотя бы на нѣсколько мгновеній, чтобы получить папиросу, другіе въ разговорѣ охотно передавали мнѣ свою исторію или свои тюремныя наблюденія, изъ которыхъ многія были очень трогательны и интересны.

вѣкъ), которая вызвала общій хохотъ. Арестантъ сильно покраснѣлъ, хотѣлъ сказать что-то, но губы у него задрожали и онъ расплакался громко, навзрыдъ. . . .

И вотъ такихъ людей сажаютъ въ тюрьму! Кто? Сочинители тюремныхъ законовъ, судьи, начальники; а содержатъ ихъ въ тюрьмахъ разные надзиратели и сторожа, которые всѣ считаютъ себя безконечно выше и лучше всѣхъ арестантовъ, между тѣмъ, какъ рѣдкій изъ нихъ можетъ не то, что проявить, но даже оцѣнить подобную чуткость, и всѣ они по большей части сами — грубые и безнравственные люди.

Ради хорошаго воздуха, солнечнаго свѣта и тепла, ради встрѣчи съ нѣкоторыми людьми, съ которыми я могъ встрѣчаться только на дворѣ, я любилъ по возможности долго оставаться на воздухѣ. Лишь только я выходилъ изъ дверей на дворъ, ко мнѣ со всѣхъ сторонъ сбѣгались куры, которыя уже знали меня, и которыхъ я приручилъ къ себѣ хлѣбомъ. Мнѣ доставляло удовольствіе, когда они безбоязненно вспрыгивали мнѣ на колѣни, давали себя ласкать и хватали изъ рукъ хлѣбъ, который я раздавалъ имъ въ большомъ количествѣ. Иногда же, сидя на землѣ, я подолгу наблюдалъ разныхъ насѣкомыхъ, или же смотрѣлъ на игру облаковъ и любовался колоритомъ неба.

Спустя нѣкоторое время, надзиратели стали брать меня съ собой въ свой садъ, смежный съ тюремнымъ дворомъ. Эта замѣна пустого двора зеленымъ густымъ садомъ всегда бывала мнѣ очень пріятна; тамъ я вмѣстѣ съ хозяевами сада и ихъ женами собиралъ фасоль, срывалъ спѣлые томаты, помогалъ

— вслѣдствіе тѣхъ безобразныхъ, дикихъ условій, которыя существуютъ во всякой тюрьмѣ, — огрубѣлыми и нравственно притупленными людьми. Въ общемъ же въ тюрьмы попадаютъ люди такіе же самые, какихъ мы обыкновенно встрѣчаемъ въ жизни вездѣ, и многіе изъ попадающихъ туда, даже между уголовными преступниками, — люди тонкаго и чуткаго склада. Для иллюстраціи этого, — многимъ, впрочемъ, извѣстнаго факта, — приведу одинъ случай изъ тѣхъ нѣсколькихъ, которые мнѣ пришлось наблюдать за короткій срокъ моего пребыванія въ тюрьмѣ.

Я стоялъ въ дверяхъ моей камеры и смотрѣлъ на ежедневно два раза повторяющуюся сцену — осматриванія возвращающихся изъ города арестантовъ-работниковъ, — не принесли ли они съ собою запрещенныхъ вещей въ родѣ: табаку, денегъ и т. п. Дѣлалось это такъ: арестанты должны были стать въ одинъ рядъ, раздѣться до нага, сложивъ каждый всю одежду въ одну кучку передъ собой. Надзиратели и сторожа осматривали, съ удивительной быстротой знатоковъ всякій шовъ на каждой рубашкѣ и подъ конецъ грубымъ и циничнымъ образомъ также и тѣла голыхъ арестантовъ. Арестанты, уже привыкшіе къ этой процедурѣ, сами относились къ ней или равнодушно, или же цинично. Въ тотъ разъ, о которомъ я говорю, между арестантами-работниками былъ одинъ, повидимому, новичекъ, въ первый разъ подвергнувшійся этому осмотру и въ первый разъ видѣвшій подобную сцену. Когда уже всѣ раздѣлись, онъ стоялъ нерѣшительно въ нижнемъ бѣльѣ. Товарищи толкали его, чтобы онъ раздѣлся, но онъ весь сконфуженный стоялъ по прежнему. Тогда надзиратель заревѣлъ на него, прибавивъ грубую шутку на счетъ его жены (арестантъ этотъ былъ семейный чело-

жизни своихъ знакомыхъ, и, окончивъ свой разсказъ, смотритъ на меня съ ожиданіемъ и любопытствомъ, — не стану ли и я тоже ему разсказывать про себя; но не рѣшается на словахъ высказать своей просьбы, такъ какъ видитъ во мнѣ хотя и арестанта, но все же барина; а быть можетъ его сдерживаетъ извѣстная деликатность, которая въ мужикѣ бываетъ часто очень тонко развита, и онъ боится дотронуться до больного во мнѣ мѣста; чаще всего, конечно, у такого солдатика могло явиться предположеніе, что я — или укралъ казенныя деньги, или подрался, такъ какъ это бываетъ самымъ частымъ поводомъ для арестованія офицеровъ. И нѣкоторые изъ наиболѣе простодушныхъ прямо задавали мнѣ такой вопросъ.

Зная, какимъ страннымъ и непонятнымъ долженъ казаться большинству людей отказъ отъ военной службы безъ всякихъ внѣшнихъ побужденій, а также вслѣдствіе неохоты разсказывать о себѣ, что со мной часто бываетъ, — я кратко объяснялъ имъ приблизительно такъ: „Вѣра у меня такая, что не могу служить“, или „совѣсть не позволяетъ дослужить.“

Изъ подобнаго отвѣта собесѣдникъ мой обыкновенно выводилъ то заключеніе, что я вѣроятно принадлежу къ сектѣ Назаренъ.

Съ нѣкоторыми изъ солдатъ разговоръ у меня заходилъ и дальше — говорили о томъ, слѣдуетъ ли отказываться отъ военной службы и почему, и т. д. Такой разговоръ кончался, какъ обыкновенно бываетъ, съ простыми людьми, — согласіемъ моего собесѣдника съ тѣмъ, что несомнѣнно хорошо было бы, если бы всѣ отказались: но одному, говорили они, трудно, придется много страдать, и ничего изъ того не выйдетъ.

Конечно огромное большинство людей, почти всѣ,

очищать капусту отъ гусеницъ, или же просто бездѣльничалъ, гуляя между высокой, какъ молодой лѣсъ, американской кукурузой. Въ саду этомъ мнѣ бывало такъ хорошо, что я совершенно забывалъ, гдѣ я нахожусь, и напрасно старался иногда уловить разницу между жизнью моей на свободѣ и въ заключеніи. Я чувствовалъ, что жизнь моя за послѣдніе мѣсяцы ни сколько не стала хуже, а, наоборотъ, многое въ ней перемѣнилось къ лучшему, — я чувствовалъ себя свободнымъ.

Кромѣ хозяевъ въ садъ иногда приходили ихъ знакомые, и тогда нерѣдко завязывались оживленныя бесѣды и споры. Всѣ они относились ко мнѣ съ извѣстнымъ уваженіемъ (отчасти потому, что я былъ докторомъ), хотя и ниже тономъ, чѣмъ относились бы при иныхъ условіяхъ, но за то, во всякомъ случаѣ, проще и откровеннѣе. Женщины часто угощали меня фруктами, а мущины — папиросами. Они жалѣли меня, когда рѣчь шла о моей судьбѣ, и недоумѣвали, какъ могъ я добровольно обмѣнять такое хорошее общественное положеніе — на жизнь въ тюрьмѣ.

Большей же частью, даже во время прогулокъ на дворѣ, я проводилъ время одинъ, самъ съ собой, съ своими мыслями и воображеніемъ, нисколько не нуждаясь въ обществѣ людей. Только тогда, когда у меня являлась охота, я заговаривалъ съ караульнымъ солдатомъ, приставленнымъ ко мнѣ. По распоряженію начальства меня, какъ арестанта вполнѣ надежнаго, часовой провожалъ безъ ружья, съ однимъ штыкомъ у нояса, и потому я могъ съ нимъ и посидѣть, и побесѣдовать, что вообще не полагается.

Бывало, иной изъ нихъ разсказываетъ мнѣ съ наивной откровенностью, свойственной простому народу, разныя событія изъ своей жизни, или изъ

XI.

ДОПРОСЪ, ОТНЯТІЕ ДИПЛОМА, СУДЪ И ПРИГОВОРЪ.

Приблизительно на восьмой день моего заключенія въ тюрьму состоялся первый настоящій допросъ, такъ какъ состоявшійся три мѣсяца передъ тѣмъ, въ то время, когда меня держали въ больницѣ, считался лишь предварительнымъ.

Мое дѣло было корпуснымъ командиромъ передано маіору-аудитору Балабану, которого всѣ считали самымъ строгимъ и безпощаднымъ исполнителемъ военныхъ законовъ, за что офицеры и прозвали его „палачемъ“. Надзиратели, и бывшіе въ то время подъ арестомъ офицеры, сторожа и вообще всѣ, кто его знали, разсказывали о разныхъ случаяхъ жестокости изъ его судебной практики и видѣли нежелательное для меня усложненіе въ томъ, что дѣло мое попалось именно въ его руки; меня же это обстоятельство нисколько не тревожило, такъ какъ мнѣ было рѣшительно безразлично, кто и какъ меня будутъ судить. Я думалъ: если мнѣ придется страдать, то довольно и того страданія, которое наступитъ потомъ, зачѣмъ-же прибавлять себѣ огорченія заранѣе? (Мнѣ вообще мало или совсѣмъ не свойственно безпокоиться о будущемъ). И сверхъ того, этотъ „палачъ“ казался мнѣ не такимъ ужъ

согласны съ идеей уничтоженія войска и общей воинской повинности, ужъ хотя бы ради личной матерьяльной выгоды, но единичный отказъ, да еще въ ущербъ личной выгодѣ, чуждъ имъ. Дойдя до этого punctum saliens вопроса, мы обыкновенно не продолжали разговора, ибо съ этого пункта уже начинаются духовные, непонятные большинству людей интересы, и я продолжалъ его вести только мысленно съ самимъ собою.

Мнѣ не свойственно посредствомъ разговоровъ внушать людямъ свои убѣжденія, свои взгляды на жизнь и „дѣлать прозелитовъ," такъ какъ считаю это напраснымъ и ошибочнымъ стараніемъ въ духовной области, а впрочемъ, можетъ быть, и потому, что просто не умѣю этого дѣлать.

„Приходятъ только тѣ, которыхъ привлекаетъ Отецъ", сказалъ Христосъ.

Мнѣ кажется, что ростъ всего дѣйствительно духовнаго, Божескаго, а не того, что̀ имѣетъ часто видъ его, зависитъ не отъ умныхъ и краснорѣчивыхъ разсужденій и доказательствъ, а отъ того, что единственно зажигаетъ сердца, — отъ огня правды и любви, горящаго въ насъ. Если этотъ огонь есть въ насъ, то мы непремѣнно будемъ свѣтить имъ и, чаще всего даже помимо нашей воли, будемъ зажигать сердца. Поэтому я полагаю, что единственная забота наша должна заключаться въ томъ, чтобы поддерживать пламя своей души и раздувать его въ самомъ себѣ.

будето лишены возможности заниматься медицинской практикой.

Въ то время я счелъ эти слова наивной угрозой, желаніемъ поколебать меня и не обратилъ на нихъ серьезнаго вниманія, ибо не могъ допустить возможности того, чтобы „свободный университетъ", безъ согласія котораго нельзя привести въ исполненіе такой приговоръ, — могъ подчиниться подобнымъ мѣрамъ, не только военнаго, но и какого бы то ни было начальства. Впослѣдствіи же мнѣ пришлось убѣдиться въ противномъ. На другое же утро послѣ этого ко мнѣ пришелъ старшій надзиратель и передалъ мнѣ распоряженіе начальства отнять у меня копію диплома, которая хранилась у меня въ сундукѣ, въ тюремной кладовой. Я безъ всякаго сопротивленія отдалъ ее, все еще думая, что это, вѣроятно, одна формальность, и что позже дипломъ будетъ возвращенъ. На вопросъ, гдѣ находится оригиналъ диплома, я отвѣтилъ, что дома у моей матери, какъ на самомъ дѣлѣ и было. Съ тѣмъ надзиратель и ушелъ. Но вскорѣ послѣ него пришелъ ко мнѣ самъ маіоръ-аудиторъ и спросилъ меня: предпочитаю-ли я выписать мой дипломъ отъ матери и отдать его добровольно, или — чтобы онъ былъ отнятъ насильственно чрезъ посредство правительственныхъ агентовъ? Сгоряча охваченный чувствомъ негодованія и презрѣнія, я отвѣтилъ ему, что предпочитаю послѣднее, но сейчасъ послѣ его ухода раздумалъ и рѣшилъ иначе. Мнѣ представилось, какъ жандармы придутъ въ домъ моей матери, вызовутъ общее волненіе, страхъ, огорченіе, и картина эта оттолкнула меня. Я сѣлъ и сталъ писать моей матери, разсказывая ей въ чемъ дѣло, и просилъ ее быть спокойной и отдать дипломъ добровольно, когда этого потребуютъ.

Тутъ же я примирился въ душѣ съ тѣмъ, что

страшнымъ, какимъ мнѣ его представляли. На предварительномъ слѣдствіи онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, скорѣе желающаго помочь мнѣ и облегчить мою участь, нежели нарочно вредить мнѣ. Когда я встрѣчалъ его на дворѣ, во время моихъ прогулокъ, онъ спрашивалъ о томъ, какъ мнѣ живется, и желая, вѣроятно, мирнымъ способомъ разубѣдить меня, далъ мнѣ читать сочиненіе Блунчли „О государственномъ правѣ."

При допросѣ, на который меня водили въ судебную залу, новыхъ вопросовъ мнѣ не задавали, и я только подтвердилъ то, что ужь высказалъ раньше, на предыдущемъ слѣдствіи, и когда мнѣ предложили подписать составленный въ этомъ смыслѣ протоколъ, я подписалъ его. По окончаніи допроса, судья снова сталъ меня увѣщевать одуматься, и увѣрялъ меня, что, въ случаѣ, если я откажусь отъ своего рѣшенія, дѣло кончится безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій для меня, и мнѣ придется только дослужить остающіяся недослуженными семь недѣль. Но я, со времени моего отказа, ни разу не усумнился въ полной правотѣ своего поступка, какъ передъ собой, такъ и передъ Богомъ, ни разу не пожалѣлъ о немъ, а, наоборотъ, чувствовалъ, что мое внутреннее положеніе послѣ него стало легче и лучше: я только еще больше утвердился въ томъ, что̀ сдѣлалъ то самое, что̀ мнѣ нужно было сдѣлать; мнѣ, слѣдовательно, нечего было одумываться, нечего было отвѣчать судьѣ на его предложеніе и потому — я молчалъ.

— Считаю нужнымъ, — объявилъ судья, — предупредить васъ еще о томъ, что въ случаѣ, если вы останетесь при теперешнемъ своемъ рѣшеніи, то вы, сверхъ тюремнаго заключенія, будете наказаны еще и тѣмъ, что у васъ будетъ отнятъ докторскій дипломъ, и вы, такимъ образомъ, навсегда

Въ день, назначенный для суда, вошелъ ко мнѣ старшій надзиратель и официальнымъ, равномѣрнымъ голосомъ, объявивъ мнѣ о судѣ, велѣлъ мнѣ надѣть парадный мундиръ и чистыя перчатки и, когда я былъ готовъ, повелъ меня въ ту залу, гдѣ происходили окончательныя разбирательства дѣлъ. За зеленымъ столомъ, съ кучей бумагъ предъ собою, сидѣлъ маіоръ-аудиторъ, а съ правой стороны возлѣ него — предсѣдатель суда, тоже маіоръ. Оба они были въ парадныхъ мундирахъ, и лица ихъ были важны и серьезны. Невольно бросилась мнѣ въ глаза тупость выраженія на лицѣ предсѣдателя съ краснымъ лоснящимся носомъ. По бокамъ стола въ два ряда сидѣло семеро судей, тоже въ парадныхъ мундирахъ. Введшій меня надзиратель поставилъ меня на мѣсто, предназначенное для подсудимаго и удалился. Судья сдѣлалъ жестъ, чтобы я сталъ правѣе. Я сталъ на указанное мѣсто. Царило молчаніе. Семеро судей, состоявшихъ изъ трехъ офицеровъ и четырехъ нижнихъ чиновъ, съ любопытствомъ, пристально всматривались въ меня. Я въ свою очередь осматривалъ ихъ и думалъ о томъ, какъ странно находиться человѣку въ моемъ положеніи.

Судья всталъ, а за нимъ поднялись и остальные. Если не ошибаюсь, то первыя слова судьи были слѣдующія: „Вы, подсудимый, Бела Шкарванъ, призванный сюда военнымъ судомъ и т. д.“

Потомъ прочли обвинительный актъ, въ которомъ я обвинялся въ томъ, что 7-го февраля 1895 года, я, не явившись на обычную службу въ военный госпиталь, послалъ начальнику госпиталя, главному врачу, Д-ру Везе (Weese) письмо, въ которомъ отказываюсь отъ исполненія своихъ обязанностей и отъ военной службы вообще, (при этомъ прочтено было и письмо), и что такимъ образомъ дѣйствія

угрозу эту приведутъ въ исполненіе. Мнѣ не такъ трудно было примириться съ этимъ, потому что цѣль моей жизни никогда не опиралась на медицинскую практику и карьеру, наоборотъ — мысль о томъ, что сытая, буржуазная жизнь можетъ потушить загорѣвшійся огонекъ добра во мнѣ, всегда ужасно пугала меня. Меня безпокоила единственно мысль о матери, такъ какъ я зналъ, что потеря моего диплома разрушитъ всѣ ея надежды и мечты.

Спустя нѣсколько времени послѣ перваго допроса, меня еще разъ водили въ судебную залу, и тамъ, въ присутствіи одного офицера-свидѣтеля, маіоръ-аудиторъ прочелъ мнѣ слѣдующее мѣсто изъ рескрипта корпуснаго командира: „Ссылка на вашъ разумъ и вашу совѣсть не можетъ служить вамъ оправданіемъ передъ военнымъ начальствомъ“.... и спросилъ меня, имѣю-ли я что нибудь сказать на это. Я сказалъ, что я вообще не желалъ и не намѣревался оправдывать себя предъ кѣмъ-бы то ни было, а слѣдовательно и передъ военнымъ начальствомъ тоже. Высказанные же мною мотивы были лишь *отвѣтомъ* на поставленные мнѣ вопросы, — а не самооправданіемъ.“

Оба офицера взглянули на меня, а потомъ другъ на друга. Я не знаю, сочли-ли они мой отвѣтъ гордостью, или они почуяли въ моихъ словахъ выраженіе независимости и свободы? Судья велѣлъ писарю записать мои слова въ протоколъ и добавилъ потомъ, обращаясь ко мнѣ: „слова ваши будутъ переданы кому слѣдуетъ, надлежащимъ порядкомъ.“ Сказалъ онъ это рѣшительнымъ тономъ, такъ что я, и, вѣроятно, всѣ присутствующіе тоже поняли, что послѣ этого инцидента судьба моя должна быть окончательно рѣшена и что ждать больше нечего. Такъ оно и было. Къ допросу меня больше не призывали, а вскорѣ послѣдовалъ судъ.

самоувѣренность, пренебреженіе голосомъ совѣсти и законамъ христіанскимъ. Судъ же, который засѣдалъ, чтобы судить меня, былъ еще тѣмъ безсмысленнѣе и безстыднѣе, что онъ состоялъ изъ людей подчиненныхъ, дрессированныхъ, не смѣющихъ глазомъ моргнуть передъ своимъ начальствомъ. Спрашивается: могутъ-ли такіе люди высказывать свободно свое мнѣніе, хотя бы они и имѣли таковое? И могли ли первые попавшіеся корпоралы изъ казармы и офицеры, некомпетентные въ этомъ дѣлѣ — судить о моемъ поступкѣ, хотя бы съ принятой юристами точки зрѣнія справедливости, а тѣмъ болѣе со стороны нравственной оцѣнки мотивовъ такого поступка? Они не видѣли и не старались видѣть внутренней его стороны, имъ было видно только одно внѣшнее выраженіе протеста противъ государства, но они и этого не понимали, ибо въ противномъ случаѣ сочувствовали бы ему. Имъ было просто сказано, что мой поступокъ представляетъ анти-государственное преступленіе, которое должно быть наказано по такому-то пункту такой-то статьи военнаго устава и они постановили приговоръ, быть можетъ уменьшивъ мнѣ срокъ тюремнаго заключенія на нѣсколько недѣль.

О томъ же, что я прежде всего и главнымъ образомъ рѣшалъ жгучіе, вѣчные вопросы души, — что хотѣлъ удовлетворить ее — голодную, истощенную, — объ этомъ, конечно, ни одному изъ нихъ даже и не снилось. Но именно потому, что не изъ-за внѣшнихъ, эгоистическихъ мотивовъ я совершилъ свой отказъ, именно потому то во мнѣ и не было ни желанія, ни нужды оправдываться или выставлять дѣло наружу передъ судьями. Поэтому самому я и не ждалъ отъ нихъ для себя ничего. Я чувствовалъ, что мы исполняемъ разные рода службы, одна на другую не похожіе. Вотъ почему я и

я нарушилъ военную дисциплину во первыхъ тѣмъ, что въ день 7 февраля не явился къ обязательной, ежедневной службѣ въ госпиталѣ; во вторыхъ тѣмъ, что въ тотъ же день я отказался принять службу дежурнаго врача, не смотря на вызовъ къ тому со стороны начальника госпиталя; въ третьихъ, тѣмъ, что отказался отъ воинской службы вообще.

На вопросъ, признаю-ли я, что все это такъ и было, я отвѣтилъ судьѣ „да“, и опять мнѣ дали росписаться на обвинительномъ актѣ.

Послѣ того, обратился ко мнѣ маіоръ-аудиторъ со словами:

— Вы имѣете право сказать что нибудь въ свою защиту. Скажите, что имѣете!

— Въ защиту мою мнѣ говорить нечего,— былъ мой отвѣтъ.

Тогда, показавъ на судей, маіоръ-аудиторъ спросилъ меня, доволенъ-ли я ихъ выборомъ и не имѣю ли чего нибудь противъ кого либо изъ нихъ, не находится ли между ними личность, которой я недоволенъ?

Я сказалъ, что я доволенъ выборомъ. Судей этихъ я видѣлъ тогда въ первый разъ; въ составъ ихъ входили три офицера, два унтера и два вольноопредѣляющихся. По военному уставу между ними долженъ былъ находиться по крайней мѣрѣ одинъ представитель того же рода службы, къ которой принадлежалъ и я, подсудимый, т. е. въ данномъ случаѣ по крайней мѣрѣ одинъ военный врачъ. Но стоило-ли дѣлать какое-либо замѣчаніе противъ неправильности выбора судей, когда весь судъ съ его судьями для меня представляется такимъ очевиднымъ безправіемъ? Я равнодушно и съ равнымъ презрѣніемъ отнесся бы ко всякому суду, хотя бы въ немъ и засѣдали самые ученые юристы, ибо всякій судъ людей надъ человѣкомъ есть безстыдная

самоувѣренность, пренебреженіе голосомъ совѣсти и законамъ христіанскимъ. Судъ же, который засѣдалъ, чтобы судить меня, былъ еще тѣмъ безсмысленнѣе и безстыдніе, что онъ состоялъ изъ людей подчиненныхъ, дрессированныхъ, не смѣющихъ глазомъ моргнуть передъ своимъ начальствомъ. Спрашивается: могутъ-ли такіе люди высказывать свободно свое мнѣніе, хотя бы они и имѣли таковое? И могли ли первые попавшіеся корпоралы изъ казармы и офицеры, некомпетентные въ этомъ дѣлѣ — судить о моемъ поступкѣ, хотя бы съ принятой юристами точки зрѣнія справедливости, а тѣмъ болѣе со стороны нравственной оцѣнки мотивовъ такого поступка? Они не видѣли и не старались видѣть внутренней его стороны, имъ было видно только одно внѣшнее выраженіе протеста противъ государства, но они и этого не понимали, ибо въ противномъ случаѣ сочувствовали бы ему. Имъ было просто сказано, что мой поступокъ представляетъ анти-государственное преступленіе, которое должно быть наказано по такому-то пункту такой-то статьи военнаго устава и они постановили приговоръ, быть можетъ уменьшивъ мнѣ срокъ тюремнаго заключенія на нѣсколько недѣль.

О томъ же, что я прежде всего и главнымъ образомъ рѣшалъ жгучіе, вѣчные вопросы души, — что хотѣлъ удовлетворить ее — голодную, истощенную, — объ этомъ, конечно, ни одному изъ нихъ даже и не снилось. Но именно потому, что не изъ-за внѣшнихъ, эгоистическихъ мотивовъ я совершилъ свой отказъ, именно потому то во мнѣ и не было ни желанія, ни нужды оправдываться или выставлять дѣло наружу передъ судьями. Поэтому самому я и не ждалъ отъ нихъ для себя ничего. Я чувствовалъ, что мы исполняемъ разные рода службы, одна на другую не похожіе. Вотъ почему я и

относился такъ пассивно ко всему, что продѣлывали надо мной, и часто предпочиталъ молчать.

Въ себѣ я чувствовалъ Судью другого, съ которымъ дѣло это было приведено къ уравненію, и сознаніе это укрѣпляло меня и дѣлало независимымъ отъ людского мнѣнія, и устраняло всякое значеніе внѣшнихъ соображеній. Внутри меня все было въ порядкѣ. Я зналъ, что мой судья, Богъ, понимаетъ меня и видитъ мое сердце. Сознаніе это удовлетворяло и щедро награждало меня за всѣ матерьяльныя лишенія, и не давало во мнѣ мѣста страданіямъ.

4-го Іюля тюремный надзиратель сказалъ мнѣ быть готовымъ къ 11 часамъ, чтобы идти въ залу суда, гдѣ мнѣ будетъ прочтенъ приговоръ.

Я опять надѣлъ парадный мундиръ, и меня опять повели въ ту же залу, передъ лицо тѣхъ же судей, передъ которыми я былъ въ послѣдній разъ. Все было тамъ по прежнему, только прежняго маіора-аудитора замѣнялъ другой, такъ какъ тотъ былъ въ отпуску. Напротивъ меня стоялъ молодой еще на видъ судья въ колпакѣ съ перьями и съ бумагой въ рукахъ; возлѣ него съ правой стороны маіоръ, предсѣдатель суда, а съ обѣихъ сторонъ подъ прямымъ угломъ къ нимъ, стояли присяжные: три офицера слѣва и четыре унтеръ-офицера справа. Мнѣ указано было стать противъ предсѣдателя.

Царила та неловкая торжественность и гнетущая тишина, которыя обыкновенно царятъ въ подобныхъ случаяхъ. Когда всѣ уже стояли на своихъ мѣстахъ, аудиторъ кивнулъ головой надзирателю, тотъ сдѣлалъ знакъ стоявшему на дворѣ противъ окна горнисту, и раздался громкій сигналъ „смирно!“ Маіоръ обнажилъ свою шпагу, всѣ вытянулись и стояли не шевелясь.

Я находился въ непріятномъ, сильно напряженномъ состояніи и чувствовалъ, какъ сердце мое безпокойно билось. Судья, тотъ самый, который въ теплыхъ словахъ выражалъ навѣщавшимъ меня знакомымъ свое сочувствіе ко мнѣ, — сталъ читать приговоръ взволнованнымъ, какъ мнѣ казалось, голосомъ, медленно выговаривая слова:

„Во имя Его Апостольскаго Императорскаго Величества. . . Докторъ Бэла Шкарванъ, врачъ-ассистентъ, отказавшійся отъ военной службы, и исповѣдующій идеи враждебныя государственному порядку, приговоренъ къ лишенію чина, 4-мѣсячному усиленному тюремному заключенію, изъ коего срока первыя и послѣднія двѣ недѣли ему надлежитъ отбыть въ одиночномъ заключеніи, при чемъ два дня въ каждомъ мѣсяцѣ на хлѣбѣ и на водѣ, сверхъ того — къ отбытію недослуженнаго имъ срока и лишенію докторскаго диплома, о чемъ по извѣщеніи Инсбрукскаго университета получено согласіе онаго. . . Онъ лишается права медицинской практики въ предѣлахъ Австро-Венгерской монархіи и союзныхъ съ нею государствъ. Подписалъ: Предсѣдатель судебной коммиссіи Мади-Ковачъ Фельдмаршалъ-лейтенантъ *).

Помню, что, во время чтенія приговора я слѣдилъ за всѣми подробностями, замѣчалъ интонацію голоса, наблюдалъ за движеніемъ губъ читающаго, видѣлъ, какъ судьи переводили взглядъ то на меня, то на аудитора, но, когда, послѣ окончанія чтенія, аудиторъ спросилъ меня, понялъ ли я все, къ чему присужденъ, то я рѣшительно не зналъ и не могъ бы повторить ни слова изъ содержанія приговора. Мнѣ просто въ тѣ минуты, было не до того, и я

*) Приговоръ этотъ впослѣдствіи мнѣ пришлось читать въ газетахъ и потому я могъ условно привести его содержаніе.

не могъ внимательно прислушиваться, къ чему именно меня присудили. Я зналъ только, что у меня отняли дипломъ; но, чтобы не продлить и не возобновлять непріятную процедуру, я отвѣтилъ аудитору, что понялъ.

Я помню, какъ, во время чтенія приговора, на лицѣ одного изъ присяжныхъ, (изъ вольноопредѣляющихся), выражалось состраданіе и какъ бы боязнь за меня. Помню, какъ по окончаніи чтенія, всѣ пристально смотрѣли на меня, какъ бы въ ожиданіи чего-то. Потомъ повторились тѣ же знаки, и снова раздался оглушительный сигналъ горниста. Судья кивнулъ мнѣ въ знакъ того, что я могу удалиться, и я, слегка поклонившись, ушелъ съ надзирателемъ.

Когда мы вернулись въ тюрьму, въ корридорѣ ожидало насъ нѣсколько человѣкъ изъ служащаго персонала. Всѣ они съ любопытствомъ ожидали извѣстія о рѣшеніи суда, и только тутъ, когда надзиратель сообщилъ имъ содержаніе приговора, я узналъ подробности его. Ни одинъ пунктъ его мнѣ не былъ страшенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ какъ то не хотѣлось вѣрить, что люди и на самомъ дѣлѣ, совсѣмъ серьезно принялись карать меня, хотя, конечно, я и не могъ ожидать того, чтобы мой поступокъ остался безъ послѣдствій.

Приговоръ мнѣ не былъ страшенъ ужъ потому, что я сознавалъ, что я остался такъ же цѣлъ послѣ него, какъ былъ и до него, и что, въ сущности, никакія военныя власти не въ силахъ отнять у меня ничего. Съ другой стороны я былъ радъ, что вся процедура, наконецъ, завершилась, — что судьба моя была рѣшена.

Тяжелѣе для меня было то время, когда производились допросы, уговоры, угрозы, суды, чтеніе приговора, такъ какъ при этомъ слишкомъ явно

и чувствительно выступало наружу зло, на которое способны бываютъ люди. Пройдя черезъ эти непріятности, я каждый разъ чувствовалъ себя легче, тяжелое чувство замѣнялось радостью по случаю того, что самое трудное миновало, и я снова видѣлъ, какъ напрасны, безсильны людскія усилія, не могущія затушить во мнѣ огонька Божьяго, а на оборотъ способствующія еще большему разгоранію его.

Кромѣ того, въ тотъ день мнѣ было легко перенести все это еще и потому, что тогда меня занимало и волновало нѣчто другое, отвлекавшее мои мысли совсѣмъ въ другую сторону. Случайно вышло такъ, что именно въ тотъ самый день мнѣ предстояло свиданіе съ любимѣйшимъ изъ друзей моихъ, пріѣхавшимъ въ Кашау навѣстить меня. Еще до приговора я узналъ о разрѣшеніи свиданія со мной по окончаніи судебной процедуры. Я ждалъ этого друга съ большой радостью и нетерпѣніемъ, и, конечно, радость нашего свиданія была такъ велика, что никакой приговоръ не могъ заслонить или ослабить ее.

XII.

ИЗЪ ТЮРЕМНОЙ ЖИЗНИ.

Послѣ приговора произошли нѣкоторыя перемѣны въ моей жизни, которыя хотя и касались главнымъ образомъ внѣшней обстановки, но до извѣстной степени вліяли и на мое внутреннее расположеніе. Въ общемъ перемѣны эти заключались въ слѣдующемъ: я былъ переведенъ въ другую камеру, пищу мнѣ стали давать хуже прежней; не разрѣшали больше, какъ до тѣхъ поръ бывало, покупать фрукты и вообще провизію на сторонѣ; стали строго наблюдать за тѣмъ, чтобы дверь моя была постоянно заперта, вслѣдствіе чего я не могъ по прежнему разговаривать и видѣться съ сосѣдними арестантами и тюремной прислугой; сократили прежній срокъ прогулки на дворѣ, такъ что болѣе часу въ день не позволяли оставаться на воздухѣ; объявили мнѣ, что съ этихъ поръ вся моя переписка должна будетъ ограничиваться двумя письмами въ мѣсяцъ, и, сверхъ того, отняли у меня всѣ бумаги, письменныя принадлежности, лампу и свѣчи, вслѣдствіе чего я былъ лишенъ возможности даже заниматься чтеніемъ по вечерамъ. Чтеніе это, впрочемъ, и не доставляло мнѣ особеннаго удовольствія, такъ какъ всѣ книги проходили черезъ руки судьи; и пропускались однѣ лишь медицинскія и научныя сочиненія;

изъ моихъ же книгъ, находившихся на сохраненіи у надзирателя, мнѣ не давали ни одной, ссылаясь на то, что одни изъ нихъ, — религіозно-нравственныя, — не позволительны по содержанію, а другія — изданы на непонятномъ для тюремнаго начальства (русскомъ) языкѣ. Но все же эта мѣра была для меня извѣстнаго рода лишеніемъ. Ежедневное мое чтеніе, кромѣ вышеупомянутыхъ научныхъ книгъ, состояло изъ одного тома Шекспира, который прислалъ мнѣ изъ жалости одинъ изъ аудиторовъ, и еще нѣсколькихъ плохенькихъ нѣмецкихъ романовъ.

Какой смыслъ могло имѣть примѣненіе этой мѣры ко мнѣ?! То, что я хотѣлъ сдѣлать, ужъ было сдѣлано мной: „вредъ государственной власти“, если былъ таковой въ моемъ отказѣ, все равно уже былъ нанесенъ, и перемѣнить мои взгляды, или повліять на нихъ въ сторону, желательную для властей, посредствомъ запрещенія свободнаго чтенія, конечно, было невозможно, если ужъ не могли сдѣлать этого болѣе радикальныя мѣры. Какъ вообще, смѣшны и безплодны въ наше время всѣ попытки людей, желающихъ остановить свободное проявленіе духа! Они похожи на попытки ребенка поймать и зажать въ кулакъ солнечные лучи.

Ограничиваніе моей собственной личной свободы, каяъ и всякое вообще насиліе, которое мнѣ приходится видѣть и на другихъ, всегда отзывалось во мнѣ грустными нотками; однако нотки эти звучали не долго. Всякій разъ спустя нѣсколько минутъ, рѣдко дольше, я съизнова примирялся и одумывался, и мнѣ становилось по прежнему хорошо. Тоска проходила, и я не чувствовалъ больше ни лишенія, ни огорченія. Снова я становился самимъ собою, снова находилъ потерянное равновѣсіе; а, въ связи съ этимъ, всегда какъ-то такъ выходило, что внѣшнія обстоятельства начинали снова замѣтно

улучшаться. Даже кругъ моей личной свободы опять сталъ расширяться, какъ бы самъ собою. Будто новые тоненькіе корешки снова стали появляться и пускать свои ростки во всѣ стороны, укрѣпляясь все болѣе и болѣе: корешками этими служило сближеніе съ людьми, результатомъ котораго явилось вскорѣ возстановленіе потерянныхъ прежнихъ льготъ. Конечно льготы эти, хотя я и не добивался ихъ, были мнѣ пріятны; но дороже всего при этомъ были сами отношенія, или, вѣрнѣе, то, что они давали мнѣ, увеличивая въ значительной мѣрѣ смыслъ и содержаніе моей тюремной жизни.

Мнѣ мало приходилось, и то только урывками, разсказывать людямъ о моемъ отказѣ и побужденіяхъ къ нему; но все таки они относились ко мнѣ совсѣмъ иначе, чѣмъ къ другимъ арестованнымъ офицерамъ, сидѣвшимъ за казенныя растраты или другіе проступки. Отношеніе ко мнѣ какъ сторожей, такъ и многихъ арестантовъ, было вполнѣ деликатное и отличалось такимъ уваженіемъ, которое обыкновенно не оказывается преступникамъ. Всѣ видѣли во мнѣ исключительнаго арестанта, и даже, какъ бы, вовсе не арестанта.

Я часто присутствовалъ въ тюрьмѣ при ежедневныхъ пріемахъ военнаго доктора, который очень интересовался мной, помогалъ ему кое въ чемъ, и онъ каждый разъ заводилъ со мной разговоръ и споры. Осмотрѣвъ меня, и найдя меня больнымъ, (той самой грудной болѣзнью, которую опредѣлили у меня военные доктора еще въ больницѣ), онъ выхлопоталъ для меня у корпуснаго командира позволеніе на ежедневную, пятичасовую прогулку на дворѣ и на покупку кружки пива, такъ какъ тамошняя вода была плоха и вредна.

Надзиратели тоже стали пускать меня по преж-

нему въ свой садъ и позволяли мнѣ всегда свободно пользоваться холодными душами въ тюремной банѣ, которою пользовались всѣ, кромѣ солдатъ-арестантовъ, т. е. тѣхъ именно, кто больше всѣхъ остальныхъ нуждались въ ней.

Ежедневно арестанты возвращались съ работъ пыльные, грязные, потные до того, что бѣлье на нихъ походило скорѣе на грязные онучи, и кромѣ того всегда было запачкано безчисленными слѣдами насѣкомыхъ. За всѣ четыре мѣсяца, проведенныхъ мною въ тюрьмѣ, арестантовъ ни разу не водили въ баню и только иногда, когда стояли самыя сильныя жары, для нихъ устраивалось на дворѣ тюрьмы обмываніе, которое было больше похоже на пачкатню, чѣмъ на купанье. Дѣлалось это такъ: въ два большія корыта накачивали воды, и въ одной и той-же водѣ обмывалось человѣкъ 70-80 арестантовъ. Они, бѣдные, и этому были рады! Процедура этой пачкатни была чуть ли не самымъ веселымъ и забавнымъ для нихъ времяпрепровожденіемъ. Тутъ имъ позволялось шумѣть и шутить и вообще держать себя до извѣстной степени непринужденно.

Хотя мнѣ и было запрещено имѣть письменныя принадлежности, и больше двухъ писемъ въ мѣсяцъ мнѣ писать не позволялось, но, тѣмъ не менѣе, у меня вскорѣ появились бумага и карандашъ, и я опять посылалъ и получалъ письма окольнымъ путемъ въ неограниченномъ количествѣ. Посредниками этой тайной корреспонденціи мнѣ предложили быть сами судебные писаря и тюремные сторожа. Каждый изъ нихъ предлагалъ мнѣ это отдѣльно и по секрету, такъ что всякій изъ нихъ думалъ про себя, что онъ одинъ рѣшается на это. Но не только служебный персоналъ, но даже и постороннія лица предлагали мнѣ свои услуги. Я

охотно принималъ это предложеніе, тѣмъ болѣе, что оно исходило отъ людей помимо моих просьбъ и не затрагивало мою совѣсть.

Бывало я вступалъ въ разговоръ съ солдатомъ, приставленнымъ ко мнѣ караульнымъ во время моихъ прогулокъ, и иногда послѣ краткаго разговора онъ, незнакомый мнѣ до тѣхъ поръ, спрашивалъ меня, не имѣю ли я какое нибудь порученіе въ городъ, — онъ съ радостью его исполнитъ. Помню, однажды, выслѣдивъ удобный случай, подошелъ ко мнѣ арестантъ-сапожникъ, знакомство съ которымъ завязалось у меня, благодаря папиросамъ, которыми я его иногда угощалъ, — и предложилъ мнѣ приготовить письма для отправки, такъ какъ онъ можетъ сдать ихъ на почту. — „Мой срокъ оконченъ Завтра я выхожу изъ тюрьмы“, прибавилъ онъ.

— Какъ же ты это сдѣлаешь? Тебя вѣдь будутъ обыскивать передъ уходомъ.

— Пускай обыскиваютъ, ничего не найдутъ; суну подъ подошву сапога и прибью гвоздиками.

Хотя у меня былъ и другой удобный случай для передачи писемъ, однако я не хотѣлъ разстраивать сапожнику его хитраго плана, который видимо доставлялъ ему удовольствіе, и передалъ ему мое письмо.

Чтобы болѣе разумно наполнить свой досугъ въ тюрьмѣ, а также ради здоровья, я бы съ удовольствіемъ взялся за какой нибудь физическій трудъ. Хотѣлъ было я учиться ремеслу въ мастерской, гдѣ постоянно работали два-три сапожника и одинъ портной, но мнѣ этого почему то не позволили. Также нельзя мнѣ было ходить въ городъ на работу съ партіей арестантовъ, ежедневно отправлявшихся то въ сады, то въ военные склады, такъ какъ на пути я могъ встрѣтить знакомыхъ, что считалось начальствомъ — нежелательнымъ. Оста-

валась единственная возможность участвовать въ томъ занятіи, на которое употреблялось большинство арестантовъ — т. е. въ шлифовкѣ стульевъ: но въ немъ я самъ не хотѣлъ принимать участія, видя, какъ оно въ непродолжительномъ времени подтачивало здоровье до тѣхъ поръ крѣпкихъ и выносливыхъ солдатъ. Занятіе это заключалось въ слѣдующемъ: въ небольшой камерѣ человѣкъ 10-14 арестантовъ, по выбору надзирателя, должны были шлифовать съ помощью стальныхъ инструментовъ и стеклянной бумаги отдѣльныя части стульевъ, которыя потомъ отправлялись на фабрику. Работа эта продолжалась отъ 9 часовъ утра до 5 вечера съ часовымъ отдыхомъ въ полдень. Когда я заглядывалъ туда, гдѣ они работали, въ воздухѣ всегда стояла густая пыль отъ дерева и стекла, сквозь которую, какъ въ туманѣ, виднѣлись фигуры рабочихъ. Всѣ они, покрытые густой, бѣлой пылью, выглядѣли какъ мельники; пыль эта залѣзала имъ въ глаза, уши, ротъ и носъ и вдыхалась ими, быстро производя въ ихъ легкихъ свою разрушительную работу. На моихъ глазахъ, совершенно до того здоровые солдаты заболѣвали то чахоткой легкихъ, то опухолью лимфатическихъ железъ, достигавшихъ страшныхъ размѣровъ. Почти всѣ, посидѣвшіе въ тюрьмѣ около года, становились малокровными и желтыми, какъ воскъ.

Еще когда я самъ служилъ въ военномъ госпиталѣ, мнѣ бывало тяжело видѣть этихъ намазанныхъ іодомъ, золотушныхъ, ослабленныхъ, апатичныхъ арестантовъ, которыхъ по неспособности къ дальнѣйшему перенесенію тюремной жизни, помѣщали въ больницу. Въ душѣ у меня каждый разъ подымалось чувство неловкости и жалости при встрѣчѣ съ этими несчастными жертвами нашего общественнаго строя. И сколько ихъ гибнетъ такъ,

не только въ Кашау и Венгріи, но вездѣ, во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ Европы! Сколькихъ ихъ такимъ образомъ перетаскиваютъ изъ тюрьмы въ госпиталь и обратно, пока, наконецъ, никуда больше не годныхъ, освобождаютъ отъ воинской повинности и отсылаютъ умирать домой, на родину. А то, и еще того хуже, ихъ оставляютъ умирать въ госпиталѣ, въ мрачной обстановкѣ арестантскаго отдѣленія, гдѣ, умирая, они не слышатъ ничего, кромѣ шаговъ караульнаго передъ ихъ дверью, и вмѣсто словъ утѣшенія или участія, — лишь лицемѣрныя напутствія военнаго священника, который приходитъ къ нимъ въ послѣднія минуты „спасать душу.“

И такъ, предпочитая сохранить свое здоровье и внѣшнее удобство, я не рѣшился добровольно принимать участіе въ общемъ занятіи арестантовъ, и вся моя физическая работа ограничивалась тѣмъ, что я содержалъ въ чистотѣ свою камеру, стирая тщательно каждую пылинку съ мебели и стѣнъ, и также тѣмъ, что одно время занимался вырѣзываніемъ крошечныхъ деревянныхъ игрушекъ для дѣтей одной моей знакомой.

Хотя въ теченіи всего моего заключенія я не испытывалъ ни мучительнаго чувства одиночества, ни сомнѣнія, которое больше всего, въ подобномъ положеніи, служитъ источникомъ страданій, но временами я все таки тосковалъ и чувствовалъ неудовлетвореніе, происходящее главнымъ образомъ, какъ мнѣ казалось, отъ ненормальности моего физическаго положенія. Большею частью я умѣлъ справляться и съ этимъ чувствомъ, но при всемъ стараніи мнѣ это не вполнѣ удавалось. Доказательствомъ моей несостоятельности можетъ служить между прочимъ то, что я, пять лѣтъ тому назадъ бросившій курить, въ тюрьмѣ снова взялся за папироску, курилъ днемъ и еще больше курилъ по но-

чамъ. Для сидящаго въ одиночномъ заключеніи день и ночь иногда какъ бы сливаются, и разница между ними теряется для него. Иногда я спалъ днемъ, а ночью бодрствовалъ.

Бывало послѣ вечерняго звонка, обыкновенно въ семь, а по воскресеньямъ въ три часа дня, означавшаго окончаніе дневной программы, когда всѣхъ арестантовъ загоняли въ камеры и запирали двери, когда въ корридорахъ оставался одинъ только дежурный сторожъ, и наступала глухая тишина, прерываемая только шаганіемъ часового, — я ложился на кровать и иногда думалъ, иногда засыпалъ отъ ничего-недѣланія. Понятно, что, при такихъ обстоятельствахъ, около полуночи, я просыпался и, не будучи въ состояніи больше заснуть, — вставалъ. Камера всю ночь освѣщалась газовымъ рожкомъ, прикрѣпленнымъ къ стѣнѣ подъ самымъ потолкомъ. Тогда я начиналъ ходить изъ одного угла въ другой и цѣлыми часами, бывало, думалъ, думалъ и курилъ, курилъ. . . Мысли мои, однако, не бывали мрачны: въ памяти всплывали давнишнія воспоминанія, въ воображеніи рисовались разныя картины, и съ особенной яркостью во мнѣ разгоралась любовь и состраданіе то къ близкимъ знакомымъ людямъ, то къ такимъ, которыхъ никогда не видалъ, а зналъ только по ихъ духовнымъ сокровищамъ, которыя они намъ оставили. Въ такомъ положеніи особенно живо сознаешь выгоду духовнаго общенія, духовной дружбы. Далекіе по времени и пространству люди, жившіе вѣка тому назадъ, становились мнѣ близкими и родными. Не знаю, многіе ли повѣрятъ тому, что я переживалъ въ своемъ одиночествѣ, по ночамъ, много блаженныхъ часовъ. Бывало также, что иногда подставлю подъ окошко, помѣщенное высоко подъ потолкомъ, столъ, на него поставлю стулъ, взберусь туда и смотрю изъ окна въ темную ночь. Оттуда

STANFORD LIBRARIES

виднѣется городъ, окутанный въ таинственный мракъ, такъ что лишь однѣ контуры крышъ выдѣляются на ночномъ фонѣ. Все кругомъ такъ глухо, неподвижно и такъ чудно спокойно! До зари еще далеко . . . звѣзды тихо мерцаютъ . . . Вдругъ гдѣ-то защебечетъ ласточка. По ея голосу можно заключить, что она быстрымъ полетомъ облетаетъ вокругъ тюремной постройки, своимъ щебетаньемъ то удаляясь, то приближаясь къ моему окну. Что̀ разбудило ее одну отъ сна, когда всѣ ея подруги еще спятъ? Бѣда какая нибудь?... А тамъ — разсвѣтъ... Бывало гляжу, гляжу и не могу наглядѣться, на то, какъ обливаются облака разными красками отъ восходящаго солнца.

Это ночное спокойствіе природы передавалось и мнѣ, вливая гармонію въ мою душу, и этимъ оно бывало дорого мнѣ и радовало меня.

Однако не всегда я жилъ спокойно, и не всегда у меня бывало такъ хорошо на душѣ. Случались, какъ и внѣ тюремныхъ стѣнъ, минуты тяжелаго, грустнаго и даже просто сквернаго настроенія.

Иногда вѣяло грустью на меня изъ малодушныхъ писемъ моихъ знакомыхъ, моихъ родныхъ, — укорявшихъ меня за мой поступокъ. И не всегда грусть моя кончалась успокоительнымъ аккордомъ. Иной разъ въ жизнь мою вносили разладъ страсти, бросая тѣнь и внося отвращеніе къ жизни . . .

Часто, хотя и не надолго, разстраивалъ меня старшій надзиратель своими грубыми, несправедливыми выходками противъ меня. Это былъ человѣкъ необычайно желчнаго, раздражительнаго характера, иногда доходившаго до жестокости, — одинъ изъ людей, представляющихъ самый лучшій клей для спаиванія частицъ, изъ которыхъ состоятъ арміи Про него мнѣ разсказывали, что на прошломъ своемъ мѣстѣ, въ той же должности тюремнаго надзи-

рателя, онъ довелъ своими притѣсненіями двухъ арестантовъ до того, что они предпочли смерть и повѣсились. Онъ принадлежалъ къ тому типу солдатъ, къ счастью уже довольно рѣдкому въ наше время, которые безъ малѣйшаго колебанія всякое дѣло службы считаютъ *своимъ* дѣломъ, почитаютъ военный уставъ какъ нѣчто священное, исполняютъ предписанія въ точности, до послѣдней буквы. Эти люди совершеннѣйшіе рабы передъ начальствомъ и самые ужасные деспоты надъ своими подчиненными.

Хотя, при очень тактичномъ и осторожномъ отношеніи моемъ къ этому человѣку, по временамъ въ немъ куда-то исчезалъ безпрекословный исполнитель предписаній и приказаній маіора-аудитора, и тогда выступалъ наружу человѣкъ, съ которымъ можно было говорить по человѣчески; но это никогда долго не продолжалось, и часто безъ всякаго видимаго повода онъ снова впадалъ въ то раздражительное настроеніе, въ которомъ всѣ арестанты боялись его, избѣгая даже его взгляда. Онъ настолько былъ преданъ своей профессіи, что даже по ночамъ не имѣлъ покоя: ходилъ въ туфляхъ по корридорамъ, подсматривалъ въ форточки и подслушивалъ разговоры арестантовъ между собою. Съ этимъ человѣкомъ пришлось мнѣ ежедневно имѣть дѣло, и, въ общемъ, мнѣ удавалось жить съ нимъ мирно. Я избѣгалъ всякаго слова, которое могло-бы вызвать въ немъ или поощрять нехорошія стороны его натуры, и старался уступать ему, когда онъ приставалъ ко мнѣ, хотя въ этихъ случаяхъ, онъ всегда бывалъ не правъ, и это отчасти дѣлало сносными наши отношенія. Иногда, когда онъ бывалъ въ духѣ, мы даже весело бесѣдовали, подчивали другъ друга папиросами, собирали въ его саду гусеницъ съ капусты, кормили голубей и слѣдили за ростомъ ихъ птенцовъ. Но часто, вдругъ ни съ

того, ни съ сего, онъ совершенно измѣнялся въ своемъ обращеніи, словно злой демонъ вселялся въ него, и тогда снова начиналъ приставать ко мнѣ, — то рѣзкимъ тономъ приказывая мнѣ отставить кровать на вершокъ дальше отъ стѣны, то самовольно сокращая срокъ прогулки, назначенной высшимъ начальствомъ, и т. п.; онъ обращался со мною такъ не только безъ малѣйшаго повода съ моей стороны, но иногда бывало даже такъ, что чѣмъ кротче старался я переносить его обиды, тѣмъ онъ становился придирчивѣе и требовательнѣе. Мнѣ кажется, что происходило это отъ того, что онъ видѣлъ меня почти всегда спокойнымъ, часто даже веселымъ, между тѣмъ какъ самъ онъ постоянно болѣлъ, и жизнь его была лишена радости и вся поглощена отвратительной службой, да сверхъ того еще разстроена семейнымъ разладомъ.

Обыкновенно во время прогулки по двору меня сопровождалъ солдатъ отъ караула, но безъ ружья, вслѣдствіе чего онъ могъ свободно садиться, гдѣ ему вздумается на просторномъ дворѣ. Этотъ пріемъ караула примѣнялся ко всѣмъ арестантамъ 1-го разряда. Когда же старшій надзиратель бывалъ не въ духѣ, то онъ приставлялъ ко мнѣ караульнаго съ ружьемъ и штыкомъ и приказывалъ ему строго слѣдить за мной, (хотя и зналъ, что въ этомъ нѣтъ никакой нужды) и назначалъ мнѣ для прогулки тропинку на дворѣ въ 10 шаговъ длины, по которой я долженъ былъ шагать взадъ и впередъ, съ запрещеніемъ сворачивать въ сторону или заходить дальше по тому же направленію. Хотя онъ и не имѣлъ никакого права такъ распоряжаться съ арестантомъ, но онъ позволялъ себѣ это, зная, что я не буду искать себѣ защиты ни у кого изъ начальства. Я всегда повиновался такого рода его требованіямъ, хотя иногда во мнѣ вдругъ сильно

подымалась горечь и закипала злоба противъ него. Иногда при первой вспышкѣ, мнѣ казалось, что нельзя относиться кротко къ такимъ несправедливымъ нападкамъ и оскорбленіямъ, — что этимъ я унижаю свое человѣческое достоинство, и мнѣ казалось, что я долженъ выказать свое презрѣніе къ этому человѣку. Но потомъ, — всегда какъ-то само собой, — проходило это дурное чувство, и какъ только я замѣчалъ, что съ лица надзирателя исчезалъ прежній отпечатокъ нравственной смерти, я сейчасъ же невольно переходилъ въ прежній дружескій тонъ, а онъ каждый разъ отвѣчалъ мнѣ тѣмъ же, и даже съ извѣстной не свойственной ему мягкостью, какъ бы извиняясь передо мною, начиналъ жаловаться на боли въ желудкѣ, очевидно желая приписать свою злобу физической болѣзни. Иной разъ, послѣ какой нибудь несправедливой своей выходки, онъ, въ видѣ примиренія, приносилъ мнѣ въ камеру на тарелкѣ сладкое кушанье, при чемъ я, хотя и испытывалъ нѣкоторую неловкость, однако не могъ отказать ему.

Совсѣмъ другого рода человѣкъ былъ младшій надзиратель: высокій, стройный, съ виду настоящій воинъ, съ сильнымъ баритономъ, потрясающимъ воздухъ, когда онъ командовалъ, и при томъ человѣкъ добродушнаго, мягкаго характера, постоянно веселый и полный здороваго, хотя и грубоватаго юмора. Онъ всегда обращался со мной хорошо и учтиво и всегда былъ готовъ оказывать мнѣ маленькія услуги. Выходки старшаго надзирателя противъ меня его вседа искренно огорчали, и онъ давалъ мнѣ совѣты какъ избавиться отъ нихъ. До извѣстной, конечно, степени онъ даже сочувствовалъ моимъ убѣжденіямъ. Когда я говорилъ съ нимъ о томъ, что война должна прекратиться, что существующій порядокъ скверенъ и долженъ измѣниться, что вѣчные лѣн-

STANFORD LIBRARIES

тяи-господа исчезнутъ точно такъ же, какъ и теперешніе рабы-мужики, и что люди, вмѣсто теперешняго рабскаго повиновенія свѣтскимъ законамъ, должны повиноваться одному закону вѣчному, Божьему, — то онъ соглашался со всѣмъ этимъ и считалъ желательнымъ водвореніе лучшаго порядка, вѣрилъ въ такую перемѣну и съ видимой радостью вспоминалъ свою давно прошедшую юность, когда онъ самъ еще, вмѣстѣ съ отцемъ, водилъ свой плугъ по пашнѣ.

Въ тюрьмѣ нѣсколько разъ навѣщали меня близкіе и знакомые мои. Начальство въ большинствѣ случаевъ разрѣшало эти свиданія. Хотя я и не чувствовалъ непремѣнной потребности въ нравственной поддержкѣ людей, имѣя опору въ Богѣ, но свиданія съ нѣкоторыми людьми все же освѣжали меня и укрѣпляли мой духъ. Когда мы находимся въ трудномъ положеніи, дружба людей намъ особенно дорога и даетъ намъ особенное утѣшеніе; на сколько же дороже должна быть для насъ дружба такого человѣка, который умѣетъ понять наши скорби и радости, т. е. сдѣлать ихъ своими. Присутствіе и сочувствіе такого человѣка можетъ сдѣлать тюрьму для насъ просто раемъ. Дѣлить участь съ угнетенными заключаетъ въ себѣ великое благо, какъ для угнетеннаго, такъ и для того, кто раздѣляетъ ее. Не напрасно старались учителя человѣчества и истинно религіозные люди всѣхъ вѣковъ жить жизнью нищихъ, дѣлить судьбу страдающихъ и гонимыхъ. Не ради аскетизма, но ради того духовнаго подъема, который этому сопутствуетъ, ради духовной выгоды и увеличенія блага, отказываются люди отъ свѣтскихъ радостей, которыя мѣшаютъ радостямъ духовнымъ, такъ часто облеченнымъ въ слезы и рыданія . . .

Однако приходили ко мнѣ и такого рода посѣтители, послѣ ухода которыхъ я чувствовалъ облегченіе. Однажды пришелъ ко мнѣ одинъ старинный, хорошій знакомый, человѣкъ умственно развитой, честный, чуткій, но матерьялистъ и потому въ извѣстномъ отношеніи мертвый. Лишь только онъ вошелъ въ дверь, я увидѣлъ на его лицѣ безпокойство, укоръ и досаду. Я съ радостью пошелъ было къ нему на встрѣчу; но онъ не отвѣтилъ мнѣ тѣмъ же, какъ бывало прежде. Я сталъ его разспрашивать, какъ и откуда онъ пріѣхалъ, какъ поживаютъ его домашніе, но онъ отвѣчалъ мнѣ кратко, — видно было, что ему не до моихъ вопросовъ. Ему больно было и, главное, досадно видѣть меня въ тюрьмѣ. Досадно, что я, какъ онъ выразился, „попусту продѣлываю“ такія исторіи, за которыя сажаютъ въ тюрьму. Онъ тутъ же сталъ укорять меня за мое неблагоразуміе, неблагодарность къ матери и т. п. Очень трудно бываетъ вести разговоръ съ человѣкомъ, отрицающимъ духовную жизнь и желающимъ „образумить“ васъ, когда какъ для него область эта совершеннѣйшая terra incognita *). Я не отвѣчалъ на упреки моего посѣтителя. Наконецъ онъ прямо спросилъ меня:

— Ну, скажите, пожалуйста, *почему* вы поступили такъ?

— Потому что давно уже, какъ вамъ изъ моего прошлаго извѣстно, придерживался этихъ взгля

*) Это подобно тому, какъ если бы человѣкъ, стоящій на низшей площадкѣ, откуда онъ не можетъ видѣть того, что находится на высшей, говорилъ людямъ, поднявшимся на высшую, что они въ опасномъ положеніи и просилъ бы ихъ сойти внизъ. Вѣдь, стоящимъ тамъ выше смѣшно такое предложеніе, ибо они сами раньше уже проходили черезъ низшую площадку, и теперь имъ хорошо видно все, что подъ ними, и они знаютъ, что чѣмъ выше, тѣмъ лучше.

довъ, — потому что вся жизнь моя есть стремленіе исполнять то, во что̀ я вѣрю. Какъ же можно не исполнять того, что требуютъ отъ насъ совѣсть и разумъ? Такъ или въ этомъ родѣ отвѣчалъ я ему. Но въ то время, какъ онъ слушалъ меня, лицо его искажалось отъ досады, — отъ того, какъ онъ выражался, что я говорю такіе пустяки, да еще усмѣхаюсь при этомъ, какъ будто мнѣ все ни почемъ.

Онъ только потому не высказывалъ мнѣ всѣхъ своихъ мыслей, что боялся сдѣлать мнѣ больно въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ меня видѣлъ. Но я и безъ словъ зналъ ихъ — эти не разъ слышанныя мной нападенія на „фантасмагорію Толстого и ему подобныхъ безумцевъ.“

— Объясните же мнѣ, какъ можно считать поступокъ законнымъ передъ совѣстью, если онъ влечетъ за собой послѣдствія, подобныя вашимъ? Развѣ лучшее, что вы могли сдѣлать, заключаотся въ томъ, чтобы сидѣть въ тюрьмѣ, мучиться и терзать этимъ другихъ, любящихъ васъ? продолжалъ онъ спрашивать меня.

Во мнѣ вспыхивалъ отвѣтъ; но онъ, взволнованный, продолжалъ говорить, не давая мнѣ высказать того, что̀ я хотѣлъ. Онъ видимо даже и не желалъ слышать мои отвѣты, и все продолжалъ упрекать меня въ томъ-же раздраженномъ тонѣ.

Наконецъ почувствовавъ его недоступность и совершенную безполезность въ подобныхъ случаяхъ всякихъ словесныхъ объясненій, я ушелъ въ себя и замолчалъ. И жалко мнѣ было его, и тяжело самому. Не поговоривши, хотя бы такъ, просто по человѣчески, какъ я говорилъ со всякимъ арестантомъ, съ которымъ приходилось встрѣчаться, — мы разстались, только еще больше убѣдившись въ существованіи непроницаемой стѣны между нами.

Ему, какъ и многимъ другимъ, не видна была внутренняя сторона моего отказа, сущность его. Такой человѣкъ, естественно, долженъ считать подобный поступокъ неразумнымъ, напраснымъ страданіемъ. И дѣйствительно неразумно было бы отказываться отъ военной службы изъ-за внѣшнихъ, общественныхъ соображеній, да и врядъ ли кто можетъ руководиться такими соображеніями въ подобныхъ случаяхъ.

Дѣло въ томъ, что, потерявши еще за нѣсколько лѣтъ до отказа всякое руководство, всякую радость, всякій смыслъ жизни,—я вслѣдствіе этого находился въ положеніи отчаянія. И вдругъ я нашелъ указаніе на путь, до тѣхъ поръ мнѣ неизвѣстный. На этомъ то пути я и нашелъ то, что потерялъ, т. е. удовлетвореніе и смыслъ жизни, хотя на совершенно новой для меня основѣ. Идя по этому пути, — т. е. ища спасенія отъ погибели, — я, неизбѣжно, помимо моего личнаго желанія, былъ приведенъ къ тому, что *долженъ* былъ отказаться; дальнѣйшій же путь, при существующихъ условіяхъ общественнаго порядка, неизбѣжно долженъ былъ привести меня къ тюрьмѣ. Но развѣ тюрьма или что либо подобное можетъ помѣшать человѣку придерживаться истины, если онъ въ осуществленіи этой истины видитъ всю свою задачу, единственное свое спасеніе?

Стремленія и поступки на этомъ пути не слѣпы, какъ это обыкновенно предполагаютъ люди. Напротивъ: именно зрячіе ищутъ и ходятъ по пути къ освобожденію. И движеніе по немъ свободно и сознательно. Что же дѣлать, если оно сопряжено съ затрудненіями? Видно такъ должно быть, безъ этого нельзя.

Какъ то особенно трудно толковать о жизни съ людьми образованными и просвѣщенными современ-

ной культурой. Точно такъ же, какъ и съ этимъ моимъ знакомымъ, трудно мнѣ было говорить и съ другими двумя давнишними товарищами по гимназіи, а теперь уже людьми на своемъ хлѣбѣ, которые приходили навѣстить меня, быть можетъ изъ любопытства, а можетъ быть и изъ добраго чувства состраданія и товарищества.

Удивительное дѣло, почему людей коробитъ проявленіе на словахъ и на дѣлѣ того, что̀ разумно, послѣдовательно, и что̀ такъ очевидно никому вреда не приноситъ? Всѣ признаютъ и сознаютъ, что милитаризмъ есть рабство, всѣ знаютъ, какія неизмѣримыя бѣдствія приносятъ людямъ войны, какъ это дико и противорѣчиво по нашимъ понятіямъ; всѣ считаютъ желательнымъ возможно большее достиженіе свободы и сохраненія своего человѣческаго достоинства; и казалось бы, что̀ можетъ быть проще при такомъ настроеніи, какъ перестать быть рабами, какъ перестать быть участниками того зла, которое гнететъ всѣхъ насъ вообще и всякаго изъ насъ отдѣльно? Казалось бы, что̀ можетъ быть желательнѣе серьезныхъ, искреннихъ попытокъ разбить эти оковы? А между тѣмъ стоитъ кому либо сдѣлавшему въ душѣ своей этотъ простой выводъ, осуществить его на дѣлѣ, т. е. по религіозной или просто разумной послѣдовательности, отказаться отъ военной или другой государственной службы,— какъ сейчасъ же на него накинутся всѣ и станутъ осуждать его, осмѣивать и даже ругать, злословить. И когда власти преслѣдуютъ такихъ людей, какъ это не разъ случалось въ Россіи съ духоборами, а у насъ въ Австро-Венгріи съ назаренами, то это даже не возбуждаетъ въ массѣ людей негодованія; наоборотъ говорятъ: „по дѣломъ имъ, зачѣмъ дураки, лѣзутъ въ борьбу съ правительствомъ?“ И таково отношеніе къ этому явленію не только,

какъ можно было бы ожидать, людей, проживающихъ свой вѣкъ въ казармахъ, или засѣдающихъ за канцелярскими столами и получающихъ за это жалованіе, но часто и людей, называющихъ себя свободомыслящими, утверждающихъ, что они стоятъ за свободу!

Разъ какъ то въ деревнѣ бесѣдовалъ я съ мужикомъ о рабствѣ, въ которомъ люди находятся. Мужикъ этотъ, какъ и повсемѣстно весь рабочій народъ, отлично сознавалъ это рабство, такъ какъ всю свою жизнь онъ чувствовалъ поработителя на своей собственной спинѣ. Подъ конецъ нашей бесѣды, уходя съ огромной охапкой на спинѣ, онъ заключилъ свое разсужденіе слѣдующими словами: „Говорятъ, для каждаго настала свобода послѣ 48 года. Между тѣмъ свобода все еще въ котлѣ подъ крышкой, недоваренная. Паны ее хранятъ и доварить не даютъ.“

И не будемъ мы свободны до тѣхъ поръ, пока не перестанемъ быть рабами, пока не перестанемъ принимать во вниманіе всякіе господствующіе предразсудки и воображаемыя препятствія.

XIII.

КАКЪ Я ПОПАЛЪ ВЪ ИСПРАВИТЕЛЬНЫЙ КАРЦЕРЪ.

Выше я уже упомянулъ о томъ, что велъ въ тюрьмѣ запрещенную корреспонденцію. Между тѣми, которые способствовали мнѣ въ этомъ, былъ и тюремный ключникъ. Дѣло это нечаянно обнаружилось на бѣду для насъ обоихъ, но больше на мою, такъ какъ для ключника оно взяло неожиданный поворотъ въ его пользу. Вотъ какъ это случилось.

Въ концѣ Августа, старшій ключникъ, дослужившій тогда свой срокъ, былъ замѣщенъ новымъ лицомъ, — унтеръ-офицеромъ изъ цыганъ, попавшимъ на эту должность, вслѣдствіе своего честнаго и примѣрнаго поведенія на службѣ. Одна изъ его обязанностей на новомъ мѣстѣ состояла въ отпираніи и запираніи дверей въ арестантскихъ камерахъ, всякій разъ, когда это требовалось. Исполняя ежедневно по нѣсколько разъ эту обязанность, новый ключникъ часто пользовался этимъ случаемъ, чтобы постоять въ дверяхъ моей камеры, бесѣдуя со мной, и мы скоро почувствовали взаимную симпатію. Однажды, когда мы были уже довольно хорошо знакомы, ключникъ, войдя ко мнѣ, таинственнымъ шепотомъ передалъ мнѣ, что утромъ, будучи въ лавкѣ, онъ узналъ отъ мясника, что въ мѣстной

рители, онъ довелъ своими притѣсненіями двухъ арестантовъ до того, что они предпочли смерть и повѣсились. Онъ принадлежалъ къ тому типу солдатъ, къ счастью уже довольно рѣдкому въ наше время, которые безъ малѣйшаго колебанія всякое дѣло службы считаютъ *своимъ* дѣломъ, почитаютъ военный уставъ какъ нѣчто священное, исполняютъ предписанія въ точности, до послѣдней буквы. Эти люди совершеннѣйшіе рабы передъ начальствомъ и самые ужасные деспоты надъ своими подчиненными.

Хотя, при очень тактичномъ и осторожномъ отношеніи моемъ къ этому человѣку, по временамъ въ немъ куда-то исчезалъ безпрекословный исполнитель предписаній и приказаній маіора-аудитора, и тогда выступалъ наружу человѣкъ, съ которымъ можно было говорить по человѣчески; но это никогда долго не продолжалось, и часто безъ всякаго видимаго повода онъ снова впадалъ въ то раздражительное настроеніе, въ которомъ всѣ арестанты боялись его, избѣгая даже его взгляда. Онъ настолько былъ преданъ своей профессіи, что даже по ночамъ не имѣлъ покоя: ходилъ въ туфляхъ по корридорамъ, подсматривалъ въ форточки и подслушивалъ разговоры арестантовъ между собою. Съ этимъ человѣкомъ пришлось мнѣ ежедневно имѣть дѣло, и, въ общемъ, мнѣ удавалось жить съ нимъ мирно. Я избѣгалъ всякаго слова, которое могло-бы вызвать въ немъ или поощрять нехорошія стороны его натуры, и старался уступать ему, когда онъ приставалъ ко мнѣ, хотя въ этихъ случаяхъ, онъ всегда бывалъ не правъ, и это отчасти дѣлало сносными наши отношенія. Иногда, когда онъ бывалъ въ духѣ, мы даже весело бесѣдовали, подчивали другъ друга папиросами, собирали въ его саду гусеницъ съ капусты, кормили голубей и слѣдили за ростомъ ихъ птенцовъ. Но часто, вдругъ ни съ

почтамтъ. На почтамтѣ дѣло показалось подозрительнымъ, и письма ему также не выдали, а переслали въ департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, откуда позже, въ открытомъ уже видѣ, оно было вручено маіору.

Арестъ ключника вызвалъ между арестантами негодованіе противъ надзирателя, и до нѣкоторой степени также и противъ меня, ибо многіе считали меня виновникомъ этого дѣла. Между низшими чинами, служившими въ тюрьмѣ и при судѣ, произошелъ прямо переполохъ, когда они узнали о случившемся, ибо каждый изъ нихъ болѣе или менѣе, содѣйствовалъ моей запрещенной корреспонденціи. Такъ что, когда я въ обычное время вышелъ на дворъ гулять, подъ строжайшимъ уже тогда надзоромъ, то съ разныхъ сторонъ стали являться въ окнахъ взволнованныя лица то одного, то другого, поспѣшно дѣлавшія мнѣ знаки, чтобы, ради Бога, не выдать ихъ или чтобы уничтожить тѣ предметы, которые могли бы послужить доказательствомъ ихъ вины. Но въ то время мною уже было уничтожено все, что могло бы возбуждать подозрѣніе или выдать кого нибудь, и я, кивая головой и жестикулируя руками, какъ умѣлъ, успокоивалъ ихъ.

Сначала судья допрашивалъ ключника, а потомъ велѣлъ привести и меня.

— Вы посылали ключника на почтамтъ за письмомъ подъ такимъ то адресомъ? спросилъ онъ меня, показывая мнѣ ту самую бумажку, на которой я собственноручно написалъ адресъ и передалъ ключнику для полученія письма.

— Да, я просилъ его объ этомъ.

— Почему вы это сдѣлали?

— Потому что свободная корреспонденція мнѣ запрещена.

— Корреспонденція запрещена вамъ не безъ

подымалась горечь и закипала злоба противъ него. Иногда при первой вспышкѣ, мнѣ казалось, что нельзя относиться кротко къ такимъ несправедливымъ нападкамъ и оскорбленіямъ, — что этимъ я унижаю свое человѣческое достоинство, и мнѣ казалось, что я долженъ выказать свое презрѣніе къ этому человѣку. Но потомъ, — всегда какъ-то само собой, — проходило это дурное чувство, и какъ только я замѣчалъ, что съ лица надзирателя исчезалъ прежній отпечатокъ нравственной смерти, я сейчасъ же невольно переходилъ въ прежній дружескій тонъ, а онъ каждый разъ отвѣчалъ мнѣ тѣмъ же, и даже съ извѣстной не свойственной ему мягкостью, какъ бы извиняясь передо мною, начиналъ жаловаться на боли въ желудкѣ, очевидно желая приписать свою злобу физической болѣзни. Иной разъ, послѣ какой нибудь несправедливой своей выходки, онъ, въ видѣ примиренія, приносилъ мнѣ въ камеру на тарелкѣ сладкое кушанье, при чемъ я, хотя и испытывалъ нѣкоторую неловкость, однако не могъ отказать ему.

Совсѣмъ другого рода человѣкъ былъ младшій надзиратель: высокій, стройный, съ виду настоящій воинъ, съ сильнымъ баритономъ, потрясающимъ воздухъ, когда онъ командовалъ, и при томъ человѣкъ добродушнаго, мягкаго характера, постоянно веселый и полный здороваго, хотя и грубоватаго юмора. Онъ всегда обращался со мной хорошо и учтиво и всегда былъ готовъ оказывать мнѣ маленькія услуги. Выходки старшаго надзирателя противъ меня его вседа искренно огорчали, и онъ давалъ мнѣ совѣты какъ избавиться отъ нихъ. До извѣстной, конечно, степени онъ даже сочувствовалъ моимъ убѣжденіямъ. Когда я говорилъ съ нимъ о томъ, что война должна прекратиться, что существующій порядокъ скверенъ и долженъ измѣниться, что вѣчные лѣн-

мѣтилъ только: „мнѣ жаль, что изъ-за меня попался ключникъ; если бы я предвидѣлъ, что изъ этого выйдетъ, то ни за что не захотѣлъ бы его услугъ!“ И дѣйствительно, я немножко каялся въ томъ, что въ данномъ случаѣ проявилъ свое личное желаніе и не отказался отъ всякой корреспонденціи, разъ она была мнѣ запрещена, и зная, что нарушеніе этого запрещенія можетъ навлечь бѣду на другого.

Обо мнѣ и о ключникѣ пошло донесеніе къ корпусному командиру. Затѣмъ сдѣлали обыскъ въ моей камерѣ. Явились оба надзирателя, тюремные сторожа и часовой. Старшій надзиратель былъ крайне возмущенъ тѣмъ, что я посмѣлъ затѣять столь противозаконный поступокъ, называлъ мое поведеніе неблагодарностью и былъ со мною очень раздражителенъ и строгъ, своимъ рѣзкимъ тономъ какъ бы вызывая меня тоже на рѣзкость.

Меня поставили въ сторону и стали шарить по угламъ и по всѣмъ щелямъ въ полу, разбросали все бѣлье и даже солому изъ тюфяка вытрясли, — но ничего не нашли. Потомъ старшій надзиратель злобно крикнулъ мнѣ: „Раздѣньтесь!“ Меня кольнуло, когда я понялъ, что и меня самого будутъ обыскивать грубымъ способомъ, но я, не возражая, снялъ верхнюю одежду. На ней ощупали каждый шовъ. Потомъ надзиратель ощупалъ меня самъ по всему тѣлу, затѣмъ приказалъ разставить ноги и открыть ротъ. Я сдѣлалъ и это, но почувствовалъ, какъ при этомъ кровь хлынула мнѣ въ голову и какъ мышцы около рта дрогнули. Мнѣ было досадно, и стыдно, и обидно. Но я не потерялъ своего равновѣсія, хотя чувствовалъ, какъ поднималась во мнѣ горечь, и какъ возмущаетъ меня эта солдатская грубость.

Послѣ этой расправы я, въ сопровожденіи кара

ульнаго, выведенъ былъ на дворъ доканчивать прерванную обязательную ежедневную прогулку. Чтобы выместить на мнѣ свою злобу и показать всю свою власть надо мной, старшій надзиратель велѣлъ шагать караульному вслѣдъ за мной по указанному разстоянію отъ одного фонаря до другого, около 10 или 15 шаговъ.

Что-бы ни случилось съ человѣкомъ, все будетъ ему на пользу, если только онъ самъ, своей душей, занимаетъ надлежащее положеніе по отношенію къ дѣйствительности. Мнѣ кажется, что нѣтъ вообще такого положенія, которое тотчасъ же не перестаетъ угнетать и дѣлать насъ несчастными, какъ только мы подавимъ въ себѣ самолюбіе и личную волю.

Какъ отъ прикосновенія волшебной палки, такъ при подавленіи нашей личной воли, для насъ вдругъ перестаетъ быть несчастьемъ, или бѣдствіемъ то, что намъ казалось таковымъ. Стоитъ вспомнить, какимъ случайностямъ, какому униженію всякую минуту подлежитъ наша плоть, и сейчасъ же становится легче: вѣдь я могу заболѣть, слечь въ постель и непремѣнно когда нибудь долженъ умереть. Тогда не только не будетъ и десяти шаговъ, отъ одного фонаря до другого, но даже и одного шага не будетъ! Съ другой стороны, нѣтъ положенія въ жизни человѣка, которое лишало бы его всего, и при которомъ не за что было бы ему быть благодарнымъ провидѣнію за то, чѣмъ онъ еще можетъ пользоваться. И такъ удивительно спокойно становится на душѣ, такъ удивительно свѣтло, когда удастся образумить себя, разломать оковы личной воли, которые мѣшаютъ дѣйствительной свободѣ! А это вѣдь всегда возможно, стоитъ только захотѣть быть „ничѣмъ“, т. е. отбросить желаніе играть какую бы то ни было роль, и, наоборотъ, стереть свою личность.

На слѣдующій день, кажется 7-го Сентября, — былъ полученъ отвѣтъ отъ корпуснаго командира на донесеніе маіора-судьи, въ которомъ предписывалось: за нарушеніе тюремной дисциплины посадить меня на 14 дней въ исправительный карцеръ.

Объ этомъ учрежденіи я уже имѣлъ приблизительное понятіе. Однажды, показывая мнѣ рабочія камеры, надзиратель повелъ меня, между прочимъ, и въ исправительный карцеръ, гдѣ въ то время, закованный въ кандалы, сидѣлъ на голыхъ доскахъ груетный арестантъ.

Къ зданію тюрьмы былъ пристроенъ особый флигель, раздѣленный на множество маленькихъ камеръ: это были темные, одиночные и исправительные карцера. Въ темныхъ и одиночныхъ были постоянные жильцы, въ исправительныхъ же только временно и не надолго, обыкновенно на однѣ, двое сутокъ. Попадали туда арестанты за дерзкое или буйное поведеніе. Надоѣстъ ли кому нибудь изъ нихъ однообразная принудительная работа въ мастерской, или слишкомъ ужъ опротивитъ ежедневная безсмысленная маршировка на дворѣ, и онъ откажется совершать ее, — его за это сажаютъ въ исправительный карцеръ и надѣваютъ ему кандалы, сковывая правую руку съ лѣвой ногой; желая же наказать провинившагося еще строже, „вывяжутъ“ часа на два и на три.

Такъ какъ навѣрное не многіе изъ читателей знаютъ, что обозначаетъ техническое выраженіе „вывязать“, то, думаю, умѣстно будетъ разсказать здѣсь объ этой средневѣковой, варварской пыткѣ, употребляемой до сихъ поръ въ австро-венгерской арміи и примѣняемой ежедневно сотни разъ и въ тюрьмахъ, и въ полкахъ всей монархіи. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ: руки солдата на спинѣ

Ему, какъ и многимъ другимъ, не видна была внутренняя сторона моего отказа, сущность его. Такой человѣкъ, естественно, долженъ считать подобный поступокъ неразумнымъ, напраснымъ страданіемъ. И дѣйствительно неразумно было бы отказываться отъ военной службы изъ-за внѣшнихъ, общественныхъ соображеній, да и врядъ ли кто можетъ руководиться такими соображеніями въ подобныхъ случаяхъ.

Дѣло въ томъ, что, потерявши еще за нѣсколько лѣтъ до отказа всякое руководство, всякую радость, всякій смыслъ жизни,—я вслѣдствіе этого находился въ положеніи отчаянія. И вдругъ я нашелъ указаніе на путь, до тѣхъ поръ мнѣ неизвѣстный. На этомъ то пути я и нашелъ то, что потерялъ, т. е. удовлетвореніе и смыслъ жизни, хотя на совершенно новой для меня основѣ. Идя по этому пути, — т. е. ища спасенія отъ погибели, — я, неизбѣжно, помимо моего личнаго желанія, былъ приведенъ къ тому, что *долженъ* былъ отказаться; дальнѣйшій же путь, при существующихъ условіяхъ общественнаго порядка, неизбѣжно долженъ былъ привести меня къ тюрьмѣ. Но развѣ тюрьма или что либо подобное можетъ помѣшать человѣку придерживаться истины, если онъ въ осуществленіи этой истины видитъ всю свою задачу, единственное свое спасеніе?

Стремленія и поступки на этомъ пути не слѣпы, какъ это обыкновенно предполагаютъ люди. Напротивъ: именно зрячіе ищутъ и ходятъ по пути къ освобожденію. И движеніе по немъ свободно и сознательно. Что же дѣлать, если оно сопряжено съ затрудненіями? Видно такъ должно быть, безъ этого нельзя.

Какъ то особенно трудно толковать о жизни съ людьми образованными и просвѣщенными современ-

яніи четырехъ шаговъ отъ окна стояла высокая постройка главнаго зданія тюрьмы, мѣшавшая этому.

Осматриваясь вокругъ, я замѣтилъ на потолкѣ неподвижныхъ и ползавшихъ старыхъ черныхъ клоповъ. А на полу наткнулся на ввинченное большое желѣзное кольцо, предназначенное для того, чтобы привязывать къ нему буйныхъ, соединяя плотно ихъ руки съ ногами. Одно изъ самыхъ жестокихъ наказаній, котораго, однако, мнѣ самому ни разу ни случилось видѣть.

Каждый разъ, когда я вдругъ, неожиданно попадаю въ новое трудное положеніе, то на первыхъ порахъ чувствую себя, какъ бы, ошеломленнымъ. Такъ было и на этотъ разъ. Стараясь выяснить себѣ свое положеніе и свое отношеніе къ нему, я сѣлъ на пустыя нары и задумался. Вдругъ снова открылась дверь, пахнуло свѣжимъ воздухомъ, и вошелъ надзиратель, держа въ рукахъ старый, рваный военный плащъ; передавъ его мнѣ, онъ сказалъ: „это я даю вамъ отъ себя, чтобы ночью вамъ все таки теплѣй было; никакой постели, кромѣ голыхъ наръ и соломенной подушки, вамъ не полагается. Ни читать, ни писать, ни, вообще, заниматься чѣмъ бы то ни было впродолженіе 14-ти сутокъ вашего пребыванія здѣсь — вамъ не разрѣшается. Всѣхъ тѣхъ льготъ, которыми вы пользовались до сихъ поръ, вы лишены на это время. Одинъ часъ ежедневной прогулки, однако, оставленъ вамъ.“

Все это надзиратель проговорилъ хотя и холодно, но все же не прежнимъ сердитымъ тономъ: онъ видимо былъ доволенъ своей удачной местью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ показалось, что ему какъ-то неловко было передо мной, и онъ все время ни разу не взглянулъ мнѣ прямо въ глаза.

Мнѣ кажется, я бы одинаково равнодушно принялъ всякую вѣсть о какомъ бы то ни было запрещеніи: если бы, напримѣръ, мнѣ стали замуравливать окошко, или унесли бы нары, или запретили бы ходить. Хотя мнѣ и было тяжело, но я находился въ томъ состояніи, когда человѣкъ можетъ перенести гораздо больше, чѣмъ самъ отъ себя ожидаетъ. Одно, я чувствовалъ, было важно для меня въ то время, — это прислушиваться къ тому, что совершалось внутри меня, къ тому какъ отзывается душа на все происходящее со мной и на окружающую меня обстановку, и тутъ я снова убѣдился въ томъ, во что давно вѣрилъ, и въ чемъ неоднократно до тѣхъ поръ приходилось убѣждаться, а именно въ томъ, что жизнь наша, внутреннее равновѣсіе души нашей не зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Поэтому уже въ скоромъ времени я сталъ испытывать не страданіе, которое предполагали мнѣ причинить судьи и начальство, а твердое, спокойное состояніе души. Я видѣлъ и понималъ, что внѣшнее мое положеніе въ данную минуту гораздо хуже, чѣмъ положеніе всякого нищаго и бродяги, скитающагося безпріютно по міру, а все же при томъ чувствовалъ, что я богатъ, такъ какъ имѣлъ то, что нужнѣе всего: твердую вѣру въ Бога, которая не даетъ пасть духомъ ни въ тюрьмѣ, ни въ одиночествѣ, — ни при лишеніи всѣхъ земныхъ благъ. Вся тайна умѣнія жить состоитъ въ томъ, чтобы искренно, по своимъ силамъ, отбрасывать личныя, мірскія желанія и соблюдать интересы духовные,—тѣ самые, которые даютъ дѣйствительную жизнь.

До тѣхъ поръ, пока мнѣ не пришлось попасть въ карцеръ, я находился въ привиллегированномъ положеніи относительно большинства арестантовъ. Я пользовался разными льготами: у меня была от-

дѣльная просторная камера, мнѣ было позволено курить и покупать чего нибудь себѣ на ужинъ на нѣсколько копѣекъ; меня часто посѣщали знакомые; со мною сторожа обращались съ бо́льшимъ вниманіемъ, чѣмъ съ другими и т. п. Однимъ словомъ я былъ на положеніи барина, и младшій надзиратель былъ совершенно правъ, когда говорилъ мнѣ: „панъ и въ аду останется паномъ.“ Хотя я и жилъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ арестантами, все же я зналъ, что довольно часто моя привиллегированность возбуждала въ нихъ естественное чувство зависти. Теперь же, попавъ на 14 сутокъ въ исправительный карцеръ, я этимъ самымъ попалъ въ одно изъ самыхъ худшихъ и трудныхъ положеній, которому уже ни одинъ изъ арестантовъ не могъ завидовать, и которое, наоборотъ, вызывало въ нихъ только одно хорошее чувство жалости ко мнѣ. Такое положеніе какъ бы утончало мою работу жизни и давало ей особеннаго рода прелесть. При этомъ исчезала, какъ бы сама собою, преграда, дотолѣ существовавшая между мной, чисто одѣтымъ и лучше другихъ содержимымъ бариномъ-арестантомъ и большинствомъ другихъ арестантовъ, которыми никто не занимался, и которымъ никто не выказывалъ любви. То, чего я жажду, къ чему стремлюсь, но чего мнѣ, тѣмъ не менѣе, такъ рѣдко и такъ несовершенно удавалось достигать — братскихъ естественныхъ отношеній съ простымъ народомъ,—я достигъ тутъ, благодаря тѣмъ, кто думали наказать меня въ высшей степени. Я подошелъ ближе къ тѣмъ людямъ, которые на своихъ плечахъ испоконъ вѣковъ испытываютъ свое безправіе и людское жестокосердіе, господствующее на землѣ. Кромѣ того, благодаря этому наказанію и униженію, я имѣлъ еще ту выгоду, что положеніе мое заставляло меня относиться къ запросамъ моей души болѣе серьезно и болѣе строго, о чемъ, при иныхъ

какъ можно было бы ожидать, людей, проживающихъ свой вѣкъ въ казармахъ, или засѣдающихъ за канцелярскими столами и получающихъ за это жалованіе, но часто и людей, называющихъ себя свободомыслящими, утверждающихъ, что они стоятъ за свободу!

Разъ какъ то въ деревнѣ бесѣдовалъ я съ мужикомъ о рабствѣ, въ которомъ люди находятся. Мужикъ этотъ, какъ и повсемѣстно весь рабочій народъ, отлично сознавалъ это рабство, такъ какъ всю свою жизнь онъ чувствовалъ поработителя на своей собственной спинѣ. Подъ конецъ нашей бесѣды, уходя съ огромной охапкой на спинѣ, онъ заключилъ свое разсужденіе слѣдующими словами: „Говорятъ, для каждаго настала свобода послѣ 48 года. Между тѣмъ свобода все еще въ котлѣ подъ крышкой, недоваренная. Паны ее хранятъ и доварить не даютъ.“

И не будемъ мы свободны до тѣхъ поръ, пока не перестанемъ быть рабами, пока не перестанемъ принимать во вниманіе всякіе господствующіе предразсудки и воображаемыя препятствія.

нее; увидавъ на ней слѣды укуса клопа, я принужденъ былъ изъ міра фантазіи вернуться къ окружающей меня дѣйствительности. Я поспѣшно всталъ и успѣлъ замѣтить виновника, который быстрымъ ходомъ спасался въ щель между двумя досками нары. Меня обезпокоила эта новая бѣда и, начавъ осматривать всѣ углы и стѣны карцера, я открылъ огромное количество клоповъ, притаившихся цѣлыми кучами въ разныхъ углахъ. — „Какъ тутъ быть? Втеченіе двухъ недѣль они меня съѣдятъ заживо!“ подумалъ я, уже раньше того нѣсколько разъ испытавъ пристрастіе этихъ насѣкомыхъ къ моей крови. Съ отвращеніемъ сталъ я давить подошвой тѣхъ, которыхъ могъ достать. Въ эту и слѣдующую ночь я совсѣмъ не могъ спать отъ моихъ сожителей. Лишь только закрывалъ глаза, они сейчасъ же являлись ко мнѣ десятками, разныхъ оттѣнковъ и возрастовъ. Я нашелъ кусокъ желѣза въ отверстіи отдушника и этимъ орудіемъ расправлялся съ клопами въ теченіе 3-хъ сутокъ и днемъ, и ночью, пока не уничтожилъ всѣхъ до послѣдняго. И безъ того скверный воздухъ сталъ еще хуже отъ раздавленныхъ клоповъ, но я былъ доволенъ, что избавился отъ этихъ враговъ, и съ тѣхъ поръ сталъ спать отлично.

Опытъ уже очень давно и очень наглядно показалъ людямъ, какъ отзывается исправительный карцеръ на здоровьи тѣхъ, кого они туда сажаютъ, и потому то они рѣшили предпринять „гуманную мѣру“, заключающуюся въ томъ, что арестантъ ежедневно долженъ быть приводимъ на пріемъ къ военному врачу. Поэтому то и меня тоже водили къ нему каждый день. Осмотръ врача состоялъ въ томъ, что онъ, съ видомъ человѣка совершенно равнодушнаго, которому все это давно надоѣло и которому совсѣмъ не до тебя, задавалъ вопросы:

газетѣ напечатанъ отзывъ о моемъ отказѣ, и что мясникъ, интересуясь мною, разспрашивалъ его про меня.

Въ тотъ же самый день, черезъ другое лицо, мнѣ была доставлена вѣнская газета, въ которой даже было цѣликомъ помѣщено мое письмо къ начальнику госпиталя и краткое объясненіе причины моего отказа. Мнѣ хотѣлось знать, что̀ пишутъ о томъ другія газеты, и когда я объ этомъ сказалъ ключнику, то онъ съ готовностью предложилъ мнѣ свои услуги. Я съ радостью принялъ его предложеніе и написалъ письмо одному моему другу, прося его выслать мнѣ подъ адресомъ Экцельзіоръ № 195 poste restante всѣ замѣтки, относящіяся до моего отказа, которыя онъ можетъ достать. Другъ мой такъ и сдѣлалъ: онъ собралъ разные отзывы разныхъ газетъ и журналовъ, также отзывы нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ въ частныхъ письмахъ обо мнѣ, и ко всему этому приложилъ еще, (какъ я узналъ объ этомъ впослѣдствіи), появившуюся тогда въ печати русскую книгу объ отказѣ и смерти Дрожжина; и все это выслалъ толстымъ пакетомъ по указанному мною адресу. Однако по ошибкѣ спуталъ номеръ, написавъ № 185 вмѣсто № 195. Перепутанное число на письмѣ дало поводъ почтовому чиновнику усумниться, дѣйствительно ли оно принадлежитъ человѣку, пришедшему за нимъ. Ключникъ же растерялся, когда чиновникъ спросилъ: ему ли это письмо? И желая выпутаться, сказалъ, что не ему, но что онъ посланъ за нимъ тюремнымъ надзирателемъ. Письма не выдали, а попросили самого надзирателя явиться за нимъ. Тотъ сейчасъ же догадался кому адресовано письмо и донесъ объ этомъ дѣлѣ маіору-аудитору, который первымъ долгомъ велѣлъ арестовать ключника и затѣмъ лично самъ отправился за письмомъ на

почтамтъ. На почтамтѣ дѣло показалось подозрительнымъ, и письма ему также не выдали, а переслали въ департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, откуда позже, въ открытомъ уже видѣ, оно было вручено маіору.

Арестъ ключника вызвалъ между арестантами негодованіе противъ надзирателя, и до нѣкоторой степени также и противъ меня, ибо многіе считали меня виновникомъ этого дѣла. Между низшими чинами, служившими въ тюрьмѣ и при судѣ, произошелъ прямо переполохъ, когда они узнали о случившемся, ибо каждый изъ нихъ болѣе или менѣе, содѣйствовалъ моей запрещенной корреспонденціи. Такъ что, когда я въ обычное время вышелъ на дворъ гулять, подъ строжайшимъ уже тогда надзоромъ, то съ разныхъ сторонъ стали являться въ окнахъ взволнованныя лица то одного, то другого, поспѣшно дѣлавшія мнѣ знаки, чтобы, ради Бога, не выдать ихъ или чтобы уничтожить тѣ предметы, которые могли бы послужить доказательствомъ ихъ вины. Но въ то время мною уже было уничтожено все, что могло бы возбуждать подозрѣніе или выдать кого нибудь, и я, кивая головой и жестикулируя руками, какъ умѣлъ, успокоивалъ ихъ.

Сначала судья допрашивалъ ключника, а потомъ велѣлъ привести и меня.

— Вы посылали ключника на почтамтъ за письмомъ подъ такимъ то адресомъ? спросилъ онъ меня, показывая мнѣ ту самую бумажку, на которой я собственноручно написалъ адресъ и передалъ ключнику для полученія письма.

— Да, я просилъ его объ этомъ.

— Почему вы это сдѣлали?

— Потому что свободная корреспонденція мнѣ запрещена.

— Корреспонденція запрещена вамъ не безъ

нибудь изъ нихъ или чтобы мнѣ не было, еще того хуже, вручено что нибудь этими людьми. Все это происходило въ концѣ шестого часа.

Въ это время всѣ арестанты выходили на дворъ и начиналась маршировка, которая продолжалась до восьми. Доходящія до моей камеры шаганіе, команда и иногда уловляемыя слова ея — были извѣстнаго рода развлеченіемъ для меня. Иногда же я занимался тѣмъ, что смотрѣлъ въ форточку въ дверяхъ на то, что дѣлалось въ корридорѣ. Въ одиночныхъ камерахъ, напротивъ меня, въ это время двери бывали открыты и обитатели ихъ приносили себѣ матерьялъ для дневного занятія, или же просто стояли каждый передъ своей дверью и, пользуясь удобнымъ случаемъ, разговаривали другъ съ другомъ.

Послѣ восьми часовъ, когда маршировка кончалась, и всѣ аростанты отправлялись или въ городъ, или въ тюремныя мастерскія, каждый къ своему занятію, — въ нашемъ корридорѣ наступала тишина. Это было время самаго уединеннаго размышленія, самой иногда горячей внутренней работы для меня. Въ 10 часовъ выпускали меня на полъ часа, иногда на часъ, во дворъ — „гулять“. Прогулка была не очень заманчива. Караульный со штыкомъ слѣдовалъ всюду по пятамъ; ходить разрѣшалось только по указанной тропинкѣ, на указанномъ короткомъ разстояніи; ни слова ни съ кѣмъ нельзя было перемолвить, да и никто не сталъ бы говорить со мной, такъ какъ это было всѣмъ строго на строго запрещено; даже съ курами мнѣ нельзя было возиться: надзиратель нарочно затворялъ ихъ на это время.

Не столько сами лишенія, сколько сознаніе того, что, по какой то непонятной злобѣ, люди относятся къ тебѣ такъ безбожно, — дѣйствовало на меня непріятно и угнетало меня. Въ карцерѣ все таки я

STANFORD LIBRARIES

былъ физически свободнѣе: тамъ не настолько было замѣтно отчужденіе отъ людей; и если я выходилъ, — то выходилъ единственно потому, что считалъ нужнымъ провѣтриться и побывать на солнцѣ. Когда я возвращался назадъ въ свой карцеръ, меня каждый разъ съизнова поражалъ въ немъ тяжелый спертый воздухъ.

Обыкновенно я садился на нары и думалъ . . . . Думалъ или потому, что хотѣлось думать, и было о чемъ думать, — и тогда время убѣгало быстро, и мнѣ бывало хорошо на душѣ; или думалъ иной разъ только потому, что нечего было больше дѣлать, — что нельзя было не думать, и при этомъ мысли мои были или мало, или совсѣмъ безсодержательны, и время тогда казалось чѣмъ то медленно, лѣниво движущимся впередъ. Я считалъ дни и полудни и четверти дней, и такъ мало, казалось мнѣ, прошло времени, просиженнаго мною, и такъ много его еще было впереди! И приходили пустыя и не нужныя мечты о будущемъ: „пройдутъ здѣсь двѣ недѣли, пройдутъ еще двѣ послѣднія недѣли въ прежней моей камерѣ. Меня выпустятъ на свободу и будутъ заставлять дослуживать недослуженный срокъ въ качествѣ рядового. На это я никакъ ужъ не буду способенъ, откажусь снова, тѣмъ болѣе, что теперь знаю, испытавъ это на дѣлѣ, что тюрьма не есть для меня несчастіе. Снова попаду сюда же. Потомъ меня снова осудятъ, но на болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ въ первый разъ, и тогда повезутъ въ другой городъ, въ другую тюрьму, туда, гдѣ сидятъ арестанты, осужденные на нѣсколько лѣтъ. Буду сидѣть тамъ въ общемъ отдѣленіи вмѣстѣ съ другими. Будетъ веселѣе и интереснѣе. Говорятъ—тамъ лучше тѣмъ, что всякій долженъ заниматься какимъ нибудь ремесломъ, и даже деньги зарабатываетъ. И я заработаю. Это

ульнаго, выведенъ былъ на дворъ доканчивать прерванную обязательную ежедневную прогулку. Чтобы выместить на мнѣ свою злобу и показать всю свою власть надо мной, старшій надзиратель велѣлъ шагать караульному вслѣдъ за мной по указанному разстоянію отъ одного фонаря до другого, около 10 или 15 шаговъ.

Что-бы ни случилось съ человѣкомъ, все будетъ ему на пользу, если только онъ самъ, своей душей, занимаетъ надлежащее положеніе по отношенію къ дѣйствительности. Мнѣ кажется, что нѣтъ вообще такого положенія, которое тотчасъ же не перестаетъ угнетать и дѣлать насъ несчастными, какъ только мы подавимъ въ себѣ самолюбіе и личную волю.

Какъ отъ прикосновенія волшебной палки, такъ при подавленіи нашей личной воли, для насъ вдругъ перестаетъ быть несчастьемъ, или бѣдствіемъ то, что намъ казалось таковымъ. Стоитъ вспомнить, какимъ случайностямъ, какому униженію всякую минуту подлежитъ наша плоть, и сейчасъ же становится легче: вѣдь я могу заболѣть, слечь въ постель и непремѣнно когда нибудь долженъ умереть. Тогда не только не будетъ и десяти шаговъ, отъ одного фонаря до другого, но даже и одного шага не будетъ! Съ другой стороны, нѣтъ положенія въ жизни человѣка, которое лишало бы его всего, и при которомъ не за что было бы ему быть благодарнымъ провидѣнію за то, чѣмъ онъ еще можетъ пользоваться. И такъ удивительно спокойно становится на душѣ, такъ удивительно свѣтло, когда удастся образумить себя, разломать оковы личной воли, которые мѣшаютъ дѣйствительной свободѣ! А это вѣдь всегда возможно, стоитъ только захотѣть быть „ничѣмъ“, т. е. отбросить желаніе играть какую бы то ни было роль, и, наоборотъ, стереть свою личность.

На слѣдующій день, кажется 7-го Сентября, — былъ полученъ отвѣтъ отъ корпуснаго командира на донесеніе маіора-судьи, въ которомъ предписывалось: за нарушеніе тюремной дисциплины посадить меня на 14 дней въ исправительный карцеръ.

Объ этомъ учрежденіи я уже имѣлъ приблизительное понятіе. Однажды, показывая мнѣ рабочія камеры, надзиратель повелъ меня, между прочимъ, и въ исправительный карцеръ, гдѣ въ то время, закованный въ кандалы, сидѣлъ на голыхъ доскахъ грустный арестантъ.

Къ зданію тюрьмы былъ пристроенъ особый флигель, раздѣленный на множество маленькихъ камеръ: это были темные, одиночные и исправительные карцера. Въ темныхъ и одиночныхъ были постоянные жильцы, въ исправительныхъ же только временно и не надолго, обыкновенно на однѣ, двое сутокъ. Попадали туда арестанты за дерзкое или буйное поведеніе. Надоѣстъ ли кому нибудь изъ нихъ однообразная принудительная работа въ мастерской, или слишкомъ ужъ опротивитъ ежедневная безсмысленная маршировка на дворѣ, и онъ откажется совершать ее, — его за это сажаютъ въ исправительный карцеръ и надѣваютъ ему кандалы, сковывая правую руку съ лѣвой ногой; желая же наказать провинившагося еще строже, „вывяжутъ“ часа на два и на три.

Такъ какъ навѣрное не многіе изъ читателей знаютъ, что обозначаетъ техническое выраженіе „вывязать“, то, думаю, умѣстно будетъ разсказать здѣсь объ этой средневѣковой, варварской пыткѣ, употребляемой до сихъ поръ въ австро-венгерской арміи и примѣняемой ежедневно сотни разъ и въ тюрьмахъ, и въ полкахъ всей монархіи. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ: руки солдата на спинѣ

провожавшій его часовой оглядывали меня. Въ это время, какъ во всей тюрьмѣ, такъ и на душѣ бывало тихо. Слышны были только шаги караульнаго или его тихое мурлыканье отъ скуки. Слышна бывала и смѣна караула. Больше шуму производили лишь дежурные офицеры, когда они приходили осматривать караулъ и часовыхъ. Иногда дежурный, увидѣвъ мое имя, выписанное на таблицѣ двери, а можетъ быть и знавшій меня лично, или же съ виду, или только по слухамъ, останавливался и смотрѣлъ черезъ маленькія дырочки въ жестяной форточкѣ въ двери. Я не могъ узнать стоявшаго у двери, но онъ могъ свободно видѣть меня въ ясно освѣщенной камерѣ. Я чувствовалъ себя совершенно спокойно, когда меня подсматривали такимъ образомъ, и вспоминалъ то странное, почти жуткое чувство, которое я испытывалъ, когда бывши еще военнымъ докторомъ самъ дежурилъ и осматривалъ черезъ форточку больныхъ арестантовъ или затворенныхъ сумасшедшихъ.

Я засыпалъ спокойно, свободный отъ нечистыхъ видѣній, и спалъ крѣпкимъ, здоровымъ сномъ на жесткомъ, деревянномъ ложѣ.

Съ воспоминаніемъ объ исправительномъ карцерѣ во мнѣ неразлучно связаны воспоминанія о двухъ событіяхъ, совпадающихъ по времени и мѣсту.

Одно изъ нихъ: знакомство черезъ стѣну съ сосѣдомъ-арестантомъ, другое—посѣщеніе моей матери. О двухъ этихъ происшествіяхъ хочу хоть коротко упомянуть, такъ какъ безъ нихъ глава эта была бы не полна.

На шестой или седьмой день моего пребыванія въ карцерѣ, я услышалъ въ сосѣдней камерѣ, до тѣхъ поръ стоявшей пустой,—шумъ и голоса, кото-

рые черезъ нѣсколько мгновеній затихли. Нѣсколько минутъ позже до меня дошелъ снова шорохъ оттуда же, шорохъ, по которому я несомнѣнно догадался, что рядомъ со мной помѣстили сосѣда. На два карцера была одна общая печка въ стѣнѣ, черезъ отдушникъ которой, — если приложить ухо, —можно было разобрать малѣйшій звукъ въ сосѣдной камерѣ. Я прислушался и разслышалъ дыханіе и треніе одежды и сапогъ кого то лежащаго на нарахъ. Я сталъ ходить въ ожиданіи, что сосѣдъ мой отзовется, такъ какъ не былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, кто онъ: вѣдь онъ могъ быть и не арестантъ. Но сосѣдъ не отзывался. Должно быть—человѣкъ равнодушный, подумалъ я и опять легъ, не думая больше о немъ. Вдругъ сосѣдъ мой сталъ насвистывать, и по его свисту я узналъ въ немъ сейчасъ и мадьярина, и мужицкаго парня. Немного погодя онъ сталъ что то нашептывать себѣ, однако я ни слова не могъ разобрать. Вдругъ слышу, какъ онъ всталъ, и какъ зазвенѣло желѣзо: значитъ—онъ въ кандалахъ. Подпрыгивая и при всякомъ своемъ прыжкѣ звеня кандалами, онъ подошелъ къ отдушнику. Сначала онъ молчалъ, какъ бы прислушиваясь, а потомъ робкимъ голосомъ спросилъ: кто здѣсь?

Я вскочилъ съ наръ, подошелъ тоже къ отдушнику и сказалъ ему, кто я, добавивъ, что онъ могъ видѣть меня гуляющимъ на дворѣ, такъ какъ я четвертый мѣсяцъ нахожусь уже въ тюрьмѣ.

— Аа! отозвался онъ. И въ этомъ „аа“ прозвучало какъ бы разочарованіе; онъ, очевидно, ожидалъ кого нибудь другого, получше меня. Нѣсколько минутъ у насъ шелъ разговоръ не совсѣмъ свободный; его надо было поддерживать съ извѣстнымъ усиліемъ. Но скоро, когда я сталъ разсказывать моему сосѣду, на какомъ основаніи я нахожусь здѣсь, онъ почув-

ствовалъ ко мнѣ довѣріе и въ тотъ же вечеръ разсказалъ мнѣ про себя.

Это былъ очень мягкій, простой человѣкъ, по развитію чуть ли не полудурачекъ. Былъ онъ пастухомъ въ южновенгерскихъ степяхъ, пока его не взяли въ солдаты. Попавъ въ рекруты, онъ тосковалъ какъ и всѣ и, быть можетъ, болѣе, чѣмъ другіе, такъ какъ весь вѣкъ свой прожилъ въ свободныхъ степяхъ; къ тому же онъ былъ придурковатъ и потому ему еще хуже доставалось чѣмъ другимъ. Наконецъ, чтобы избавиться отъ службы, онъ отрѣзалъ себѣ ухо и сказалъ начальству, что лошадь отгрызла ему ухо. Однако капли крови на маленькомъ зеркальцѣ въ конюшнѣ и гладкій, ровный порѣзъ выдали его; онъ попалъ подъ судъ и вотъ—восьмой уже мѣсяцъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за свой проступокъ. Бѣдняга, помимо того, что лишился уха и больше года долженъ былъ отсиживать въ тюрьмѣ, былъ осужденъ, сверхъ трехлѣтняго срока, дослуживать еще четвертый годъ. Но все же онъ, повидимому, стоически переносилъ свою судьбу.

Шесть сутокъ мы прожили съ нимъ другъ возлѣ друга, не видя одинъ другого, въ мирной, пріятной дружбѣ. Лучшаго сосѣда, чѣмъ онъ, я не могъ бы себѣ желать. Онъ много разсказывалъ мнѣ изъ своей простой, степной жизни и о разныхъ деревенскихъ драмахъ, случавшихся въ его семьѣ и въ окрестности его дома. Я мало разсказывалъ ему про себя, такъ какъ это не могло для него представлять много интереса, но за то всякій вечеръ, послѣ послѣдняго звонка, я разсказывалъ ему много словенскихъ сказокъ и легендъ, которыя онъ слушалъ съ жадностью и восторгомъ; а иной разъ я сообщалъ ему кое какія свѣдѣнія по географіи и астрономіи! Черезъ отдушникъ, съ котораго

можно было снимать жестяную крышку, мы подавали другъ другу пищу, когда *постные дни* наши чередовались. Все это, общая судьба и положеніе, и, главнымъ образомъ, *общее* въ центрѣ душъ нашихъ очень насъ сблизило и заставляло цѣнить другъ друга. Но несмотря на эту близость, сосѣдъ мой былъ скроменъ и сдержанъ. Онъ готовъ былъ болтать по цѣлымъ днямъ, но когда онъ замѣчалъ, что я предпочитаю молчать или занятъ собою, онъ никогда не приставалъ съ разговорами и предпочиталъ скучать по цѣлымъ часамъ, не обращаясь ко мнѣ до тѣхъ поръ, пока я самъ не начиналъ разговора. Разъ, тронутый во время бесѣды, онъ сказалъ мнѣ: „я о такомъ господинѣ, какъ вы, никогда не слыхалъ. Вы—точно какъ бы изъ нашего, мужичьяго рода“. И это былъ самый лестный отзывъ, какой только мнѣ довелось въ жизни слышать отъ людей.

Я уже досиживалъ послѣдніе дни въ исправительномъ карцерѣ, когда, какъ то разъ передъ обѣдомъ, вошелъ ко мнѣ старшій надзиратель и позвалъ меня въ канцелярію, сообщивъ мнѣ, что тамъ моя мать. Это было совершенно неожиданно для меня, тѣмъ болѣе, что по тюремнымъ правиламъ въ то время, когда арестантъ сидитъ въ исправительномъ, ему не разрѣшаются свиданія ни съ кѣмъ.

Со словами: „ахъ, сынъ мой!“ мать бросилась мнѣ на шею. Я былъ радъ видѣть, что духъ ея не угнетенъ, хотя въ ней и замѣтно было усиліе преодолѣть свои слезы. Горе ея держалось въ равновѣсіи радостью свиданія. Она разсказывала мнѣ многое, но важнѣе всего для нея было — узнать обо мнѣ все подробно. Она хотѣла видѣть камеру, въ которой я помѣщенъ, и когда, присутствующій

при нашемъ свиданіи, старшій надзиратель рѣшительно объявилъ ей, что это невозможно, тогда она хотѣла, чтобы я ей хоть на словахъ описалъ, какъ она выглядитъ. Я описалъ ей не карцеръ, а прежнее мое помѣщеніе и успокоивалъ ее тѣмъ, что ни въ чемъ не имѣю матерьяльнаго недостатка, а что нравственно я постоянно такъ же бодръ, какимъ она и сейчасъ меня видитъ. Во время разговора она не спускала съ меня своихъ добрыхъ материнскихъ глазъ, влажныхъ и блестящихъ, не только отъ избытка влаги, но и отъ горячаго ея чувства. Она, хотя и страдала сильно и убивалась часто, горюя обо мнѣ, но не упрекала меня ни словомъ, ни въ душѣ своей и даже часто обижалась на тѣхъ, которые это дѣлали.

Мать моя настоятельно упрашивала старшаго надзирателя позволить ей угостить меня пирожками, которые она привезла съ собой въ корзинкѣ. Надзиратель не допустилъ этого и, хотя я ее успокоивалъ, что это совсѣмъ не важно и не нужно, она очень жалѣла объ этомъ и никакъ не могла понять такой мѣры.

Съ самаго начала нашего свиданія, мать стала дѣлать мнѣ глазами знакъ, что она желаетъ мнѣ передать что то незамѣтно отъ надзирателя. Мнѣ, наконецъ, удалось, чуть не со смѣхомъ, уловить удобный моментъ и сунуть письмо въ карманъ, когда надзиратель, отвернувшись въ двухъ шагахъ отъ насъ, заговорилъ съ вошедшимъ въ канцелярію дежурнымъ унтеръ-офицеромъ.

Переполненный радостью и восторгомъ, вернулся я въ мою келью и тамъ съ новымъ волненіемъ распечаталъ письмо. Писалъ мнѣ другъ мой, Д. П., наполнивъ письмо выдержками изъ писемъ его и моихъ знакомыхъ, которые выражали свое сочувствіе по поводу моего отказа. Тамъ же была при-

нее; увидавъ на ней слѣды укуса клопа, я принужденъ былъ изъ міра фантазіи вернуться къ окружающей меня дѣйствительности. Я поспѣшно всталъ и успѣлъ замѣтить виновника, который быстрымъ ходомъ спасался въ щель между двумя досками наръ. Меня обезпокоила эта новая бѣда и, начавъ осматривать всѣ углы и стѣны карцера, я открылъ огромное количество клоповъ, притаившихся цѣлыми кучами въ разныхъ углахъ. — „Какъ тутъ быть? Втеченіе двухъ недѣль они меня съѣдятъ заживо!“ подумалъ я, уже раньше того нѣсколько разъ испытавъ пристрастіе этихъ насѣкомыхъ къ моей крови. Съ отвращеніемъ сталъ я давить подошвой тѣхъ, которыхъ могъ достать. Въ эту и слѣдующую ночь я совсѣмъ не могъ спать отъ моихъ сожителей. Лишь только закрывалъ глаза, они сейчасъ же являлись ко мнѣ десятками, разныхъ оттѣнковъ и возрастовъ. Я нашелъ кусокъ желѣза въ отверстіи отдушника и этимъ орудіемъ расправлялся съ клопами въ теченіе 3-хъ сутокъ и днемъ, и ночью, пока не уничтожилъ всѣхъ до послѣдняго. И безъ того скверный воздухъ сталъ еще хуже отъ раздавленныхъ клоповъ, но я былъ доволенъ, что избавился отъ этихъ враговъ, и съ тѣхъ поръ сталъ спать отлично.

Опытъ уже очень давно и очень наглядно показалъ людямъ, какъ отзывается исправительный карцеръ на здоровьи тѣхъ, кого они туда сажаютъ, и потому то они рѣшили предпринять „гуманную мѣру“, заключающуюся въ томъ, что арестантъ ежедневно долженъ быть приводимъ на пріемъ къ военному врачу. Поэтому то и меня тоже водили къ нему каждый день. Осмотръ врача состоялъ въ томъ, что онъ, съ видомъ человѣка совершенно равнодушнаго, которому все это давно надоѣло и которому совсѣмъ не до тебя, задавалъ вопросы:

„Здоровъ? Ничего не болитъ? Все хорошо?“ и на утвердительные отвѣты записывалъ въ протоколъ: „Здоровъ“—и подписывалъ свое имя. Но на 8-й день, не знаю, потому ли, что дѣйствительно видъ у меня былъ измученный, или по чувству -коллегіальности, врачъ счелъ нужнымъ распорядиться, чтобы мнѣ было разрѣшено спать на тюфякѣ, а не на голыхъ доскахъ, какъ полагалось.

Люди не подозрѣваютъ того, какъ ужаснулись бы они своей собственной жестокости, если бы какимъ нибудь чудомъ могли вдругъ увидѣть всю ту лицемѣрную мерзость, которая скрыта подъ ихъ филантропіей и гуманностью. Они бы ужаснулись и увидѣли, что 99% всего того, что фигурируетъ въ нашемъ мірѣ подъ именемъ добродѣтели, есть сплошная и подлая ложь, служащая только ширмами для оправданія своей скверной жизни, своего эгоизма и беззаконія, — и для того, чтобы удобнѣе продолжать и поддерживать все вѣковое насильничество ...

Кабакъ полонъ дымомъ и смрадомъ. Пьяные безобразно хохочутъ, кричатъ и дерутся. Однако изъ участниковъ этого безобразія никто не видитъ неразумности и грѣховности такой жизни и даже насмѣхаются и бранятъ тѣхъ, которые не пьяны и не идутъ въ кабакъ. Чтобы опомниться, чтобы видѣть разницу между жизнью истинной и ложной, надо прежде всего оставить кабакъ, надо выйти на свѣжій воздухъ; потому что, оставаясь въ кабакѣ и продолжая пьянствовать, нельзя видѣть настоящей дѣйствительности своего гнуснаго и жалкаго положенія. Надо выйти оттуда. И пора уже настала — заря занимается, солнце восходитъ. Стыдно будетъ тѣмъ, кого она застанетъ еще неотрезвившимися и неготовыми къ утренне й работѣ.

— Теперь-то ужъ вамъ ничего, скоро и совсѣмъ конецъ будетъ! Поѣдете домой, будете жить бариномъ, по прежнему! — говорили мнѣ многіе, съ доброжелательствомъ и не безъ зависти.

Но меня не занимали такія мысли. Во первыхъ, не манила меня барская обстановка, которая меня, впрочемъ, и не ожидала, а во вторыхъ, думалось: „Богъ знаетъ, что меня ждетъ! Будутъ заставлять служить опять—я не стану, и пойдетъ вся исторія опять сначала!“

Старшій надзиратель, хотя и говорилъ со мною мало, за то въ его отношеніи ко мнѣ теперь уже не было и помину прежняго озлобленія. Младшій же надзиратель, всякій разъ, когда открывалъ или закрывалъ мою дверь, останавливался и говорилъ мнѣ нѣсколько добрыхъ словъ.

До окончанія всего срока, къ которому я былъ приговоренъ, оставалось мнѣ немного — всего двѣ недѣли. Прежняя жизнь и прежняя свобода, которой я пользовался, до исправительнаго карцера, конечно, не вернулись вполнѣ, чего я и не ожидалъ, но все же время улетало быстро, и я не испытывалъ ни скуки, ни мучительнаго недовольства.

Разъ, наканунѣ моего ухода изъ тюрьмы, во время прогулки, я увидѣлъ, что мнѣ на встрѣчу идутъ изящно одѣтый офицеръ и надзиратель. Въ первомъ, когда они подошли ближе, я узналъ прежняго знакомаго, втеченіе, кажется, шести недѣль, рядомъ съ моей камерой сидѣвшаго подъ арестомъ молодого офицера, что называется, добраго малаго. Съ нимъ вмѣстѣ, бывало, я часто гулялъ по двору и въ саду, весело разговаривая, и мы сошлись довольно близко. Теперь онъ былъ опять въ полку и, пользуясь отпускомъ, пріѣхалъ между прочимъ и меня навѣстить въ Кашау. Я былъ ему очень радъ и удивлялся нежданной любезности старшаго

нибудь изъ нихъ или чтобы мнѣ не было, еще того хуже, вручено что нибудь этими людьми. Все это происходило въ концѣ шестого часа.

Въ это время всѣ арестанты выходили на дворъ и начиналась маршировка, которая продолжалась до восьми. Доходящія до моей камеры шаганіе, команда и иногда уловляемыя слова ея — были извѣстнаго рода развлеченіемъ для меня. Иногда же я занимался тѣмъ, что смотрѣлъ въ форточку въ дверяхъ на то, что дѣлалось въ корридорѣ. Въ одиночныхъ камерахъ, напротивъ меня, въ это время двери бывали открыты и обитатели ихъ приносили себѣ матерьялъ для дневного занятія, или же просто стояли каждый передъ своей дверью и, пользуясь удобнымъ случаемъ, разговаривали другъ съ другомъ.

Послѣ восьми часовъ, когда маршировка кончалась, и всѣ аростанты отправлялись или въ городъ, или въ тюремныя мастерскія, каждый къ своему занятію, — въ нашемъ корридорѣ наступала тишина. Это было время самаго уединеннаго размышленія, самой иногда горячей внутренней работы для меня. Въ 10 часовъ выпускали меня на полъ часа, иногда на часъ, во дворъ — „гулять“. Прогулка была не очень заманчива. Караульный со штыкомъ слѣдовалъ всюду по пятамъ; ходить разрѣшалось только по указанной тропинкѣ, на указанномъ короткомъ разстояніи; ни слова ни съ кѣмъ нельзя было перемолвить, да и никто не сталъ бы говорить со мной, такъ какъ это было всѣмъ строго на строго запрещено; даже съ курами мнѣ нельзя было возиться: надзиратель нарочно затворялъ ихъ на это время.

Не столько сами лишенія, сколько сознаніе того, что, по какой то непонятной злобѣ, люди относятся къ тебѣ такъ безбожно, — дѣйствовало на меня непріятно и угнетало меня. Въ карцерѣ все таки я

былъ физически свободнѣе: тамъ не настолько было замѣтно отчужденіе отъ людей; и если я выходилъ, — то выходилъ единственно потому, что считалъ нужнымъ провѣтриться и побывать на солнцѣ. Когда я возвращался назадъ въ свой карцеръ, меня каждый разъ съизнова поражалъ въ немъ тяжелый спертый воздухъ.

Обыкновенно я садился на нары и думалъ .... Думалъ или потому, что хотѣлось думать, и было о чемъ думать, — и тогда время убѣгало быстро, и мнѣ бывало хорошо на душѣ; или думалъ иной разъ только потому, что нечего было больше дѣлать, — что нельзя было не думать, и при этомъ мысли мои были или мало, или совсѣмъ безсодержательны, и время тогда казалось тѣмъ то медленно, лѣниво движущимся впередъ. Я считалъ дни и полудни и четверти дней, и такъ мало, казалось мнѣ, прошло времени, просиженнаго мною, и такъ много его еще было впереди! И приходили пустыя и не нужныя мечты о будущемъ: „пройдутъ здѣсь двѣ недѣли, пройдутъ еще двѣ послѣднія недѣли въ прежней моей камерѣ. Меня выпустятъ на свободу и будутъ заставлять дослуживать недослуженный срокъ въ качествѣ рядового. На это я никакъ ужъ не буду способенъ, откажусь снова, тѣмъ болѣе, что теперь знаю, испытавъ это на дѣлѣ, что тюрьма не есть для меня несчастіе. Снова попаду сюда же. Потомъ меня снова осудятъ, но на болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ въ первый разъ, и тогда повезутъ въ другой городъ, въ другую тюрьму, туда, гдѣ сидятъ арестанты, осужденные на нѣсколько лѣтъ. Буду сидѣть тамъ въ общемъ отдѣленіи вмѣстѣ съ другими. Будетъ веселѣе и интереснѣе. Говорятъ—тамъ лучше тѣмъ, что всякій долженъ заниматься какимъ нибудь ремесломъ, и даже деньги зарабатываетъ. И я заработаю. Это

близкимъ о наступившей перемѣнѣ въ моей судьбѣ. Потомъ въ моемъ штатскомъ платьѣ я отправился въ городъ. Идя по улицѣ я испытывалъ чувство, подобное тому, которое испытывалъ будучи студентомъ, когда выходилъ изъ актовой залы послѣ съ волненіемъ и страхомъ выдержаннаго экзамена. Я чувствовалъ, будто сталъ легче, будто поднялся, какъ подымается чашка вѣсовъ, когда съ нея снимаютъ грузъ.

Тѣмъ самымъ корридоромъ судебнаго зданія, черезъ который меня провели въ первый разъ въ тюрьму, я прошелъ въ квартиру младшаго надзирателя. Но теперь я шелъ туда въ гости, и на меня не производили тяжелаго впечатлѣнія ни корридоръ, ни тюремный дворъ. Когда я вошелъ,— въ комнатѣ была одна хозяйка, жена надзирателя. Самъ онъ былъ еще на службѣ. Она приняла меня, какъ близкая родственница, съ сіяющимъ отъ радости лицомъ, бросила свою работу и повела въ кабинетъ мужа, который служилъ также и гостинной, и радушно усадила меня въ лучшее кресло. Это была добродушная Вѣнка, относившаяся ко мнѣ за все время моего ареста очень мило и внимательно; теперь она смотрѣла на меня глазами, полными слезъ отъ радости.

— Богъ привелъ къ концу ваше страданіе. Какъ намъ съ моимъ мужемъ страшно было за васъ, когда вы попали въ исправительный карцеръ. И совсѣмъ безъ вины. Измучили—такого человѣка!... Ну, за то вамъ теперь вскорѣ будетъ совсѣмъ хорошо. Будете опять по прежнему счастливы, говорила она, улыбаясь радостно и вытирая себѣ платкомъ слезы.

Ей было больно и удивительно услышать мой отвѣтъ, что очень можетъ случиться, что я вскорѣ снова попаду подъ арестъ, а что если и не попаду,

то не извѣстно,—не буду ли жить хуже, чѣмъ жилъ за послѣднее время: человѣкъ вѣдь такъ склоненъ злоупотреблять внѣшней свободой . . .

Мужъ ея, вернувшись домой, привѣтствовалъ меня, заикаясь отъ радостнаго волненія. Хотя я и считалъ его человѣкомъ сердечнымъ, но не подозрѣвалъ въ немъ столько доброты, сколько въ ту минуту просвѣчивало въ немъ. Онъ отослалъ потомъ жену въ кухню готовить намъ ужинъ и поставилъ на столъ двѣ бутылки вина.

Я провелъ среди этихъ добрыхъ людей очень пріятный вечеръ, втеченіе котораго мы вспоминали прошлое и разсказывали другъ другу то, чего не успѣли или не могли до тѣхъ поръ разсказать.

На первыхъ порахъ не зналъ ни я, ни, повидимому, никто другой въ больницѣ, зачѣмъ меня тамъ держатъ. Я не былъ ни подъ какимъ надзоромъ; солдатомъ тоже меня никто не могъ считать; ходилъ я одѣтый въ свое штатское платье, гулялъ когда и гдѣ мнѣ хотѣлось по городу; требовали отъ меня только одного: чтобы я въ назначенное время приходилъ спать въ госпиталь. Но я даже и не любопытствовалъ, почему меня держатъ въ такомъ неопредѣленномъ положеніи и, не спрашивая никого объ этомъ, ждалъ спокойно, что̀ будетъ дальше.

Комендантъ госпиталя, узнавъ обо мнѣ, и о томъ, что меня помѣстили въ одной свободной передней комнатѣ, принадлежащей къ палатѣ больныхъ,—тоже пустой, распорядился, чтобы этого не было. Комнаты эти стояли и впредь пустыми, но онъ сдѣлалъ это для того, чтобы предупредить всякое малѣйшее столкновеніе съ высшимъ начальствомъ изъ-за меня. Капитанъ предложилъ мнѣ послѣ этого выборъ, гдѣ желаю я жить: вмѣстѣ-ли съ воль-

неопредѣляющимися фармацевтами, содержащимися на казенный счетъ и жившими въ отдѣльной казармѣ, или же въ общей комнатѣ съ простыми санитарными солдатами. Безъ колебанія я выбралъ послѣднее, какъ потому, что считалъ общество вольноопредѣляющихся фармацевтовъ болѣе пустымъ и для меня менѣе интереснымъ, такъ и потому, что не хотѣлось уходить изъ больницы, гдѣ я встрѣчалъ на каждомъ шагу знакомыхъ.

Но мало этого: высшее начальство, узнавъ, вѣроятно, о моемъ неопредѣленномъ положеніи и не желая выказать передъ людьми своего безсилія и свою ненаходчивость въ этомъ случаѣ, распорядилось, чтобы меня зачислили въ санитарный отрядъ въ качествѣ простого солдата. Самъ капитанъ, который ежедневно разговаривалъ со мной, не объявилъ мнѣ этого лично, а передалъ это черезъ фельдфебеля. Вѣсть эта сразу перемѣнила окраску моего горизонта. Мнѣ стало грустно и какъ бы страшно въ первую минуту. Я спросилъ фельдфебеля, надо ли будетъ мнѣ подчиняться той самой дисциплинѣ и тѣмъ же порядкамъ, какимъ подчинены и всѣ солдаты. Онъ сказалъ, что—да. Тогда въ моей душѣ поднялось рѣшеніе: „надо мнѣ идти туда назадъ, откуда только что вышелъ—въ тюрьму. Надо снова надѣть то ярмо, отъ котораго только что освободился.“ Трудно опредѣлить словами то внутреннее состояніе, которое я испытывалъ въ то время; однако одно могу сказать, что мнѣ хотя было и тяжело, но скорѣе—хорошо, чѣмъ дурно. Я почувствовалъ, что у меня пересохло горло, и слезы одно мгновеніе навернулись мнѣ на глаза, но я сдержался . . . И канцелярія, и бумаги, которыя не дописанныя еще мной, лежали на столѣ, и недавнія мечты о свиданіи съ родными,—все это стало мнѣ вдругъ чуждо, и сталъ виденъ только

путь, ведущій прочь отъ земного. Тотъ путь спасительный, то ярмо легкое, отъ котораго мы по нашему себялюбію такъ склонны отворачиваться. Я скоро очнулся отъ мыслей, въ которыя былъ погруженъ, и сказалъ фельдфебелю:

— Вы скажите г. капитану, чтобъ онъ напрасно не безпокоился и не пробовалъ бы привести въ исполненіе приказъ корпуснаго командира. Скажите ему, что служить я не буду, и чтобъ онъ поэтому прямо велѣлъ меня препроводить назадъ въ тюрьму.

Фельдфебель, польскій еврей, съ удивленіемъ и ужасомъ выслушалъ меня.

— Ради Бога, не дѣлайте этого! Что же вамъ стоитъ шесть недѣль дослужить? Я служу 27 лѣтъ, и сколько мнѣ приходится испытывать непріятностей на службѣ, вы этого даже вообразить не можете! восклицалъ онъ.

Но когда я сказалъ ему, что рѣшенія моего я не перемѣню, и что поэтому нужно передать его капитану, онъ, пожимая плечами, и со словами: „вы сами себѣ бѣду строите", пошелъ къ капитану.

Пробылъ онъ тамъ довольно долго и, когда вернулся, то, ничего не сообщивъ объ этомъ разговорѣ, сказалъ только: „господинъ капитанъ пойдетъ лично къ корпусному командиру."

Послѣ этого происшествія день или два я не занимался совсѣмъ канцелярской работой, хотя и приходилъ туда. И капитанъ, и фельдфебель молчали все время. Однако было замѣтно, что что-то готовится.

Время сглаживаетъ самое рѣзкое впечатлѣніе, утишаетъ всякую бурю. Такъ было и со мною. Пока я не зналъ ничего дальнѣйшаго изъ того, что меня ждало,—я началъ снова заниматься, но преимущественно своими собственными дѣлами. Я сталъ получать письма, продолжалъ самъ писать, много

ствовалъ ко мнѣ довѣріе и въ тотъ же вечеръ разсказалъ мнѣ про себя.

Это былъ очень мягкій, простой человѣкъ, по развитію чуть ли не полудурачекъ. Былъ онъ пастухомъ въ южновенгерскихъ степяхъ, пока его не взяли въ солдаты. Попавъ въ рекруты, онъ тосковалъ какъ и всѣ и, быть можетъ, болѣе, чѣмъ другіе, такъ какъ весь вѣкъ свой прожилъ въ свободныхъ степяхъ; къ тому же онъ былъ придурковатъ и потому ему еще хуже доставалось чѣмъ другимъ. Наконецъ, чтобы избавиться отъ службы, онъ отрѣзалъ себѣ ухо и сказалъ начальству, что лошадь отгрызла ему ухо. Однако капли крови на маленькомъ зеркальцѣ въ конюшнѣ и гладкій, ровный порѣзъ выдали его; онъ попалъ подъ судъ и вотъ—восьмой уже мѣсяцъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за свой проступокъ. Бѣдняга, помимо того, что лишился уха и больше года долженъ былъ отсиживать въ тюрьмѣ, былъ осужденъ, сверхъ трехлѣтняго срока, дослуживать еще четвертый годъ. Но все же онъ, повидимому, стоически переносилъ свою судьбу.

Шесть сутокъ мы прожили съ нимъ другъ возлѣ друга, не видя одинъ другого, въ мирной, пріятной дружбѣ. Лучшаго сосѣда, чѣмъ онъ, я не могъ бы себѣ желать. Онъ много разсказывалъ мнѣ изъ своей простой, степной жизни и о разныхъ деревенскихъ драмахъ, случавшихся въ его семьѣ и въ окрестности его дома. Я мало разсказывалъ ему про себя, такъ какъ это не могло для него представлять много интереса, но за то всякій вечеръ, послѣ послѣдняго звонка, я разсказывалъ ему много словенскихъ сказокъ и легендъ, которыя онъ слушалъ съ жадностью и восторгомъ; а иной разъ я сообщалъ ему кое какія свѣдѣнія по географіи и астрономіи! Черезъ отдушникъ, съ котораго

ственно никуда и не тянуло, такъ какъ я и тѣмъ былъ доволенъ.

День я проводилъ очень разнообразно: рано утромъ надо было вставать и участвовать въ живомъ движеніи утренней казарменной жизни, надо было поправить кровать, сбѣгать за завтракомъ, послѣ ѣды помыть свою посуду и т. п. Однако мнѣ самому рѣдко приходилось дѣлать что нибудь для себя, такъ какъ солдаты иной разъ прямо на перерывъ одинъ передъ другимъ, молча брали у меня изъ рукъ всякую работу и дѣлали все вмѣсто меня.

„Какъ бы мы могли позволить нашему доктору дѣлать это; хотя мы и мужики, но мы знаемъ свое дѣло!“ Такъ разсказывалъ разъ одинъ изъ нихъ въ городѣ, когда кто то сталъ разспрашивать обо мнѣ, какъ я случайно узналъ впослѣдствіи. Всѣ они относились ко мнѣ очень деликатно, хотя я никогда не вступалъ съ ними въ разговоры за панибрата и не дарилъ имъ ничего ровно и, вообще, мало даже говорилъ съ ними.

Потомъ до восьми часовъ я гулялъ по саду, — обыкновенно одинъ. Въ восемь—заходилъ въ канцелярію, гдѣ я или помогалъ немного писать, или читалъ, или писалъ свое. Передъ обѣдомъ обыкновенно гулялъ съ докторами. Отъ двухъ до четырехъ я опять сидѣлъ и работалъ въ канцеляріи, а послѣ того, до самаго вечера встрѣчался и бесѣдовалъ съ самыми разнообразными людьми, не только солдатами, но и штатскими, приходившими ко мнѣ повидаться и поговорить. Каждый вечеръ иногда до поздней ночи я просиживалъ въ комнатѣ дежурнаго врача, мѣнявшагося ежедневно и радовавшагося случаю имѣть меня товарищемъ во время скучнаго дежурства и ближе познакомиться.

Всѣ эти бесѣды съ разными людьми, неграмотными и образованными, молодыми и старыми сол-

при нашемъ свиданіи, старшій надзиратель рѣшительно объявилъ ей, что это невозможно, тогда она хотѣла, чтобы я ей хоть на словахъ описалъ, какъ она выглядитъ. Я описалъ ей не карцеръ, а прежнее мое помѣщеніе и успокоивалъ ее тѣмъ, что ни въ чемъ не имѣю матерьяльнаго недостатка, а что нравственно я постоянно такъ же бодръ, какимъ она и сейчасъ меня видитъ. Во время разговора она не спускала съ меня своихъ добрыхъ материнскихъ глазъ, влажныхъ и блестящихъ, не только отъ избытка влаги, но и отъ горячаго ея чувства. Она, хотя и страдала сильно и убивалась часто, горюя обо мнѣ, но не упрекала меня ни словомъ, ни въ душѣ своей и даже часто обижалась на тѣхъ, которые это дѣлали.

Мать моя настоятельно упрашивала старшаго надзирателя позволить ей угостить меня пирожками, которые она привезла съ собой въ корзинкѣ. Надзиратель не допустилъ этого и, хотя я ее успокоивалъ, что это совсѣмъ не важно и не нужно, она очень жалѣла объ этомъ и никакъ не могла понять такой мѣры.

Съ самаго начала нашего свиданія, мать стала дѣлать мнѣ глазами знакъ, что она желаетъ мнѣ передать что то незамѣтно отъ надзирателя. Мнѣ, наконецъ, удалось, чуть не со смѣхомъ, уловить удобный моментъ и сунуть письмо въ карманъ, когда надзиратель, отвернувшись въ двухъ шагахъ отъ насъ, заговорилъ съ вошедшимъ въ канцелярію дежурнымъ унтеръ-офицеромъ.

Переполненный радостью и восторгомъ, вернулся я въ мою келью и тамъ съ новымъ волненіемъ распечаталъ письмо. Писалъ мнѣ другъ мой, Д. П., наполнивъ письмо выдержками изъ писемъ его и моихъ знакомыхъ, которые выражали свое сочувствіе по поводу моего отказа. Тамъ же была при-

выдалъ ихъ даже и самому маіору-аудитору, когда тотъ лично явился за ними. Но послѣдній, заподозрѣвъ, какъ это съ судьями въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, что тутъ скрывается тайный заговоръ противъ государства, сдѣлалъ все, чтобы получить эти письма и видѣть, что въ нихъ заключается; и, конечно, онъ добился этого черезъ военнаго министра. Убѣдившись же въ легальномъ содержаніи книги и приложеннаго письма, теперь, когда я больше не находился въ тюрьмѣ, начальство вернуло мнѣ все это.

Затронувъ этотъ вопросъ, хочу вкратцѣ разсказать и о томъ оборотѣ, который приняло дѣло для тюремнаго ключника, желавшаго мнѣ оказать услугу передачею этихъ писемъ. Сначала онъ былъ арестованъ, но всего, кажется, на десять дней,—затѣмъ лишенъ своего чина, а вслѣдствіе того и совсѣмъ освобожденъ отъ службы, не дослуживая третьяго года, такъ какъ въ чинѣ простого солдата въ немъ не нуждались. Въ виду того, что онъ былъ новичекъ въ тюремной службѣ, все наказаніе его этимъ и ограничилось. Такъ что, вмѣсто наказанія, онъ былъ избавленъ отъ лишняго года строевой службы.

25-го октября должна была засѣдать ежемѣсячная коммиссія, рѣшающая кого изъ солдатъ должно, или можно освободить отъ службы по болѣзни. Многіе поговаривали, что я буду представленъ этой коммиссіи, и, вѣроятно, освобожденъ отъ службы и полагали, что этимъ путемъ, наконецъ, все мое дѣло получитъ окончательную развязку. Я и самъ этого ожидалъ, и такъ оно и вышло.

Уже наканунѣ раньше назначеннаго числа мнѣ было объявлено, что завтра я буду представленъ коммиссіи, и мнѣ былъ выданъ такъ называемый „парадный мундиръ“, который я долженъ былъ на-

XV.

ПОСЛѢДНЕЕ ВРЕМЯ ВЪ ТЮРЬМѢ. — ОПЯТЬ ВЪ БОЛЬНИЦѢ. — ОСВОБОЖДЕНІЕ.

Когда, на пятнадцатый день, меня снова перевели въ мою прежнюю камеру, она сначала показалась мнѣ большой, высокой залой, въ которой жить—просто удовольствіе. Я почувствовалъ облегченіе, какъ долженъ чувствовать волъ, когда съ него послѣ продолжительнаго, тяжелаго труда снимаютъ ярмо. Я почувствовалъ, что послѣдніе 14 дней, какъ ни верти,—все таки труднаго положенія, были пока достаточнымъ для меня испытаніемъ, и что теперь пріятно будетъ отдохнуть.

Первымъ дѣломъ я смылъ въ двухъ водахъ всю грязь съ моего тѣла, потомъ взялся стирать пыль, которая толстымъ слоемъ покрывала полки, мебель и подоконникъ. Кончивъ эту работу, я взялъ въ руки одну изъ книгъ и легъ на кровать. Какой роскошью и какимъ удобствомъ показалась мнѣ кровать съ собственнымъ мягкимъ одѣяломъ и маленькой подушкой. Это было похоже на то, какъ если бы, послѣ долгаго скитанья, усталый, голодный и холодный человѣкъ возвратился, наконецъ, въ свою теплую, уютную хату. И не одинъ я испытывалъ удовольствіе, но и встрѣчавшіе меня знакомые арестанты и служащіе въ тюрьмѣ унтеръ-офицера, улыбаясь, кивали мнѣ головой, или выражали мнѣ какимъ нибудь словечкомъ свое сочувствіе по этому поводу.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Вернувшись на родину, я, слѣдуя собственному желанію и совѣтамъ близкихъ мнѣ людей, рѣшилъ было требовать обратно отнятый у меня докторскій дипломъ. Для этого я избралъ самый прямой и естественный путь: написалъ корпусному командиру въ Кашау письмо, въ которомъ довольно рѣшительно требовалъ назадъ безправно отнятую у меня собственность. Отвѣтъ, полученный мною, былъ тотъ, что дипломъ мой находится не въ рукахъ командира, а по высшему распоряженію пересланъ медицинскому факультету въ Инсбрукъ, и что, если я хочу получить его обратно, то могу заявить объ этомъ факультету. Такъ я и сдѣлалъ.

Всѣ, кто знали объ этомъ отнятіи, юристы и знакомые мои говорили мнѣ, что не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что дипломъ будетъ возвращенъ мнѣ безпрепятственно, такъ какъ нѣтъ никакого законнаго основанія для согласія университета на подобное нелѣпое распоряженіе военнаго начальства. Я самъ думалъ такъ же. Но, къ немалому своему удивленію, получилъ отъ декана медицинскаго факультета отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

„Письмо ваше къ медицинскому деканату я считаю совершенно частнымъ дѣломъ, поэтому и отвѣчаю

надзирателя, который не препятствовалъ нашему свиданію. Новая, у лучшаго портного сшитая форма, тщательная прическа придавали моему знакомому немного другую окраску, чѣмъ ту, какую онъ имѣлъ, сидя подъ арестомъ; но говорилъ онъ со мной по прежнему дружелюбно, по прежнему былъ милъ со мной.

— Я чувствую себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ съ тѣхъ поръ, какъ я опять въ полку и на свободѣ, говорилъ онъ. Подумай, докторхэнъ, что ты дѣлаешь? — Что бы ты не говорилъ, а жизнь не есть жизнь безъ золотой свободы! Я слышу, ты по прежнему придерживаешься твоихъ взглядовъ и хочешь и дальше оставаться въ тюрьмѣ. Развѣ стоитъ это дѣлать? Изъ-за какихъ-то дрянныхъ семи недѣль испортить себѣ всю жизнь! Жаль мнѣ тебя, докторхэнъ, — говорилъ онъ мнѣ такимъ добродушнымъ и искреннимъ тономъ, что и мнѣ казалось, что онъ говоритъ мнѣ самыя хорошія вещи. Я, улыбаясь, отвѣчалъ ему:

— Ты правъ по твоему, а я по моему.

Мы поболтали кое о чемъ и потомъ простились, желая другъ другу всего лучшаго въ жизни.

Когда онъ ушелъ, и я остался на дворѣ одинъ, я сталъ думать, какъ онъ далекъ отъ того, чтобы проснуться къ настоящей жизни. Душа моя наполнилась скорбью о томъ, какъ запутана жизнь наша, какъ люди толкутся, сами не зная зачѣмъ и изъ-за чего. Но вслѣдъ за тѣмъ въ душѣ моей пронеслось то дорогое сознаніе, что жизнь моя, дѣло мое не касается меня, что я—одно со всѣми людьми, что ихъ горе—мое горе, ихъ дѣло—мое дѣло... И у меня на душѣ опять стало хорошо.

4-го октября послѣ полудня кончился срокъ моего приговора. Въ канцеляріи, куда я затѣмъ пришелъ,

Инсбрукскаго университета, какъ свидѣтельство университетскихъ нравовъ въ концѣ „просвѣщеннаго“ XIX-го столѣтія.

Однако дѣло мое не окончилось отнятіемъ диплома и исключеніемъ меня изъ арміи подъ предлогомъ полной негодности ко всякому роду службы. Военное начальство, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, не желая продолжать безплодную для него борьбу, придумало, для устраненія своего неловкаго положенія въ глазахъ людей, хитрый лицемѣрный пріемъ. Въ декабрѣ 1895 г. меня извѣстили, что рѣшеніе военнаго присутствія отъ 25-го октября не принято во вниманіе и отмѣнено корпуснымъ командиромъ въ томъ смыслѣ, что мнѣ дается годовой отпускъ, послѣ окончанія срока котораго я снова буду призванъ на службу.

Корпусный командиръ отмѣняетъ рѣшеніе воинскаго присутствія, въ которомъ засѣдаетъ врачебная коммиссія, имѣющая единственно право и возможность рѣшать, кто годенъ для службы и кто нѣтъ! Значитъ, онъ не повѣрилъ ихъ рѣшенію. Хорошо. Но въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ, на какомъ основаніи онъ даетъ мнѣ отпускъ, а не призываетъ меня сейчасъ же на службу? Зачѣмъ? Разсчетъ очевидный: предполагается, что: Шкарванъ не дождется призыва, и за этотъ годъ удеретъ; и такимъ образомъ авторитетъ нашей правительственной власти не будетъ скомпрометированъ.

Я жилъ послѣ этого извѣщенія по прежнему, совершенно независимо отъ грядущей перспективы. Мысль о побѣгѣ мнѣ была точно такъ же чужда, какъ и желаніе попасть снова въ тюрьму. И такъ какъ не являлось побужденія къ первому ни съ моей стороны, ни со стороны моей матери, (она молча, съ затаеннымъ страхомъ ждала будущаго, не желая по свойственной ей деликатности втор-

близкимъ о наступившей перемѣнѣ въ моей судьбѣ. Потомъ въ моемъ штатскомъ платьѣ я отправился въ городъ. Идя по улицѣ я испытывалъ чувство, подобное тому, которое испытывалъ будучи студентомъ, когда выходилъ изъ актовой залы послѣ съ волненіемъ и страхомъ выдержаннаго экзамена. Я чувствовалъ, будто сталъ легче, будто поднялся, какъ подымается чашка вѣсовъ, когда съ нея снимаютъ грузъ.

Тѣмъ самымъ корридоромъ судебнаго зданія, черезъ который меня провели въ первый разъ въ тюрьму, я прошелъ въ квартиру младшаго надзирателя. Но теперь я шелъ туда въ гости, и на меня не производили тяжелаго впечатлѣнія ни корридоръ, ни тюремный дворъ. Когда я вошелъ,— въ комнатѣ была одна хозяйка, жена надзирателя. Самъ онъ былъ еще на службѣ. Она приняла меня, какъ близкая родственница, съ сіяющимъ отъ радости лицомъ, бросила свою работу и повела въ кабинетъ мужа, который служилъ также и гостиной, и радушно усадила меня въ лучшее кресло. Это была добродушная Вѣнка, относившаяся ко мнѣ за все время моего ареста очень мило и внимательно; теперь она смотрѣла на меня глазами, полными слезъ отъ радости.

— Богъ привелъ къ концу ваше страданіе. Какъ намъ съ моимъ мужемъ страшно было за васъ, когда вы попали въ исправительный карцеръ. И совсѣмъ безъ вины. Измучили—такого человѣка!... Ну, за то вамъ теперь вскорѣ будетъ совсѣмъ хорошо. Будете опять по прежнему счастливы, говорила она, улыбаясь радостно и вытирая себѣ платкомъ слезы.

Ей было больно и удивительно услышать мой отвѣтъ, что очень можетъ случиться, что я вскорѣ снова попаду подъ арестъ, а что если и не попаду,

бы, не смотря на нѣкоторое личное мое предпочтеніе, скорѣе избѣгать страданій . . . Но, быть можетъ, что Богъ и не призоветъ меня къ продолженію борьбы на этомъ поприщѣ.

Кончая свои записки, мнѣ хочется еще высказать нѣкоторыя мысли по поводу отказовъ отъ военной службы вообще.

Какъ всякая ложь держится главнымъ образомъ тѣмъ, что, скрываясь передъ свѣтомъ, она живетъ въ потемкахъ, такъ и всѣ правительства,—это грандіозное воплощеніе лжи и безправія,—ничего такъ не боятся, какъ свѣта, могущаго обнаружить всю ту нечестную махинацію, на которой они построены, и которую они такъ тщательно скрываютъ передъ людьми. Въ этомъ отношеніи, для государственной власти никто не является столь опаснымъ элементомъ, какъ люди, рѣшительно и открыто, не смотря ни на какія внѣшнія препятствія, заявляющія свой протестъ противъ государства тѣмъ, что они нападаютъ на самый его корень, отказываясь отъ исполненія требуемой отъ нихъ военной службы. Власти чуютъ, что такіе люди обладаютъ единственнымъ средствомъ, помимо котораго неизбѣжно и очень просто имъ будетъ положенъ конецъ; и потому то имъ и остается только одно: стараться, чтобы средство это не стало общеизвѣстнымъ.

Власти утверждаютъ,—и многіе люди вѣрятъ этому,—что они существуютъ для общаго блага людей; и этимъ утвержденіемъ, онѣ получаютъ въ глазахъ наивнаго общества нравственный престижъ. Но какъ только являются люди, ни въ чемъ другомъ передъ государствомъ не виновные, какъ въ томъ, что они отказываются подчиняться такимъ требованіямъ правительства, которыя противны истинѣ и любви,—напр. отказываются обучаться военному ремеслу, т. е. убійству людей,—такъ тотчасъ

неопредѣляющимися фармацевтами, содержащимися на казенный счетъ и жившими въ отдѣльной казармѣ, или же въ общей комнатѣ съ простыми санитарными солдатами. Безъ колебанія я выбралъ послѣднее, какъ потому, что считалъ общество вольноопредѣляющихся фармацевтовъ болѣе пустымъ и для меня менѣе интереснымъ, такъ и потому, что не хотѣлось уходить изъ больницы, гдѣ я встрѣчалъ на каждомъ шагу знакомыхъ.

Но мало этого: высшее начальство, узнавъ, вѣроятно, о моемъ неопредѣленномъ положеніи и не желая выказать передъ людьми своего безсилія и свою ненаходчивость въ этомъ случаѣ, распорядилось, чтобы меня зачислили въ санитарный отрядъ въ качествѣ простого солдата. Самъ капитанъ, который ежедневно разговаривалъ со мной, не объявилъ мнѣ этого лично, а передалъ это черезъ фельдфебеля. Вѣсть эта сразу перемѣнила окраску моего горизонта. Мнѣ стало грустно и какъ бы страшно въ первую минуту. Я спросилъ фельдфебеля, надо ли будетъ мнѣ подчиняться той самой дисциплинѣ и тѣмъ же порядкамъ, какимъ подчинены и всѣ солдаты. Онъ сказалъ, что—да. Тогда въ моей душѣ поднялось рѣшеніе: „надо мнѣ идти туда назадъ, откуда только что вышелъ—въ тюрьму. Надо снова надѣть то ярмо, отъ котораго только что освободился.“ Трудно опредѣлить словами то внутреннее состояніе, которое я испытывалъ въ то время; однако одно могу сказать, что мнѣ хотя было и тяжело, но скорѣе—хорошо, чѣмъ дурно. Я почувствовалъ, что у меня пересохло горло, и слезы одно мгновеніе навернулись мнѣ на глаза, но я сдержался . . . И канцелярія, и бумаги, которыя не дописанныя еще мной, лежали на столѣ, и недавнія мечты о свиданіи съ родными,—все это стало мнѣ вдругъ чуждо, и сталъ виденъ только

меня потому, что полѣнья эти были очень сучковатыя, и я избѣгалъ попадать въ сукъ, разсуждая, что, если трудно мнѣ справиться съ полѣномъ, когда рублю его въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно гладкое и мягкое, то должно быть несравненно труднѣе, если рубить прямо въ жесткій, какъ камень, сукъ. Случилось однажды, что я нечаянно попалъ топоромъ какъ разъ въ самую середину большого сука и, къ моему удивленію, все большое полѣно, какъ бы подъ вліяніемъ волшебной силы, раскололось на двое. Этимъ открылся для меня весь секретъ рубки сучистыхъ полѣньевъ.

Такъ и съ государствомъ. Люди, сознавшіе вредъ государства, стараются уничтожить этотъ вредъ. Одни хотятъ достичь этого бросаніемъ бомбъ; другіе мечтаютъ о постепенномъ переустройствѣ государственныхъ формъ; третьи устраиваютъ лиги мира, и т. д. Но изъ всѣхъ этихъ усилій ничего не выходитъ, ибо всѣ эти попытки представляютъ въ лучшемъ случаѣ ничто иное, какъ ударъ по гладкому мѣсту; между тѣмъ, какъ въ самый сукъ избѣгаютъ попадать. Сукъ этотъ, плотно связывающій во едино государственную власть, есть *милитаризмъ*. И точно такъ, какъ для того, чтобы разрубить полѣно, надо попадать топоромъ прямо въ сукъ, такъ и для того, чтобы разрушить государство, надо разрушить милитаризмъ, на которомъ оно все построено. А разрушается милитаризмъ единственно тѣмъ кажущимся незначительнымъ и маловажнымъ средствомъ, которое заключается въ единичныхъ отказахъ отъ военной службы. Все равно, малое или большое это средство, но оно единственно дѣйствительное.

Отказы же эти приводятся въ исполненіе не въ силу какихъ либо соображеній о томъ, что надо уничтожить государство, и, вообще, не ради какихъ

читалъ, велъ иногда очень оживленныя бесѣды то съ докторами, съ которыми успѣлъ познакомиться, (за время моихъ мытарствъ ихъ перемѣнилось уже третья партія), то съ разными солдатами.

Вдругъ, въ одинъ прекрасный день, фельдфебель предложилъ мнѣ идти съ нимъ въ кладовую для того, чтобы тамъ выдать мнѣ различныя военныя принадлежности санитарнаго солдата. Я сказалъ ему, что принадлежностей военныхъ я не хочу, ибо все равно служить не буду.

— Я знаю, что вы служить не будете, а вещи вы все таки возьмите. Развѣ вамъ будетъ мѣшать, если онѣ будутъ висѣть надъ вашей кроватью? И что вамъ стоитъ надѣть, вмѣсто вашихъ штановъ и вашей куртки; штаны и куртку военныя? говорилъ мнѣ фельдфебель точно такъ, какъ говорятъ евреи, уговаривающіе покупателя или торгующіеся съ купцомъ.

— Но зачѣмъ мнѣ все это, когда я служить не желаю? спросилъ я.

— Это ничего не помѣшаетъ, вы только слушайтесь меня въ этомъ, приставалъ фельдфебель.

И я пошелъ за нимъ и надѣлъ вмѣсто моей куртки темнозеленую санитарнаго солдата и бурую солдатскую шапку. Штаны и обувь я оставилъ свои. Остальныя вещи фельдфебель черезъ одного солдата велѣлъ повѣсить надъ моей кроватью.

Дальнѣйшихъ разговоровъ со мной о службѣ до самаго конца уже больше не было, и я двѣ недѣли ходилъ въ странной одеждѣ полусолдатской-полуштатской, чувствуя себя въ этомъ туалетѣ совсѣмъ хорошо. Мнѣ сказали, что въ городъ я не смѣю ходить въ такомъ видѣ, а долженъ одѣваться вполнѣ по военному, т. е. съ саблей и пр., поэтому я предпочелъ совсѣмъ не выходить изъ госпиталя и большого сада, окружающаго его, откуда меня соб-

Приложеніе.

дѣть по этому случаю. Я спрашивалъ, нельзя ли безъ „параднаго мундира", но мнѣ отвѣтили, что— нѣтъ. Во мнѣ поднялось, было, чувство протеста противъ такого требованія: мнѣ было неловко отчасти изъ-за моего самолюбія передъ людьми, но еще больше—вслѣдствіе сознанія, что надѣвать этотъ мундиръ гадко и противно. Я не зналъ, какъ поступлю. Когда же настала рѣшительная минута, я, со стыдомъ передъ собою и передъ людьми, надѣлъ на себя — для меня въ данныхъ обстоятельствахъ позорный—мундиръ и перешелъ въ немъ съ волненіемъ въ душѣ 20 шаговъ по корридору въ ту залу, гдѣ засѣдала коммиссія.

Коммиссія нашла меня негоднымъ къ исполненію всякаго рода военной службы и на этомъ основаніи нашла нужнымъ исключить меня изъ арміи. Это было внесено въ протокольную книгу и подписано чинами коммиссіи, и я самъ читалъ эти строки. Увольнительный билетъ мнѣ, однако, не передали, а обѣщали выслать позже, когда онъ будетъ готовъ, а мнѣ сказали, что я свободенъ и могу сейчасъ же ѣхать на всѣ четыре стороны.

Пообѣдавъ вмѣстѣ съ товарищами-докторами, я въ тотъ же самый день уѣхалъ изъ Кашау.

На этомъ я могъ бы оборвать свои записки, если бы впослѣдствіи дѣло мое не получило новаго неожиданнаго развитія.

говоритъ о ней, какъ о женщинѣ религіозной, добросердечной, которая, несмотря на свой преклонный возрастъ, еще очень энергична и дѣятельна.

Первый классъ гимназіи Шкарванъ проходилъ въ Лайчау, со второго до 4-го учился въ Игло, остальные высшіе въ Кэзмаркъ.

По его показанію, онъ, будучи гимназистомъ, никогда не былъ особенно прилеженъ и предпочиталъ веселую компанію товарищей, или же занимался чтеніемъ разсказовъ для юношества, венгерской и иногда славянской поэзіей. Онъ былъ на столько мало религіозенъ, что нанималъ за нѣсколько крейцеровъ другихъ мальчиковъ для того, чтобы они отбывали за него обязательную исповѣдь. Онъ признаетъ себя, свободно и открыто, врагомъ католической церкви и говоритъ, что, несмотря на то, что онъ католикъ, онъ посѣщалъ въ гимназіи классы закона Божія у протестантскаго профессора, державшагося раціоналистическихъ убѣжденій.

По окончаніи гимназическаго курса 1886-го года, онъ поступилъ на медицинскій факультетъ при Буда-Пештскомъ университетѣ. Здѣсь онъ пробылъ одинъ годъ и также, какъ въ предшествующіе годы, занимался не особенно прилежно, и посѣщалъ часто только лекціи анатоміи. Въ этотъ годъ онъ въ широкой мѣрѣ испыталъ всѣ удовольствія, которыя большой городъ можетъ представить молодому человѣку. Онъ много занимался также англійской, русской, итальянской беллетристикой и часто бывалъ въ театрѣ. Но не будучи въ состояніи отказаться въ Буда-Ештѣ отъ безпорядочной жизни, онъ въ слѣдующемъ году поступилъ въ Пражскій университетъ. Тамъ онъ сошелся съ земляками, которые отвлекли его отъ научныхъ занятій и онъ опять сталъ веселиться и кутить съ ними. Въ этотъ періодъ ему попали въ руки сочиненія Толстого, которымъ онъ приписываетъ свой внутренній переворотъ и возрожденіе. Подъ вліяніемъ этихъ сочиненій онъ насильно вырвался изъ своей безпутной жизни въ Прагѣ, перешелъ на 8-й семестръ въ университетъ въ Инсбрукѣ, гдѣ совершенно отдался изученію медицины.

Здѣсь случилось то, что одна молодая дѣвушка, вслѣдствіе несчастной любви и ревности къ Шкарвану, застрѣлилась. Случай этотъ, по показанію самого Шкарвана, подѣйствовалъ на него потрясающимъ образомъ. Несмотря на то, что онъ съ полной серьезностью занялся изученіемъ медицинскихъ наукъ, христіанско-соціальный вопросъ тѣмъ не менѣе интересовалъ его. Вѣроятно на интересъ этотъ оказали вліяніе тѣ знакомства, которыя онъ свелъ съ первыми панславистами настоящаго времени, а также съ русскими студентами и пате-

на него, какъ частный человѣкъ строго конфиденціально“ , что и прошу васъ имѣть въ виду.

„Факультетъ и университетъ не могутъ быть отвѣтственными за приговоръ военнаго начальства и его послѣдствія. Дипломъ вашъ отнятъ у васъ, и съ этимъ вы, какъ съ фактомъ, должны считаться.“

Подъ конецъ письма деканъ еще благодушно совѣтуетъ мнѣ написать прошеніе на высочайшее имя и прислать его съ другимъ еще прошеніемъ въ совѣтъ университета о томъ, чтобы послѣдній соблаговолилъ заступиться за меня, при чемъ подаетъ мнѣ надежду, что этимъ путемъ быть можетъ я достигну возврата моего диплома.

Я не могъ не упомянуть объ этомъ письмѣ, такъ какъ считаю его характернымъ. Оно, во первыхъ, обнаруживаетъ раболѣпство представителей высшей науки и культуры передъ правительствомъ, ибо вѣдь никакъ нельзя предполагать, чтобы въ этомъ случаѣ факультетъ по собственной иниціативѣ согласился на рѣшеніе военнаго начальства. Во вторыхъ, это письмо свидѣтельствуетъ о томъ, что людямъ совѣстно передъ другими за свое участіе въ подобныхъ поступкахъ, такъ какъ сообщая такія вещи, они пишутъ „строго конфиденціально.“

Послѣ этого, какъ меня ни уговаривали многіе, я уже не предпринималъ дальнѣйшихъ шаговъ для обратнаго полученія моего диплома, а, поэтому не послѣдовалъ совѣту декана, о подачѣ прошенія на высочайшее имя. Какъ мои убѣжденія, такъ и сохраненіе собственнаго достоинства не позволили мнѣ этого; главнымъ же образомъ я не дѣлалъ этого потому, что не чувствовалъ, да и до сихъ поръ не чувствую для себя никакого лишенія въ томъ, что люди отняли у меня вещь, обладаніе которой мнѣ ничего въ жизни не прибавляло. И такъ дипломъ этотъ до сихъ поръ хранится въ архивѣ

STATUS PRAESENS.

Д-ръ Шкарванъ, высокаго роста, костякъ его крѣпкій, мускулатура довольно сильная. Форма головы нормальная, окружность ея 56 с. Зрачки поставлены равномѣрно, реагируютъ быстро. Лѣвая Naso-labial'ная складка выражена сильнѣе правой. Колѣнный рефлексъ повышенъ въ сильной степени, а также и кожные рефлексы. Съ закрытыми глазами и сомкнутыми ногами стоитъ твердо, при перемѣнѣ этого положенія покачиванія не замѣчается, и походка его совершенно увѣренная. Чувство локализаціи во всѣхъ частяхъ тѣла очень понижено. Чувствительность же, напротивъ, повышена. Кромѣ того въ немъ замѣчается легкая возбужденность. Дѣятельность сердца нормальная, тоны чистые; пульсъ 79. Въ обѣихъ верхушкахъ легкихъ притупленный звукъ. Изслѣдованіе мокроты дало: туберкулезныя бациллы и эластическія волокна. Изслѣдованіе нижней части живота не показало никакихъ болѣзненныхъ измѣненій. Температура нормальная. Аппетитъ и стулъ правильны.

НАБЛЮДЕНІЕ.

7 Февр. — Наблюдаемый чувствуетъ себя легко и довольно хорошо. Ходъ его мыслей утверждаетъ его въ томъ, что онъ дѣйствовалъ правильно, не смотря на то, что его коллеги, оба старшихъ ординатора и начальникъ госпиталя указывали ему на послѣдствія его поступка. Аппетитъ хорошій, сонъ спокойный, общій видъ порядочный.

8-9 Февр. — Ничего особеннаго.

10 Февр. — Его посѣтила невѣста со своею матерью, послѣ того, какъ узнала о его поступкѣ. Посѣщеніе было для него неожиданно и взволновало его. Его будущая теща просила его не дѣлать свою невѣсту несчастной. Во время послѣдующаго разговора, происходившаго въ присутствіи врача, она спрашивала его о побудительныхъ причинахъ его поступка и о томъ, остается ли онъ при своемъ намѣреніи, и если-да, то что должна дѣлать его невѣста? Онъ отвѣтилъ: „пусть будетъ что будетъ, я остаюсь при своемъ рѣшеніи, а что дѣлать моей невѣстѣ, это она сама должна знать, это зависитъ отъ ея воли, а я вліять на нее не хочу“. Результатъ этого разговора онъ опредѣлилъ слѣдующимъ образомъ: „отношенія къ великой моей радости остались прежнія, именно: я люблю и она меня любитъ.“ Но ближайшихъ основаній такого вывода онъ не далъ.

11-12 Февр. — Пациентъ страдаетъ діаррееи.

13 Февр. — Д-ру Шкарвану предложено сообщить письменно нѣкоторыя данныя, могущія имѣть цѣнность для анамнеза.

гаться въ мою жизнь), то было болѣе вѣроятно, что снова наступило бы для меня серьезное испытаніе.

Въ Іюлѣ 1896 года, обстоятельства, однако, измѣнились. Мои друзья въ Россіи, узнавши о моемъ отказѣ, пригласили меня къ себѣ погостить и заняться писаніемъ моихъ записокъ. Я радъ былъ исполнить ихъ желаніе не только потому, что самому мнѣ хотѣлось повидаться съ ними, но еще потому, что за это обстоятельство, какъ за якорь спасенія для меня, зацѣпились многіе мои родственники и знакомые. Однако и тутъ надежда была слабая, что мнѣ удастся уѣхать, такъ какъ для поѣздки въ Россію мнѣ нуженъ былъ паспортъ, который, думалось мнѣ, какъ отпускному солдату, долженствующему черезъ 3 мѣсяца явиться на службу, врядъ ли выдадутъ. Все же я попытался и просилъ о выдачѣ мнѣ паспорта на три мѣсяца, и, къ общему удивленію и удовольствію всѣхъ моихъ друзей, мнѣ былъ выданъ паспортъ не на три мѣсяца, а на срокъ цѣлаго года, т. е. до 8-го Іюля 1897 года.

Когда я жилъ уже въ Россіи, то въ концѣ ноября 1896 года получилъ призывную бумагу, съ означеннымъ числомъ 4-го октября того же года, съ требованіемъ явиться немедленно къ отбыванію военной службы.

У меня въ то время не было ни малѣйшаго ни побужденія, ни желанія послѣдовать этому призыву; и дальнѣйшая моя жизнь сложилась такъ, что не пришлось этого сдѣлать. Судьба связала меня съ друзьями и забросила насъ въ Англію. Я надѣюсь, что если бы явились обстоятельства, при которыхъ я счелъ бы нравственнымъ долгомъ ѣхать обратно на родину, то мнѣ въ этомъ не помѣшалъ бы страхъ передъ ожидающимъ меня гоненіемъ, и я поѣхалъ

до той границы, гдѣ люди сходятъ съ ума. Въ этотъ періодъ своей жизни, періодъ внутреннихъ усилій и борьбы, онъ познакомился съ сочиненіями Толстого, которымъ онъ приписываетъ совершенную перемѣну его образа жизни. Толстой, говоритъ онъ, показалъ ему, что жизнь кажется ему только потому такою ужасною, что самъ онъ живетъ скверно; человѣкъ долженъ перестать считать свою жизнь своею собственностью; человѣкъ долженъ искать не наслажденій, а истину и любовь; внутренній человѣкъ долженъ преобразоваться, и тогда преобразуются и внѣшнія соціальныя отношенія. Онъ повѣрилъ въ то, что такъ жить возможно и что его существованіе станетъ вновь полно смысла. Онъ оставилъ кутежи, карты, товарищей, женщинъ и ему стало легче. Онъ углубился въ себя, и началъ ту новую работу, которая хотя и была трудна, но вознаградила и вознаграждаетъ его. Толстой научилъ его любить Христа и слѣдовать ему. Подъ вліяніемъ этихъ сочиненій онъ началъ вести порядочную жизнь, началъ прокладывать свой путь на перекоръ общему теченію, не поддаваясь его волнамъ. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ искать какъ въ чтеніи, такъ и въ своихъ поступкахъ только правду. Онъ охотно внималъ истинѣ, кто-бы ни провозглашалъ и ни указывалъ ему ее — Сократъ ли, Будда ли, или Конфуцій.

. . . . . *)

15 Февраля. Невѣста съ своей матерью посѣтила его во второй разъ. Онъ былъ радъ видѣть ихъ обѣихъ успокоенными и довольными, но приписываетъ это тому, что онѣ надѣются на его освобожденіе.

16 Февраля. Паціентъ чувствуетъ себя нѣсколько слабымъ, жалуется на вялость и спитъ мало.

17 Февраля. Паціентъ жалуется на боли въ плечевомъ сочлененіи, активныя движенія невозможны, пассивныя же съ трудомъ и сильными болями. . . . . .

20 Февраля. Его навѣстилъ его братъ. Онъ жалѣлъ его судьбу, судьбу матери и необезпеченной сестры. Онъ требовалъ отъ наблюдаемаго отъ имени матери, его знакомыхъ и друзей, чтобы онъ отказался отъ своего намѣренія. Но всѣ эти требованія остались безъ успѣха. Малодушіе брата огорчило д-ра Шкарвана болѣе, чѣмъ малодушіе женщинъ, и онъ довольно рѣзко отстранилъ тягостное для него требованіе. Онъ сказалъ брату:

— Я былъ бы низкій человѣкъ, если бы поступилъ иначе; внѣшній міръ не дастъ мнѣ ничего, мой внутренній міръ даетъ

*) Выпускаются медицинскія наблюденія, касающіяся физическаго состоянія здоровья А. Ш., не имѣющія интереса для читателя.—Ред.

власти преслѣдуютъ ихъ за это, сажая въ тюрьму и т. п., такъ какъ не наказывать такихъ людей правительства не могутъ. Однимъ уже этимъ власти выдаютъ себя, показывая очень наглядно даже для самаго близорукаго человѣка, что, кромѣ грубаго насилія, они не имѣютъ никакой опоры для своего существованія. Продолжать же свое существованіе, правительства могутъ единственно благодаря тому, что имъ еще удается отводить глаза общества, отъ ихъ разбоя и насилія.

Но противъ разрастающейся въ людяхъ силы божескаго жизнепониманія,—правительства устоять не могутъ.

Правительства не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого средства спасенія отъ людей, проникнутыхъ этимъ жизнепониманіемъ. Все то, что они противъ нихъ предпринимаютъ: сажаніе въ тюрьмы, въ сумасшедшіе дома, мученія ихъ голодомъ, и всѣ физическія и нравственныя пытки, до самой смертной казни включительно — все это — средства, не могущія остановить въ людяхъ сознанія того, чего слѣдуетъ избѣгать и что слѣдуетъ дѣлать. Поэтому правительствамъ не остается ничего иного, какъ скрывать наносимыя имъ раны передъ тѣми, кто еще вѣрятъ въ непоколебимость ихъ власти, боятся ее и потому подчиняются ихъ требованіямъ.

Думая про запутанность нашей жизни и про распутываніе ея,—про то, какъ необходимо избавиться человѣчеству отъ рабства государственнаго, на которомъ держится всякое другое безправіе,—я вспоминаю какъ я въ первый разъ пробовалъ колоть дрова. Былъ у меня и хорошій топоръ, была и охота работать; а результатъ напряженнаго труда былъ все таки крайне жалкій. Я размахивался во всю, наторъ себѣ мозоли на рукахъ, а иное полѣно такъ вовсе и не могъ расколоть. Выходило это у

къ разрѣшенію всѣхъ жгучихъ вопросовъ. Не парламенты или анархисты, а то обстоятельство, что люди дадутъ другое направленіе своему сознанію, произведетъ измѣненіе къ лучшему. Не извнѣ, а изнутри должна придти реформа. Практическое ученіе и выводъ, которые должны вытекать для человѣка изъ этого ученія относительно милитаризма заключается въ слѣдующемъ: „я знаю, что милитаризмъ сталъ громадной и ненужной тяжестью для человѣчества; кромѣ того онъ есть зло въ мирное и военное время, и потому я не буду съ нимъ бороться насиліемъ, такъ какъ это было бы дурно и безполезно, но я просто не приму участія въ злѣ. И я буду поступать такъ только въ томъ случаѣ, когда это дастъ мнѣ внутреннее удовлетвореніе и когда поступокъ этотъ будетъ для меня выгоднѣе, чѣмъ продолжать быть рабомъ государственнаго закона. Какая радость? Какая выгода? Какая польза? спрашиваетъ плоть человѣческая. Разумъ отвѣчаетъ на это, и все мое внутреннее существо подтверждаетъ этотъ отвѣтъ: „Духъ не знаетъ предѣловъ, а жизнь духа — единственная истинная жизнь — дѣйствуетъ и живетъ внѣ препятствій; ни время, ни мѣсто не имѣютъ на нее вліянія. „Вѣтеръ воетъ въ пустынѣ, ты слышишь его шумъ, но не знаешь откуда онъ приходитъ и куда уходитъ.“ Такъ же и жизнь духа: ощущаешь блаженныя послѣдствія ея дѣятельности, сознаешь правоту ея и не спрашиваешь: зачѣмъ? для чего? Не чувствуешь даже потребности такихъ вопросовъ. Уже долгое время были таковыми мои чувства, мои мысли, моя внутренняя дѣятельность, но я все еще продолжалъ тянуть старую лямку. Противорѣчіе между тѣмъ во что я вѣрилъ и моею жизнью лежало тяжелымъ бременемъ на моей совѣсти. Но я не могъ освободиться отъ него, потому что я не созрѣлъ достаточно для того, чтобы свободно стряхнуть его съ себя. Ибо ученіе это не есть предписаніе, не есть долгъ и обязанность; оно есть свобода, „благая вѣсть“, какъ оно названо самимъ Христомъ. Въ особенности сильно возбужденъ былъ во мнѣ интересъ къ вопросу о воинской повинности во время службы моей въ Кашау, потому что мнѣ тутъ часто представлялся случай обсуждать его съ разныхъ точекъ зрѣнія вслѣдствіе общенія съ офицерами. Чѣмъ болѣе я слышалъ, чѣмъ болѣе я видѣлъ, тѣмъ болѣе подтверждались мои мысли. Угнетающее меня чувство и напряженіе мысли заставляли меня впередъ уже предчувствовать, что мнѣ предстоитъ какой то психическій толчекъ. Этому не мало способствовало и то, что я ежедневно наблюдалъ изъ своихъ оконъ ученье солдатъ, слышалъ этотъ хаотическій шумъ въ казармахъ. Я слышалъ изъ своей комнаты звяканье ружей, вскидываемыхъ по командѣ на прикладъ и при цѣлевыхъ упражненіяхъ; при помощи воображенія я ви-

либо внѣшнихъ цѣлей; но изъ-за стараній направлять свою собственную жизнь туда, куда этого требуетъ отъ насъ голосъ совѣсти, голосъ Бога. При такомъ стараніи неизбѣжно выходитъ то, что люди, постепенно или же разомъ переставая быть участниками разныхъ видовъ зла и безправія, этимъ самымъ, часто даже безсознательно, содѣйствуютъ прекращенію самого крупнаго зла государственнаго. Единственное, что во власти человѣка, это — управлять самимъ собою, т. е. идти, или не идти туда, куда всегда стремился и будетъ стремиться человѣкъ—къ Богу.

При такомъ стараніи непремѣнно будутъ разрушаться внѣшнія и внутреннія препятствія, мѣшающія людямъ жить хорошо, непремѣнно будутъ являться формы жизни лучшей, болѣе счастливой, чѣмъ теперешняя, будетъ осуществляться всѣми нами страстно желаемое и ожидаемое царство мира и любви. Но для этого прежде всего необходимо, чтобы человѣкъ зналъ и цѣнилъ свое человѣческое достоинство,—чтобы онъ зналъ, что онъ призванъ быть свободнымъ сыномъ Бога. Люди должны понять, что для нихъ унизительно и пагубно продолжать быть безвольными слѣпыми орудіями другихъ людей, именующихъ себя корпоралами, генералами или императорами.

Стоудонъ.
Лѣто 1897 г.

своихъ обходахъ только кратко освѣдомлялся о состояніи наблюдаемаго, вступилъ съ нимъ въ болѣе продолжительный разговоръ. Г-нъ старшій врачъ старался примѣрами изъ исторіи культуры человѣчества, сравненіями цивилизованнаго человѣка съ дикаремъ, на основахъ психологіи, убѣдить испытуемаго въ томъ, что люди съ древнѣйшихъ временъ всегда образовывали государство и уполномочивали управлять имъ того изъ своей среды, который по своимъ выдающимся качествамъ былъ достоенъ такого высокаго назначенія. Благополучіе и безопасность людей, живущихъ въ такихъ государствахъ, требуютъ, чтобы съ искони вѣковъ существовавшее учрежденіе вооруженной силы, существовало бы и впредь.

Но всякое убѣжденіе было напрасно. Д-ръ Шкарванъ упорно оставался при своихъ мысляхъ, которыя онъ считалъ единственно вѣрными и о которыхъ онъ утверждаетъ, что, съ развитіемъ сознанія людей, они будутъ распространяться все болѣе и болѣе. При изложеніи своихъ взглядовъ, а также и при защитѣ ихъ онъ часто приводитъ цитаты изъ сочиненій Толстого. Каждый разъ, какъ только онъ упоминаетъ имя Толстого, въ глазахъ его можно замѣтить особенный блескъ въ связи съ общимъ возбужденіемъ.

10 Марта. Д-ра Шкарвана посѣтила его мать. Посѣщеніе это было для наблюдаемаго неожиданностью и такъ какъ онъ не былъ приготовленъ къ нему, то оно взволновало его. И просьбы матери, которая надѣялась на матеріальную поддержку со стороны его, остались тщетны: онъ остается при своихъ убѣжденіяхъ. Послѣ посѣщенія его мать была спрошена о томъ, не замѣтила ли она перемѣны въ испытуемомъ, но она утверждаетъ, что онъ всегда былъ такимъ, каковъ онъ и сейчасъ.

13 Марта. Мать наблюдаемаго пишетъ письмо, въ которомъ она объясняетъ, что при своемъ посѣщеніи сына она, потому ничего не хотѣла сказать относительно его поведенія, что боялась, чтобы ея показанія не послужили поводомъ къ лишенію его диплома. Она допускаетъ въ своемъ письмѣ, что ея сынъ который всегда былъ серьезенъ, теперь часто смѣется; эта перемѣна заставляетъ ея опасаться, что ея сынъ наслѣдовалъ сумасшествіе отъ отца.

15 Марта. Старшій врачъ д-ръ Людвигъ обращаетъ вниманіе д-ра Шкарвана на послѣдствія его поступка. На предупрежденіе, что онъ можетъ потерять свой дипломъ, онъ отвѣчаетъ, что въ такомъ случаѣ онъ выучится англійскому языку, чтобы имѣть возможность практиковать въ Америкѣ. Когда же ему было объяснено, что въ Америкѣ практика допускается только по предъявленіи диплома, то онъ замѣтилъ, что онъ можетъ очень легко достигнуть возврата своего диплома въ Дерптѣ,

низонному суду, послѣдній получилъ чрезъ гражданское начальство справку, изъ которой видно, что отецъ д-ра Шкарвана умеръ отъ бѣлой горячки, а дѣдъ его по матери отъ сумасшествія.

Кашау
4 Апрѣля 1895 г.
Подписано д-рами Францель и Людвигъ.

Примѣч. отъ редак.: Въ этомъ „докладѣ" много нелѣпыхъ и невѣрныхъ утвержденій, которыхъ, впрочемъ не стоитъ, опровергать, за исключеніемъ одного, болѣе важнаго, по нашему мнѣнію. А именно: не только никто не „уговаривалъ" Шкарвана отказаться отъ службы, но никто рѣшительно изъ его друзей и знакомыхъ не зналъ о томъ, что онъ собирается сдѣлать этотъ шагъ.

Ч.

Конецъ.

Мать, братъ, невѣста и его будущая теща, которые посѣщали его, не могли отклонить его отъ его мыслей, что не удалось также и врачамъ. (Хотя тотъ, у кого есть ложныя идеи, не есть еще безумный, но, съ другой стороны, ложныя представленія, большею частью, имѣютъ своей основой заболѣваніе мозга.)

Объективное изслѣдованіе наблюдаемаго дало слѣдующее: притупленный звукъ въ верхушкахъ легкихъ, лѣвая nasolabial'ная складка выражена сильнѣе правой. Колѣнный и кожный рефлексы замѣтно повышены, чувство локализаціи есть, но въ очень слабой степени. Вышеприведенныя явленія, при найденномъ въ легкихъ поврежденіи, указываютъ на патологическое состояніе нервной системы, а въ связи съ ложными идеями и на заболѣваніе мозга. Для дальнѣйшихъ наблюденій и для немедленнаго назначенія нужнаго леченія необходимо слѣдовало бы д-ра Шкарвана передать спеціалистамъ, для чего и перевести его въ госпиталь № 1. Журналъ наблюденій и препроводительные документы будутъ пересланы.

Кашау, 11-го марта 1895-го г.

Д-ръ Францель.
Д-ръ Людвигъ.

ЖУРНАЛЪ НАБЛЮДЕНІЙ *)

Надъ вольноопред. врачемъ-ассистентомъ к. и. гарниз. госпиталя № 20 Адальбертомъ Шкарваномъ, помѣщеннымъ въ вышеназванный госпиталь 7-го февраля на основаніи приказа корпуснаго командира отъ 7-го февраля для наблюденія надъ его умственными способностями.

АНАМНЕЗЪ.

О прошедшей жизни д-ра Шкарвана, преимущественно на основаніи его собственныхъ показаній, могутъ быть установлены слѣдующія данныя анамнеза. Онъ родился въ 1869-мъ году въ Турдошинѣ, имѣетъ въ живыхъ брата и сестру, которые совершенно здоровы. Его отецъ умеръ въ 1881-мъ году отъ delirium tremens. Его мать жива и здорова. Шкарванъ

*) Журналъ этотъ, хотя и содержитъ много невѣрныхъ и неточныхъ свѣденій, въ общемъ я нахожу настолько характернымъ и интереснымъ, что рѣшилъ сообщить его читателю. Для меня переписалъ его одинъ солдатъ, имѣвшій возможность раздобыть его. А. Ш.

ОГЛАВЛЕНІЕ *)

Стр.

Предисловіе 3

Глава I. **Служба** . . . . . 7—20

Первое полугодіе въ качествѣ рядового въ 1890 г. Университетъ. Второй призывъ въ 1894 г. въ качествѣ военнаго врача. Сомнѣнія и колебанія. Письмо къ другу.

Глава II. **Отказъ** . . . . . 21—31

Наканунѣ. Послѣдній толчекъ. Письмо къ старшему врачу. Увѣщанія сослуживцевъ. Арестъ.

Глава III. **Подъ арестомъ въ больницѣ** . 32—45

Комната для сумасшедшихъ. Посѣщеніе товарищей. Пріѣздъ невѣсты. Недопущеніе свиданія съ другомъ. Свиданіе съ братомъ. Письма пасторовъ. Увѣщаніе санитарнаго начальника.

Глава IV. **Почему нельзя служить военнымъ врачемъ** . . . . . 46—49

О дѣятельности военнаго врача, противорѣчащей совѣсти.

Глава V. **Судебное слѣдствіе и свиданіе съ матерью** . . . . . 50—60

Предварительный допросъ. Увѣщанія майора-аудитора (судьи). Нездоровье. Отношенія сторожа-солдата. Перемѣна камеры. Пріѣздъ матери. Второй допросъ. Прощаніе съ товарищемъ-врачемъ. Отъѣздъ въ Вѣну.

Глава VI. **Мотивы моего отказа** . . . 61—67

Внутренніе, а не внѣшніе мотивы. Сознаніе собственнаго блага.

Глава VII. **По пути въ Вѣну** . . . . 68—81

Діагнозъ кашаускихъ врачей. Встрѣча съ матерью на станціи желѣзной дороги. Проводы и отношеніе сестры и брата. Разговоръ въ вагонѣ съ друзьями. Повышенное настроеніе и неожиданный инцидентъ.

Глава VIII. **Среди умалишенныхъ** . . . 82—97

Пріѣздъ въ больницу. Первая ночь среди сумасшедшихъ сосѣдей. Смертная тоска. Обновленіе жизненныхъ силъ.—Посѣщеніе начальника военнаго госпиталя. Столкновеніе и устыжа. Допросъ Янхена—начальника психіатрическаго отдѣленія. — Описаніе VI-го отдѣленія больницы и нѣкоторые типы паціентовъ. Обращеніе сторожей съ больными.—Свѣтлыя стороны 9-и недѣльнаго пребыванія въ VI отдѣленіи.

*) Отъ редакціи.

рами іезуитами. Первые полгода онъ отслужилъ въ пѣхотномъ № 67-полку, въ Эперіесъ въ 1889-мъ году. Въ октябрѣ 1894 г. для отбыванія второго служебнаго полугодія, онъ поступилъ въ императорскій и королевскій госпиталь № 20 въ Кашау.

Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ онъ исполнялъ свои обязанности въ I отдѣленіи, куда онъ былъ назначенъ, и своею точностью, послушаніемъ и прилежаніемъ заслужилъ полное одобреніе своего начальства. Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ онъ большею частью проводилъ свое время въ обществѣ своихъ коллегъ, обѣдалъ и ужиналъ всегда съ ними, былъ всегда веселъ и въ хорошемъ настроеніи. Приблизительно въ первой половинѣ декабря 1894 г. онъ сталъ отстраняться отъ своихъ товарищей, по вечерамъ не приходилъ въ ихъ общество, а всегда оставался дома и вмѣсто ужина пилъ русскій чай безъ рома. Въ свободное время, какъ въ госпиталѣ, такъ и у себя, онъ читалъ русскія газеты, произведенія Толстого и переводилъ русскія сочиненія на нѣмецкій языкъ. Въ послѣднее время онъ избѣгалъ всякаго общества, но обыкновенно съ 1 часу дня и до 7 час. веч. оставался въ госпиталѣ, углубившись въ русскія книги. То одиночество, въ которомъ онъ провелъ послѣднее время, та бурная борьба между идеаломъ и разумомъ, которая происходила внутри его, могли вѣроятно привести его къ тому шагу, который онъ сдѣлалъ 7-го февраля. Въ этотъ именно день онъ написалъ письмо, находящееся въ копіи при журналѣ наблюденій и послалъ его съ ефрейторомъ-швейцаромъ начальнику госпиталя. Въ этомъ письмѣ онъ заявилъ, что съ этого времени онъ рѣшилъ не исполнять своихъ служебныхъ обязанностей, и въ истинномъ смыслѣ этого слова перестаетъ быть солдатомъ, такъ какъ это противорѣчитъ его убѣжденіямъ, его образу мыслей, его совѣсти и его религіозному чувству. Онъ вполнѣ поэтому сознательно понимаетъ то, что онъ дѣлаетъ и знаетъ, что будетъ посаженъ въ тюрьму, но тѣмъ не менѣе не можетъ поступить иначе, такъ какъ находится подъ властью, стоящей выше власти всѣхъ великихъ европейскихъ державъ.

Начальникъ госпиталя послалъ къ д-ру Шкарвану двухъ старшихъ ординаторовъ, чтобы они уговорили его явиться на службу. Но всѣ увѣщанія гг. старшихъ ординаторовъ были напрасны, и только тогда, когда начальникъ госпиталя прибылъ самъ къ нему въ сопровожденіи одного офицера, онъ изъявилъ готовность слѣдовать за нимъ въ госпиталь. Тамъ онъ былъ помѣщенъ въ I-е отдѣленіе для наблюденія за его умственными способностями.

...ять въ больницѣ.

Неопредѣленное пол...
...шеніе начальства. Врем...
...ніе арестованной корре...
...ключника. Засѣданіе в...
...знаніе негодности къ служ...

Заключеніе . . . . . .

„Конфиденціальное письмо" предст...
...боднаго" университета. Отмѣна корпусным...
...диромъ рѣшенія врачебной коммиссіи. Отъѣзд...
...границу въ связи съ составленіемъ „Записокъ...
Новый призывъ. Мысли по поводу значенія единич-
ныхъ отказовъ отъ военной службы въ борьбѣ съ
правительствомъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Медицинскій докладъ . . . . . I—II

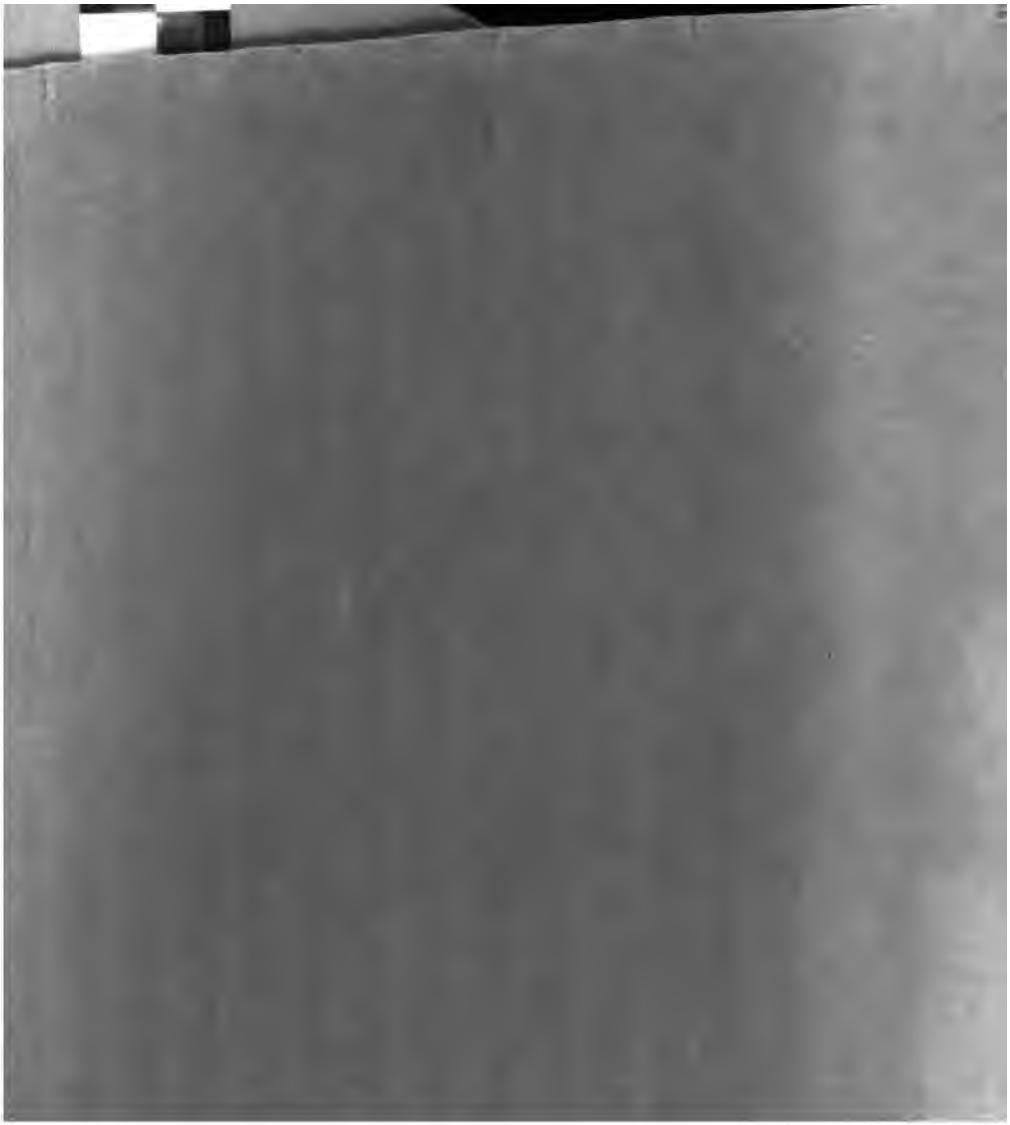
Журналъ наблюденія. . . . . . II—XIII

Анамнезъ. Status present. Наблюденіе. Записи
врачей о душевномъ и физическомъ состояніи quasi-
паціента. Комичная серьезность этихъ записей и
наивная недѣпость утвержденій.

Между этими данными есть нѣсколько мотивовъ, на которыхъ онъ основываетъ свою душевную борьбу, пережитую имъ во времена студенчества,- которые характеристичны. Самъ католикъ, онъ ненавидитъ католическую религію съ ея обрядами, и только религіозность народа и нѣкоторыхъ интеллигентныхъ людей заставляла его относиться къ нимъ съ уваженіемъ. Въ послѣдніе два года пребыванія въ гимназіи, онъ дѣлалъ все то дурное, что more patrio (по обычаю предковъ) привыкли продѣлывать всѣ молодые люди. Онъ отдавался удовольствіямъ всѣми силами своей души, думая, что въ нихъ и заключается человѣческое счастье. И онъ сначала испытывалъ его дѣйствительно, потому что внутренняя сущность его еще не пробудилась; онъ не видалъ темныхъ сторонъ безпорядочной и развратной жизни, такъ какъ она ослѣпляла и увлекала его своимъ кажущимся блескомъ. Буда-Пештъ въ особенности представилъ ему возможность въ широкой мѣрѣ пользоваться удовольствіями. Онъ былъ желаннымъ товарищемъ въ серьезномъ, менѣе серьезномъ, легкомысленномъ и совсѣмъ безпорядочномъ обществѣ, такъ какъ онъ до сихъ поръ обладаетъ въ достаточной степени способностью приспособляться. Такъ безнравственно проходила вся его жизнь; онъ проводилъ ночи, играя въ карты, танцуя, пьянствуя и занимаясь любовными похожденіями и все еще не имѣя понятія о своей нехристіанской, противной Богу, жизни. Его душевное состояніе представляло собою смѣшеніе благороднаго и низкаго. Вскорѣ разочарованіе и сомнѣнія стали все болѣе и болѣе проникать въ его душу, и его пребываніе въ Прагѣ только способствовало тому, чтобы сдѣлать изъ него пессимиста, ищущаго въ окружающей жизни и въ книгахъ помощи, и находившаго вмѣсто нея только одно одурѣніе. Любимымъ его мѣстомъ пребыванія въ это время былъ анатомическій театръ и не то, чтобы наука, а картина разрушенія, тлѣнія, уничтоженія, — было то, что влекло его туда. Описывая это состояніе, онъ изображаетъ его въ слѣдующихъ патетическихъ выраженіяхъ:

„Ты и всѣ вы, наблюдающіе зернистое перерожденіе легкихъ при пневмоніи,- вы также будете безжизненными трупами, и все перестанетъ быть для васъ. Зачѣмъ мы радуемся, зачѣмъ живемъ, если нынче или завтра придетъ конецъ жизни. Нѣтъ спасенія отъ смерти."

Онъ терялъ вѣру все болѣе и болѣе, не вѣру, которой учитъ катехизисъ, а вѣру въ соціальные порядки нашей жизни, въ жизнь вообще. Онъ переживалъ ужасные дни, онъ завидовалъ неодушевленнымъ предметамъ, потому что они ничего не видятъ, ничего не знаютъ. О пережитомъ имъ въ это время онъ вспоминаетъ неохотно и говоритъ, что онъ дошелъ тогда



мнѣ радость и удовлетвореніе; вы не понимаете этого: мнѣ лучше, чѣмъ вамъ.

21 Февраля. Паціенту предложено мотивировать свой послѣдній поступокъ, и онъ обѣщалъ черезъ нѣсколько дней представить аргументацію письменно.

. . . . . .

26 Февраля. Паціентъ передаетъ требуемыя данныя для объясненія своего поступка. Написанное имъ передается здѣсь дословно:

„Хотя я никогда не занимался спеціально вопросомъ о войнѣ и общей воинской повинности, но какъ только новый свѣтъ ученія Христа освѣтилъ меня, мое вниманіе обратилось невольно на него. Правда, я всегда питалъ естественное, свойственное всѣмъ людямъ, отвращеніе къ милитаризму, но не задумывался надъ этимъ, и, не размышляя, склонялся къ общему мнѣнію, что война есть неизбѣжное зло, которое будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока существуютъ люди. Дарвиновская теорія о постоянной борьбѣ за существованіе, на которую такъ часто и неумѣстно ссылаются люди, поддерживала и во мнѣ это мнѣніе. Ибо хотя вѣрно, что жизнь есть борьба, но невѣрно, что это есть борьба желѣзомъ — брата противъ брата. Уже и въ настоящее время человѣкъ выходитъ на борьбу за существованіе вооруженнымъ болѣе благороднымъ оружіемъ и начинаетъ понимать, что ему выгоднѣе быть въ братствѣ со своими ближними, чѣмъ враждебно отдѣлять себя отъ нихъ. И весь ходъ исторіи въ особенности ясно со времени Христа доказываетъ, что люди все болѣе и болѣе отвращаются отъ грубости, и нравы и сознаніе ихъ облагораживаются.

И потому сознательно или безсознательно, но мы движемся впередъ единственно только тѣми мыслями, которыя возбудилъ Христосъ. Мы не переросли ученія Христа, какъ это думаютъ европейцы новѣйшаго времени, а мы скорѣе не доросли до истиннаго пониманія его, не говоря уже объ умѣніи устроить нашу жизнь сообразно ему. Важную, можно сказать, главнѣйшую заповѣдь далъ людямъ Христосъ, отмѣнившій до тѣхъ поръ дѣйствовавшій законъ: „око за око, зубъ за зубъ“ (дѣйствующій и до нынѣ), сказавъ: „а я говорю вамъ: не противься злому“ или какъ это сказано въ другомъ нѣмецкомъ переводѣ: „Wiedersetzt euch nicht dem Ruchlosen“*) Заповѣдь эта должна быть принята въ ея обширнѣйшемъ смыслѣ, и тотъ кто ее принялъ, для того уже разрѣшены многіе угнетающіе вопросы. Заповѣдь эта, когда она будетъ принята человѣчествомъ (а это должно совершиться), приведетъ также

*) Нѣмецкій переводъ Эсса.

къ разрѣшенію всѣхъ жгучихъ вопросовъ. Не парламенты или анархисты, а то обстоятельство, что люди дадутъ другое направленіе своему сознанію, произведетъ измѣненіе къ лучшему. Не извнѣ, а изнутри должна придти реформа. Практическое ученіе и выводъ, которые должны вытекать для человѣка изъ этого ученія относительно милитаризма заключается въ слѣдующемъ: „я знаю, что милитаризмъ сталъ громадной и ненужной тяжестью для человѣчества; кромѣ того онъ есть зло въ мирное и военное время, и потому я не буду съ нимъ бороться насиліемъ, такъ какъ это было бы дурно и безполезно, но я просто не приму участія въ злѣ. И я буду поступать такъ только въ томъ случаѣ, когда это дастъ мнѣ внутреннее удовлетвореніе и когда поступокъ этотъ будетъ для меня выгоднѣе, чѣмъ продолжать быть рабомъ государственнаго закона. Какая радость? Какая выгода? Какая польза? спрашиваетъ плоть человѣческая. Разумъ отвѣчаетъ на это, и все мое внутреннее существо подтверждаетъ этотъ отвѣтъ: „Духъ не знаетъ предѣловъ, а жизнь духа — единственная истинная жизнь — дѣйствуетъ и живетъ внѣ препятствій; ни время, ни мѣсто не имѣютъ на нее вліянія. „Вѣтеръ воетъ въ пустынѣ, ты слышишь его шумъ, но не знаешь откуда онъ приходитъ и куда уходитъ.“ Такъ же и жизнь духа: ощущаешь блаженныя послѣдствія ея дѣятельности, сознаешь правоту ея и не спрашиваешь: зачѣмъ? для чего? Не чувствуешь даже потребности такихъ вопросовъ. Уже долгое время были таковыми мои чувства, мои мысли, моя внутренняя дѣятельность, но я все еще продолжалъ тянуть старую лямку. Противорѣчіе между тѣмъ во что я вѣрилъ и моею жизнью лежало тяжелымъ бременемъ на моей совѣсти. Но я не могъ освободиться отъ него, потому что я не созрѣлъ достаточно для того, чтобы свободно стряхнуть его съ себя. Ибо ученіе это не есть предписаніе, не есть долгъ и обязанность; оно есть свобода, „благая вѣсть“, какъ оно названо самимъ Христомъ. Въ особенности сильно возбужденъ былъ во мнѣ интересъ къ вопросу о воинской повинности во время службы моей въ Кашау, потому что мнѣ тутъ часто представлялся случай обсуждать его съ разныхъ точекъ зрѣнія вслѣдствіе общенія съ офицерами. Чѣмъ болѣе я слышалъ, чѣмъ болѣе я видѣлъ, тѣмъ болѣе подтверждались мои мысли. Угнетающее меня чувство и напряженіе мысли заставляли меня впередъ уже предчувствовать, что мнѣ предстоитъ какой то психическій толчекъ. Этому не мало способствовало и то, что я ежедневно наблюдалъ изъ своихъ оконъ ученье солдатъ, слышалъ этотъ хаотическій шумъ въ казармахъ. Я слышалъ изъ своей комнаты звяканье ружей, вскидываемыхъ по командѣ на прикладъ и при цѣлевыхъ упражненіяхъ; при помощи воображенія я ви-

дѣлъ уже тотъ день, когда они также механически, какъ машина, лишенные воли, возьмутъ заряженныя ружья на прикладъ, будутъ стрѣлять, а цѣлью будутъ такіе же живые и чувствующіе люди, какъ и они. Невольно приходили на память слова Л. Толстого изъ его сочиненія „Царство Божіе внутри васъ": „и вотъ скажетъ одинъ дипломатъ другому какую нибудь глупость и они пойдутъ всѣ, какъ скотина, которая идетъ на бойню, понукаемая кнутомъ погонщиковъ, будутъ испытывать страданія и опасности и причинять страданія и смерть такимъ же невиннымъ, не имѣя никакихъ разумныхъ основаній того, что они дѣлаютъ. Всѣ народы исповѣдываютъ одинъ законъ любви, терпѣнія и прощенія и изобрѣтаютъ новыя лучшія ружья и взрывныя машины для того, чтобы завтра же, можетъ быть, имѣть возможность лучше убивать другъ друга. Каждый въ отдѣльности чувствуетъ эту неправду, но не можетъ ничего сдѣлать самъ и повинуясь только палкѣ и голосу своего погонщика, ради него терпитъ всѣ опасности и даже смерть, только потому что не можетъ и у него нѣтъ ничего высшаго, на что бы онъ могъ опереться. И какъ можетъ перемѣниться и стать лучше міръ, когда общество состоитъ только изъ такихъ членовъ. Какъ можно строить домъ, когда бревна гнилы и кривы." Такъ приблизительно говоритъ Толстой. Въ среду вечеромъ, въ то время какъ голова моя была занята этими мыслями, тяжесть сознанія того, что и я участникъ вины угнетало мою совѣсть. Тяжесть эта, наконецъ, стала такъ велика, что я почувствовалъ, что мнѣ ея болѣе не вынести. Но какъ только борьба моя окончилась, и я рѣшилъ сдѣлать то, что я сдѣлалъ, и что вамъ уже извѣстно, мнѣ стало легче. Около полуночи я писалъ письмо, и послѣ этого спокойно заснулъ до утра. До половины дня я чувствовалъ безпокойство отъ ожиданія, но съ тѣхъ поръ—состояніе моей души опять обычное, такое же какъ прежде.

Я не знаю удалось ли мнѣ, хотя бы приблизительно, сдѣлать понятнымъ г-ну старшему врачу мой поступокъ. Я желалъ этого тѣмъ болѣе, что я охотно дѣлюсь своими мыслями съ тѣми, кто меня объ нихъ спрашиваетъ и съ тѣми, къ кому я питаю довѣріе или же любовь."

27-28 Февраля. Паціентъ чувствуетъ себя хорошо; въ оба дня не случилось ничего достойнаго замѣчанія.

3 Марта. Въ теченіи 14 дней д-ръ Шкарванъ ходитъ гулять по саду въ сопровожденіи надзирателя. Цвѣтъ лица паціента, за послѣдніе дни, то краснѣетъ, то блѣднѣетъ. Самъ паціентъ грустенъ и часто лежитъ въ раздумьи на своей кровати.

6 Марта. Г-нъ старшій врачъ, д-ръ Людвигъ, который при

своихъ обходахъ только кратко освѣдомлялся о состояніи наблюдаемаго, вступивъ съ нимъ въ болѣе продолжительный разговоръ. Г-нъ старшій врачъ старался примѣрами изъ исторіи культуры человѣчества, сравненіями цивилизованнаго человѣка съ дикаремъ, на основахъ психологіи, убѣдить испытуемаго въ томъ, что люди съ древнѣйшихъ временъ всегда образовывали государство и уполномочивали управлять имъ того изъ своей среды, который по своимъ выдающимся качествамъ былъ достоенъ такого высокаго назначенія. Благополучіе и безопасность людей, живущихъ въ такихъ государствахъ, требуютъ, чтобы съ испони вѣковъ существовавшее учрежденіе вооруженной силы, существовало бы и впредь.

Но всякое убѣжденіе было напрасно. Д-ръ Шкарванъ упорно оставался при своихъ мысляхъ, которыя онъ считалъ единственно вѣрными и о которыхъ онъ утверждаетъ, что, съ развитіемъ сознанія людей, они будутъ распространяться все болѣе и болѣе. При изложеніи своихъ взглядовъ, а также и при защитѣ ихъ онъ часто приводитъ цитаты изъ сочиненій Толстого. Каждый разъ, какъ только онъ упоминаетъ имя Толстого, въ глазахъ его можно замѣтить особенный блескъ въ связи съ общимъ возбужденіемъ.

10 Марта. Д-ра Шкарвана посѣтила его мать. Посѣщеніе это было для наблюдаемаго неожиданностью и такъ какъ онъ не былъ приготовленъ къ нему, то оно взволновало его. И просьбы матери, которая надѣялась на матеріальную поддержку со стороны его, остались тщетны: онъ остается при своихъ убѣжденіяхъ. Послѣ посѣщенія его мать была спрошена о томъ, не замѣтила ли она перемѣны въ испытуемомъ, но она утверждаетъ, что онъ всегда былъ такимъ, каковъ онъ и сейчасъ.

13 Марта. Мать наблюдаемаго пишетъ письмо, въ которомъ она объясняетъ, что при своемъ посѣщеніи сына она, потому ничего не хотѣла сказать относительно его поведенія, что боялась, чтобы ея показанія не послужили поводомъ къ лишенію его диплома. Она допускаетъ въ своемъ письмѣ, что ея сынъ который всегда былъ серьезенъ, теперь часто смѣется; эта перемѣна заставляетъ ея опасаться, что ея сынъ наслѣдовалъ сумасшествіе отъ отца.

15 Марта. Старшій врачъ д-ръ Людвигъ обращаетъ вниманіе д-ра Шкарвана на послѣдствія его поступка. На предупрежденіе, что онъ можетъ потерять свой дипломъ, онъ отвѣчаетъ, что въ такомъ случаѣ онъ выучится англійскому языку, чтобы имѣть возможность практиковать въ Америкѣ. Когда же ему было объяснено, что въ Америкѣ практика допускается только по предъявленіи диплома, то онъ замѣтилъ, что онъ можетъ очень легко достигнуть возврата своего диплома въ Дерптѣ,

дѣлъ уже тотъ день, когда они также механически, какъ машина, лишенные воли, возьмутъ заряженныя ружья на прикладъ, будутъ стрѣлять, а цѣлью будутъ такіе же живые и чувствующіе люди, какъ и они. Невольно приходили на память слова Л. Толстого изъ его сочиненія „Царство Божіе внутри васъ“: „и вотъ скажетъ одинъ дипломатъ другому какую нибудь глупость и они пойдутъ всѣ, какъ скотина, которая идетъ на бойню, понукаемая кнутомъ погонщиковъ, будутъ испытывать страданія и опасности и причинять страданія и смерть такимъ же невиннымъ, не имѣя никакихъ разумныхъ основаній того, что они дѣлаютъ. Всѣ народы исповѣдываютъ одинъ законъ любви, терпѣнія и прощенія и изобрѣтаютъ новыя лучшія ружья и взрывныя машины для того, чтобы завтра же, можетъ быть, имѣть возможность лучше убивать другъ друга. Каждый въ отдѣльности чувствуетъ эту неправду, но не можетъ ничего сдѣлать самъ и повинуясь только палкѣ и голосу своего погонщика, ради него терпитъ всѣ опасности и даже смерть, только потому что не можетъ и у него нѣтъ ничего высшаго, на что бы онъ могъ опереться. И какъ можетъ перемѣниться и стать лучше міръ, когда общество состоитъ только изъ такихъ членовъ. Какъ можно строить домъ, когда бревна гнилы и кривы.“ Такъ приблизительно говоритъ Толстой. Въ среду вечеромъ, въ то время какъ голова моя была занята этими мыслями, тяжесть сознанія того, что и я участникъ вины угнетало мою совѣсть. Тяжесть эта, наконецъ, стала такъ велика, что я почувствовалъ, что мнѣ ея болѣе не вынести. Но какъ только борьба моя окончилась, и я рѣшилъ сдѣлать то, что я сдѣлалъ, и что вамъ уже извѣстно, мнѣ стало легче. Около полуночи я писалъ письмо, и послѣ этого спокойно заснулъ до утра. До половины дня я чувствовалъ безпокойство отъ ожиданія, но съ тѣхъ поръ—состояніе моей души опять обычное, такое же какъ прежде.

Я не знаю удалось ли мнѣ, хотя бы приблизительно, сдѣлать понятнымъ г-ну старшему врачу мой поступокъ. Я желалъ этого тѣмъ болѣе, что я охотно дѣлюсь своими мыслями съ тѣми, кто меня объ нихъ спрашиваетъ и съ тѣми, къ кому я питаю довѣріе или же любовь.“

27-28 Февраля. Паціентъ чувствуетъ себя хорошо; въ оба дня не случилось ничего достойнаго замѣчанія.

3 Марта. Въ теченіи 14 дней д-ръ Шкарванъ ходитъ гулять по саду въ сопровожденіи надзирателя. Цвѣтъ лица паціента, за послѣдніе дни, то краснѣетъ, то блѣднѣетъ. Самъ паціентъ грустенъ и часто лежитъ въ раздумьи на своей кровати.

6 Марта. Г-нъ старшій врачъ, д-ръ Людвигъ, который п

своихъ обходахъ только кратко освѣдомлялся о состояніи наблюдаемаго, вступилъ съ нимъ въ болѣе продолжительный разговоръ. Г-нъ старшій врачъ старался примѣрами изъ исторіи культуры человѣчества, сравненіями цивилизованнаго человѣка съ дикаремъ, на основахъ психологіи, убѣдить испытуемаго въ томъ, что люди съ древнѣйшихъ временъ всегда образовывали государство и уполномочивали управлять имъ того изъ своей среды, который по своимъ выдающимся качествамъ былъ достоенъ такого высокаго назначенія. Благополучіе и безопасность людей, живущихъ въ такихъ государствахъ, требуютъ, чтобы съ искони вѣковъ существовавшее учрежденіе вооруженной силы, существовало бы и впредь.

Но всякое убѣжденіе было напрасно. Д-ръ Шкарванъ упорно оставался при своихъ мысляхъ, которыя онъ считалъ единственно вѣрными и о которыхъ онъ утверждаетъ, что, съ развитіемъ сознанія людей, они будутъ распространяться все болѣе и болѣе. При изложеніи своихъ взглядовъ, а также и при защитѣ ихъ онъ часто приводитъ цитаты изъ сочиненій Толстого. Каждый разъ, какъ только онъ упоминаетъ имя Толстого, въ глазахъ его можно замѣтить особенный блескъ въ связи съ общимъ возбужденіемъ.

10 Марта. Д-ра Шкарвана посѣтила его мать. Посѣщеніе это было для наблюдаемаго неожиданностью и такъ какъ онъ не былъ приготовленъ къ нему, то оно взволновало его. И просьбы матери, которая надѣялась на матеріальную поддержку со стороны его, остались тщетны: онъ остается при своихъ убѣжденіяхъ. Послѣ посѣщенія его мать была спрошена о томъ, не замѣтила ли она перемѣны въ испытуемомъ, но она утверждаетъ, что онъ всегда былъ такимъ, каковъ онъ и *сейчасъ*.

13 Марта. Мать наблюдаемаго пишетъ письмо, въ которомъ она объясняетъ, что при своемъ посѣщеніи сына она, потому ничего не хотѣла сказать относительно его поведенія, что боялась, чтобы ея показанія не послужили поводомъ къ лишенію его диплома. Она допускаетъ въ своемъ письмѣ, что онъ [illegible] который всегда былъ серьезенъ, теперь часто смѣется; [illegible] ремѣна заставляетъ ея опасаться, что ея сынъ наслѣдовалъ [illegible] мастерство отъ отца.

15 Марта. Старшій врачъ д-ръ Людвигъ [illegible] ніе д-ра Шкарвана на послѣдствія его поступка [illegible] преждевременіе, что онъ можетъ потерять свой дипломъ, [illegible] чаетъ, что въ такомъ случаѣ онъ научится [illegible] чтобы имѣть возможность практиковать въ Америкѣ. [illegible] ему было объяснено, что [illegible] только по предъявленіи [illegible] жетъ очень легко дост[illegible]

гдѣ у него есть знакомое вліятельное лицо. Ему было сообщено, что его можетъ быть заключатъ въ тюрьму, и это вызвало въ немъ большую радость.

Но когда ему разъяснили, что заключеніе въ тюрьмѣ не то, что здѣсь въ госпиталѣ, и что ему можетъ быть придется жить съ другими, грубыми и необразованными людьми, то онъ сдѣлался грустенъ и задумался. Но въ заключеніе высказалъ, что онъ предпочитаетъ тюремное заключеніе потерѣ диплома.

17 Марта. Въ этотъ день были присланы въ госпиталь найденныя императ.-королевскимъ гарнизоннымъ судомъ въ Капау въ квартирѣ д-ра Шкарвана письма и выписки изъ русскихъ сочиненій Толстого. Копіи приложены къ актамъ. Изъ этихъ писемъ и выписокъ можно усмотрѣть, что д-ръ Шкарванъ находился въ письменныхъ сношеніяхъ съ послѣдователями Толстого, и что, кромѣ того что на него вліяли эти идеи, уговоры (?) его единомышленниковъ имѣли также большое значеніе въ отношеніи его рѣшенія насильственно освободиться отъ воинской повинности. Описаніе поступковъ этихъ послѣдователей Толстого, которые были заключены въ тюрьму за свои убѣжденія, могло значительно способствовать тому, что одинаково и наблюдаемый тоже пожелалъ стать мученикомъ за правое дѣло и пожертвовать собой.

Между идеями и чувствами д-ра Шкарвана противорѣчіе (?) въ томъ, что, насколько это можно замѣтить изъ его бумагъ, онъ присоединяется къ взгляду Толстого на то, что воздержаніе отъ брака облагораживаетъ нравы какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, и слѣдовательно онъ не долженъ бы былъ питать намѣренія жениться, но тѣмъ не менѣе по поводу посѣщенія его невѣстой выразилъ, что онъ очень радъ тому, что отношенія между нимъ и его невѣстой остаются прежнія, т. е. что онъ увѣренъ теперь, что она будетъ и впредь его любить, не смотря на совершенный имъ поступокъ и на то, что онъ остается при своемъ намѣреніи.

Не согласно также съ христіанскимъ ученіемъ, выраженнымъ въ найденныхъ запискахъ, и то обстоятельство, что на вопросъ, игралъ ли онъ раньше въ карты, наблюдаемый отвѣтилъ, что иногда и даже за послѣднее время онъ игралъ и всегда радовался, если его партнеры проигрывали (?!).

25 Марта. Около 8 дней наблюдаемый очень грустенъ, говоритъ мало и имѣетъ дурной видъ. На вопросъ не произошло ли какого нибудь измѣненія въ его взглядахъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ въ госпиталь, онъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, я думаю совершенно такъ же, какъ и при поступленіи въ госпиталь.

28 Марта. Вслѣдствіе запроса гарнизоннаго госпиталя гар-

ОГЛАВЛЕНІЕ *)

Стр.

Предисловіе 3

Глава I. **Служба** . . . . . 7—20

Первое полугодіе въ качествѣ рядового въ 1890 г. Университетъ. Второй призывъ въ 1894 г. въ качествѣ военнаго врача. Сомнѣнія и колебанія. Письмо къ другу.

Глава II. **Отказъ** . . . . . 21—31

Наканунѣ. Послѣдній толчекъ. Письмо къ старшему врачу. Увѣщанія сослуживцевъ. Арестъ.

Глава III. **Подъ арестомъ въ больницѣ** . 32—45

Комната для сумасшедшихъ. Посѣщеніе товарищей. Пріѣздъ невѣсты. Недопущеніе свиданія съ другомъ. Свиданіе съ братомъ. Письма насторовъ. Увѣщаніе санитарнаго начальника.

Глава IV. **Почему нельзя служить военнымъ врачемъ** . . . . . 46—49

О дѣятельности военнаго врача, противорѣчащей совѣсти.

Глава V. **Судебное слѣдствіе и свиданіе съ матерью** . . . . . 50—60

Предварительный допросъ. Увѣщанія майора-аудитора (судьи). Нездоровье. Отношенія сторожа-солдата. Перемѣна камеры. Пріѣздъ матери. Второй допросъ. Прощаніе съ товарищемъ-врачемъ. Отъѣздъ въ Вѣну.

Глава VI. **Мотивы моего отказа** . . . 61—67

Внутреннія, а не внѣшніе мотивы. Сознаніе собственнаго блага.

Глава VII. **По пути въ Вѣну** . . . . 68—81

Діагнозъ кашаускихъ врачей. Встрѣча съ матерью на станціи желѣзной дороги. Проводы и отношеніе сестры и брата. Разговоръ въ вагонѣ съ друзьями. Повышенное настроеніе и неожиданный инцидентъ.

Глава VIII. **Среди умалишенныхъ** . . . 82—97

Пріѣздъ въ больницу. Первая ночь среди сумашедшихъ сосѣдей. Смертная тоска. Обновленіе жизненныхъ силъ.—Посѣщеніе начальника военнаго госпиталя. Столкновеніе и устныя. Допросъ Янхена—начальника психіатрическаго отдѣленія. — Описаніе VI-го отдѣленія больницы и нѣкоторые типы паціентовъ. Обращеніе сторожей съ больными.—Свѣтлыя стороны 9-и недѣльнаго пребыванія въ VI отдѣленіи.

*) Отъ редакціи.

Глава IX. **Опять въ Кашау** . . . . . 98—106

Праздничное настроеніе во время пути. Встрѣчи и проводы. Возвращеніе въ кашаускую больницу. — Отнятіе шпаги. Дружеское расположеніе солдата-сторожа. Бесѣда съ двумя дежурными врачами. Встрѣча въ саду съ начальникомъ госпиталя. Безъ-заботность молодости.

Глава X. **Первое время въ тюрьмѣ** . . 107—121

Препровожденіе въ тюрьму. Непоколебимое сознаніе правоты своего поступка. Заключеніе въ одиночной камерѣ. Описаніе ея. Чтеніе „тюремныхъ правилъ." „Прогулка." Внутренняя жизнь—своимъ чередомъ. Отношеніе тюремныхъ надзирателей. Знакомства съ заключенными. Особый міръ. Цинизмъ при обыскѣ арестантовъ. Нѣкоторыя льготы. Чувство свободы внутренней. Сближеніе съ семьями тюремнаго надзирателя и съ караульными солдатами.

Глава XI. **Допросъ, отнятіе диплома, судъ и приговоръ** . . . . 122—132

Майоръ-аудиторъ и его отношеніе. Допросъ въ судебной залѣ. Увѣщанія судьи и угроза. Вторичный допросъ. Рѣшительный моментъ. Обстановка суда. Чтеніе обвинительнаго акта. Семеро судей. Чтеніе приговора и гнетущая торжественность. Облегченіе по окончаніи процедуры. Радость свиданія съ другомъ.

Глава XII. **Изъ тюремной жизни** . . . 133—150

Перемѣны въ жизни послѣ приговора. Лишеніе льготъ и вновь постепенное смягченіе. Арестантское купанье. Переписка „окольнымъ путемъ". Невозможность физическаго труда. Занятія арестантовъ. Разрушеніе здоровья заключенныхъ. Столкновенія съ старшимъ надзирателемъ — характеръ его. Другой типъ — младшій надзиратель. Посѣщенія знакомыхъ. Участіе друзей. Мысли о неизбѣжности преслѣдованія правительствами людей свободнаго христіанскаго жизнепониманія. Современное рабство.

Глава XIII. **Какъ я попалъ въ исправительный карцеръ** . . . . 151—164

Запрещенная корреспонденція. Арестъ ключника. Допросъ судьи. Донесеніе корпусному командиру. Обыскъ въ камерѣ. Грубость процедуры. — Карцеръ. Описаніе его. Истинная привиллегія — попасть въ положеніе большинства угнетенныхъ. Душевное спокойствіе и дѣтскія фантазіи. Осмотръ врача. Лицемѣріе „гуманныхъ мѣръ".

Глава XIV. **Въ исправительномъ карцерѣ.** 165—175

Какъ проходилъ день за днемъ. Два воспоминанія; знакомство съ сосѣдомъ-арестантомъ и посѣщеніе матери. Письма друзей; нравственная помощь и ободреніе.

Глава XV. **Послѣднее время въ тюрьмѣ** . 176—188

Привѣтливое отношеніе служащихъ и арестантовъ. Визитъ офицера; разныя жизнепониманія. Окончаніе срока заключенія. Прощаніе съ надзирателями.

Опять въ больницѣ.

Неопредѣленное пол
шеніе начальства. Врем
ніе арестованной коррес
ключника. Засѣданіе к
знаніе негодности къ служ

Заключеніе . . . . . .

„Конфиденціальное письмо“ предст
боднаго“ университета. Отмѣна корпуснымъ ко
диромъ рѣшенія врачебной коммиссіи. Отъѣздъ за
границу въ связи съ составленіемъ „Записокъ“.
Новый призывъ. Мысли по поводу значенія единич-
ныхъ отказовъ отъ военной службы въ борьбѣ съ
правительствомъ.

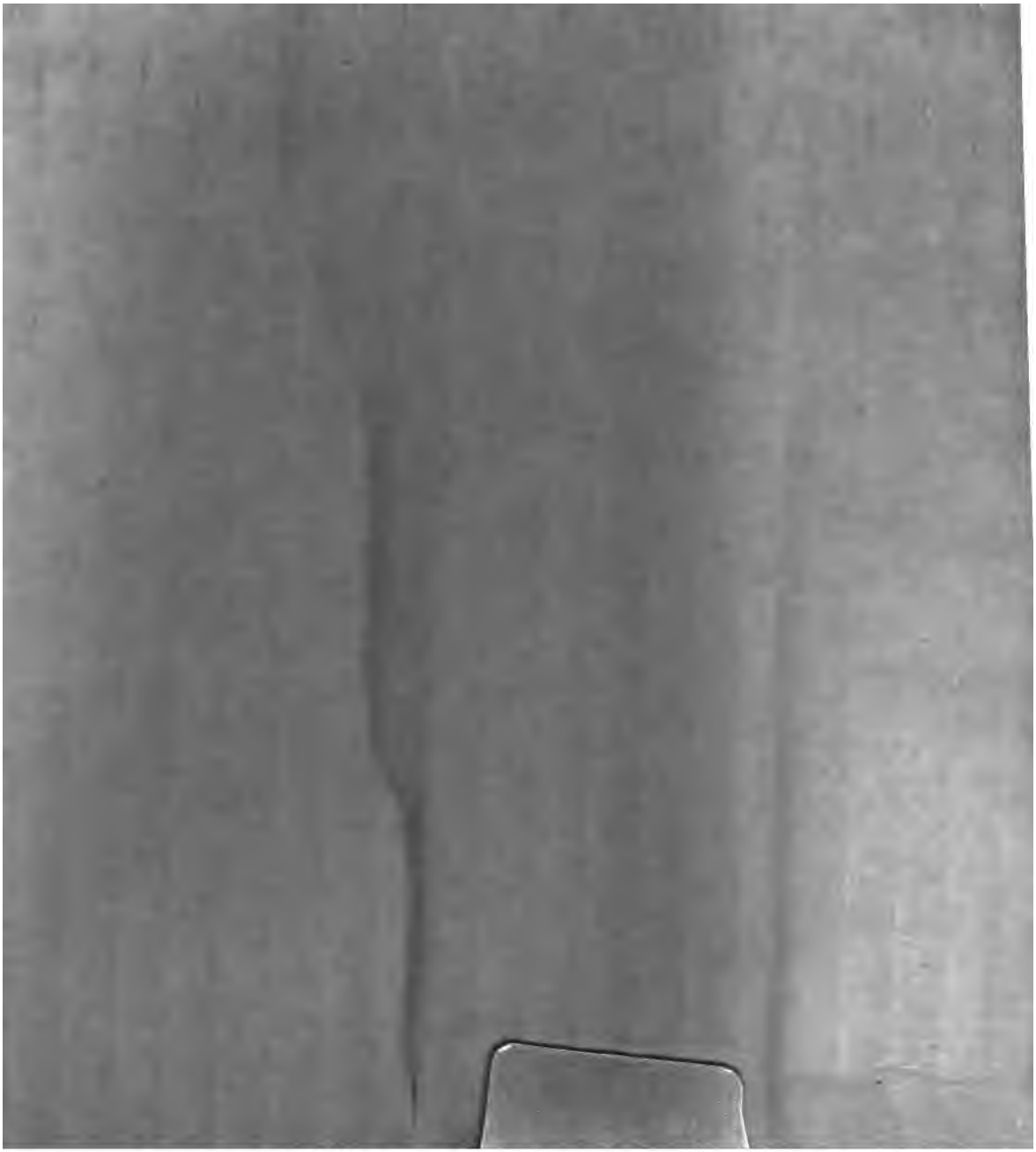
ПРИЛОЖЕНІЯ:

Медицинскій докладъ . . . . . I—II

Журналъ наблюденія. . . . . II—XIII

Анамнезъ. Status present. Наблюденіе. Записи врачей о душевномъ и физическомъ состояніи quasi-паціента. Комичная серьезность этихъ записей и наивная нелѣпость утвержденій.

Глава IX. **Опять въ Кашау** . . . . . .
Праздничное настроеніе во в[illegible] К И.
проводы. Возвращеніе въ к[illegible]
Отнятіе шпаги. Дружеское [illegible]лѣдующія опечатки, прежде
сторожа. Бесѣда съ двумя [illegible]
Встрѣча въ саду съ начал[illegible]
заботность молодости.

Глава X. **Первое** [illegible]

			[illegible]атано	слѣдуетъ читать
			[illegible]мѣнились	обмѣнялись
		2	дума-ь	думать
	[illegible]	—	опомнились?	опомнились.
	—	1	неудовлетворенняа	неудовлетворенная
85	—	13	неня	меня
89	—	9	отчаси	отчасти
95	—	2	боььних	больныхъ
99	—	4	относителяно	относительно
118	12	—	но	по
123	13	—	предыдущемъ	предварительномъ
134	—	11	кааъ	какъ
136	15	—	дѣлалоьс	дѣлалось
144	—	6	вседа	всегда
146	—	5	просили	просилъ
146	—	19	моет	моего
182	—	9	исыытывалъ	испытывалъ
183	—	9	фьльдфебель	фельдфебель
194	—	10	запутаннесть	запутанность
			ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:	
II	7	—	сѵѣдующее	слѣдующее
III	5	—	втрораго	втораго
VIII	18	—	постоя нной	постоянной
X	15	—	чувств енн	чувствуетъ
XI	—	4	возвожность	возможность
XI	—	4	практиеовать	практиковать
XII	16—17	—	отноженіи	отношеніи
XII	19	—	убѣждейнія	убѣжденія